

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ВОСПИТАНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ IV.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Изданіе А. СЕМЕНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, Августа 2-го дня 1845 года.

Ценсоръ Н. Зерновъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

МОЛИТВА.

Молю Святое Провидѣнье:
 Оставь мнѣ тягостные дни,
 Но дай желѣзное терпѣнье,
 Но сердце мнѣ окамени;
 Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
 Приду къ таинственнымъ вратамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовый
 Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи! доступны
 Твои Сіонскіи высоты?
 Тому, чьи мысли неподкупны,
 Чьи цѣломудренны мечты;

Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
 Не взвѣшивалъ, не продавалъ
 Не ухищрялся противъ брата
 И на врага не клеветалъ;
 Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
 Но сердцемъ чистымъ и живымъ
 Ему со страхомъ поклонялся,
 Съ любовью плакалъ передъ Нимъ!
 И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
 Мечемъ ли руку ополчить?
 Велѣній Господа посланникъ,
 Онъ исполина сокрушить!
 Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
 Возлюбятъ правду, весь и градъ
 Взыграютъ радостью свободы
 И нивы златомъ закипятъ!
 Возметъ ли арфу? Дивной силой
 Духъ преисполнится его.—
 И какъ орелъ ширококрылой,
 Взлетитъ до неба твоего!

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море ,
 День и ночь шумить оно ;
 Въ роковомъ его просторѣ
 Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья ! Вѣтромъ полный
 Парусъ мой направилъ я :
 Полетить на скользки волны
 Быстрокрылая ладья !

Облака бѣгутъ надъ моремъ ,
 Крѣпнеть вѣтеръ, зыбь чернѣй ,
 Будетъ буря : мы поспоримъ
 И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья ! Туча грянетъ ,
 Закипитъ громада водъ ,
 Выше валь сердитый встанетъ ,
 Глубже бездна упадетъ !

Тамъ, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна;
 Не темнѣютъ неба своды,
 Не проходить тишина.

Но туда выносить волны
 Только сильнаго душой!..
 Смѣло, братья, бурей полный
 Прямо и крѣпокъ парусъ мой.

МОЯ РОДИНА.

«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?
 Тамъ ли, гдѣ льется лазурная Рона;
 Тамъ ли, гдѣ пѣли пѣвцы Альбіона;
 Тамъ ли, гдѣ бился Арминій—герой?»
 —Не тамъ, гдѣ сражался герой Тунсконя
 За честь и свободу отчизны драгой;
 Не тамъ, гдѣ носился гласъ Барда живой;
 Не тамъ, гдѣ струится лазурная Рона —

«Гдѣ твоя родина пѣвецъ молодой?»

—Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ;

Гдѣ бились Славяне при пѣсняхъ Баяновъ;

Гдѣ Волга, какъ море волнами шумить...

Тамъ память героевъ, тамъ край вдохновеній,

Тамъ все, что мнѣ мило, чѣмъ сердце горить;

Туда горделивый пѣвецъ полетитъ,

И струны пробудятъ минувшаго геній! —

«Кого-же прославить пѣвецъ молодой?»

—Пѣвца восхищаютъ могучіе дѣды;

Онъ любитъ Славянскихъ героевъ победы,

Ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой;

Онъ любитъ долины, гдѣ бились народы,

Пылая къ отчизнѣ любовью святой;

Гдѣ падали силы Орды Золотой;

Гдѣ пѣлися пѣсни войны и свободы. —

«Кого-же прославить пѣвецъ молодой?»

—Отъ звука роднаго, съ ихъ бранною славой,

Какъ звѣзды, блистая красой величавой,

Востанутъ герои изъ мрака тѣней:

Вы, страшные Грекамъ, и ты, нашъ Арминій,

Младый, но ужасный средь вражьихъ мечей,

И ты, сокрушитель Татарскихъ цѣпей,

И ты, побѣдившій враговъ и пустыни!

«Но кто же младаго пѣвца наградить?»

—Пылаетъ онъ жаждой награды высокой,

Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой

И, гордый, всеильной судьбы не винить...
 Такъ бурей гонимый, средь мрака ночнаго,
 Пловецъ по ревающимъ пучинамъ летить,
 На грозное небо спокойно глядитъ
 И взорами ищетъ свѣтила роднаго!—
 «Но кто же младаго пѣвца наградить?»
 —Потомокъ героевъ, какъ предки, свободной,
 Пѣвецъ не унижить души благородной
 Отъ почестей свѣта и пышныхъ даровъ.
 Онъ славить отчизну—и въ гордости смѣлой
 Не занять молвою, не терпѣть оковъ:
 Онъ ждетъ себѣ славы—за далью вѣковъ...
 И взоры сверкають надеждой веселой!—

ОЛЕГЪ.

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
 Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
 То люди выходятъ изъ Кіевскихъ вратъ:
 Князь Игорь, его воеводы,
 Дружина, свои и чужіе народы
 На берегъ Днѣпровскій, въ долину спѣшатъ,

Могильнымъ общественнымъ пиромъ
 Отправить Олегу почетный обрядъ,
 Великому бранью и миромъ.

Пришли—и широко, бойцевъ и гражданъ
 Толпы обступили густыя
 То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ,
 Да въщаго помнитъ Россія; —
 Гдѣ князь бездыханный, въ доспѣхахъ златыхъ
 Лежалъ средь зеленого луга,
 И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ —
 Конь бѣлый,—стоялъ изукрашенъ и тихъ
 У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей,
 Отцемъ, опочившаго звали,
 Горючія слезы текли изъ очей,
 Носилися вопли печали;
 И долго, и долго вопилъ и стеналъ
 Народъ, покрывавшій долину;
 Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ
 И бранному въ честь властелину
 Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
 Безъ жизни къ ногамъ своему господину.

Все стихло. . . руками бойцевъ и гражданъ
 Подвинулись глыбы земныя. . .
 И вонь на долину огромный курганъ,
 Да вѣщаго помнитъ Россія.

Волнуясь, могилу народъ окружалъ,
 Какъ волны морскія несмѣтный;
 Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналъ:
 Въ стаканъ золотой и заветный
 Онъ медъ наливалъ искрометный,
 Онъ въ память Олегу его выпивалъ;
 И вновь наполняемый медомъ,
 Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
 Съ конца до конца, межъ народомъ,
 Ходилъ золотой и заветный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку,
 Откинувъ доспѣхъ боевой,
 Свершить на могилъ потышную драку
 Воители строятся въ строй;
 Могучи, отваги исполнены жаромъ,
 Отъ разныхъ выходятъ сторонъ,
 Сошлись и бьются. . . ударъ за ударомъ,
 Ударомъ ударъ отражёнъ!
 Сверкають ихъ очи; десницы высокой
 И ловокъ, и мѣтокъ размахъ;

Увертливы станомъ и грудью широкой ,

И тверды бойцы на ногахъ !

Расходятся, сходятся . . . сшибка другая . . .

И пала одна сторона !

И громко народъ зашумѣлъ, повторяя

Счастливыхъ бойцевъ имена.

Тутъ съ поприща боя, ихъ рѣчью приветной

Князь Игорь къ себѣ подзывалъ ;

Въ стаканъ золотой и заветной

Онъ медъ наливалъ искрометной ,

Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ ;

И вновь наполняемый медомъ ,

Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ ,

Съ конца до конца, межъ народомъ ,

Ходилъ золотой и заветный стаканъ.

Вдругъ,—словно мятежъ умиряется шумный

И чинно дорогу даётъ ,

Когда посѣдѣлый въ добръ и разумный

Бояринъ на Вѣче идётъ ,

Толпы разступились . . . и сталъ среди схода

Съ гуслями въ рукахъ Славянинъ.

Кто онъ ? онъ не князь и не княжескій сынъ ,

Не старецъ, совѣтникъ народа ,

Не славный дружинъ воевода ,

Не славный соратникъ дружинъ ;

Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
 Красой вдохновеннаго гласа...
 Онъ сталъ среди схода,—молчанье кругомъ,
 И звучная пѣснь раздалася!

 Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ былъ
 Правитель полночной державы;
 Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
 Древлянъ вѣковыя дубравы;
 Какъ дружно собирались въ далекій походъ
 Народы по слову Олега;
 Какъ шли чрезъ пороги подъ грохотомъ водъ
 По высямъ Днѣпровскаго брега;
 Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
 Проворные Русскіе чѣлны;
 Летѣла, шумѣла станица вѣтриль
 И прыгали чѣлны чрезъ волны;
 Какъ послѣ, водима любимымъ вождемъ,
 Сражалась, гуляла дружина
 По градамъ и селамъ, съ мечемъ и съ огнемъ,
 До града царя Константина;
 Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
 Свой щитъ знаменитый во брани,
 И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
 Богатствами Греческой дани!

 Умолкъ онъ—и радостнымъ крикомъ похвалъ

Народъ отзывался несмѣтный;
 И братски Баяна самъ князь обнималъ,
 Въ стаканъ золотой и завѣтный
 Онь медъ наливалъ искрометный,
 И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
 И вновь наполняемый медомъ,
 Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
 Съ конца до конца, межъ народомъ,
 Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

ЛИВОНІЯ.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
 Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
 Тяжелый мечъ наследниковъ Рорбаха,
 Ливоніи прекрасной красота!
 Прошла пора твоихъ завоеваній,
 Когда въ огняхъ тревоги боевой,
 Вожди побѣдъ, смирители Казани,
 Смирялися, блвднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
 Не все, не все у славы отняла :
 И черныя дѣла опустошенья,
 И доблести возвышенной дѣла...
 Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
 Для гордости Поэтова чела! —

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
 Гдѣ бранная воспитывалась честь,
 Гдѣ торжество не вѣдало пощады
 И грозную разгорячало мечь —
 Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
 Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ, ...
 И нѣтъ въ груди волненія живаго,
 И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ!

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
 Въ душѣ его такая-ль тишина,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
 Является святая старина!

Исполненный божественной отрады,
 Онъ зрять въ мечтахъ минувшіе вѣка;
 Душа кипитъ; горять, яснѣютъ взгляды....
 И падаетъ къ струнамъ его рука.

ЕВПАТІЙ.

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть? ..
 Въ Рязанскія стѣны вломилась Татары! ..
 Тамъ сильныя долгошибались удары, ждадутъ
 Тамъ долго сражались насиліемъ чести, ..
 Но все побѣдили Батыевы рати: ..
 Нашъ градъ пепелище и князь нашъ убитъ! ..
 Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ, ..
 И страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій. ..

«О витязь! я видѣлъ сей день роковой: ..
 Багровое пламя весь градъ обхватило, ..
 Какъ башня спрямилось, какъ буря завывало; ..
 На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой, ..
 И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій ..
 Въ дыму заглушали звенящій бумать. ..
 Все пало... и небо стерпѣло сей адъ! ..
 Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій. ..

Гдѣ—гдѣ по широкой долинь огонь ..
 Сверкаетъ во мракъ ночнаго тумана: ..
 То грозная рать побѣдителя Хана ..

Покоится ; тихи вонтель и конь ;
 Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой ,
 Татаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ ,
 То вздрогнувъ, безмолвный, подыметъ, свой щитъ
 То схватить свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ
 « На битву, на битву ! » взываютъ Татары.
 Откудажъ свершитель отчаянной кары ?
 Не все ли погибло въ крови и въ огнь ?
 Отчизна, отчизна ! подъ латами чести
 Есть сильное чувство, живое, одно. . .
 Полмертвую руку подыметъ оно
 Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ ,
 Почуя незапный набѣгъ урагана :
 Шумять и волнуются ратники Хана ;
 Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ ,
 Толпы за толпами, какъ тучи густыя ,
 Дружину отважныхъ стѣсняють кругомъ ;
 Сто копій сражаются съ Русскимъ копьемъ. . .
 И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночнаго тумана покровъ ,
 Утихла долина убійства и славы.
 Кто сей на долину убійства и славы

Лежить окруженный тѣлами враговъ ?
 Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій ,
 Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ,
 А длань еще держитъ кровавый булатъ :
 Сей падшій воитель свободы—Евпатій !

ПѢСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА.

Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ ,
 Когда, горделивый и смѣлый какъ дѣды ,
 Съ дружиной героевъ искалъ я побѣды
 И чести жить славой въ грядущихъ вѣкахъ.
 Мы бились жестоко : враги передъ нами ,
 Какъ нива предъ бурей, ложилися въ прахъ ;
 Мы грады и села губили огнями
 И Скальды насъ пѣли на чуждыхъ поляхъ.

Мы бились мечами въ тотъ день роковой ,
 Когда, побѣдивши морскія пучины ,
 Мы вышли на берегъ Гензинской долины
 И встрѣчены грозной, неожиданной войной.

Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,
 Враги насъ тѣснили толпа за толпой;
 Ихъ кровью намокли поля боевыя,
 И мы побѣдили въ тотъ день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
 Когда я, отважный потомокъ Одина,
 Принесъ ему въ жертву врага—исполина,
 При громъ оружій, при свѣтъ луны.
 Мы бились жестоко: съкирой стальною
 Разилъ меня дикій питомецъ войны;
 Но я разрубилъ ему шлемъ съ головою,
 И мы побѣдили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынамъ
 Оставилъ я броню и щитъ мой широкій,
 И бранное знамя, и шлемъ мой высокій,
 И мечъ мой, ужасный далекимъ странамъ.
 Мы бились жестоко—и гордые нами
 Потомки, отвагой подобные намъ,
 Развѣсятъ кольчуги съ щитами, съ мечами,
 Въ чертогахъ отцовскихъ на память сынамъ.

КУДЕСНИКЪ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней ,

Счастливый дарами природы ,

Народъ Ярославовъ, на волю своей ,

Себѣ избираетъ и ставитъ князей ,

Полякамъ назначаетъ походы

И жалуетъ миромъ сосѣдей—враговъ—

Толпятся: Кудесникъ явился изъ Чуди...

Къ нему— то съ далекихъ и ближнихъ концовъ

Стеклись любопытные люди.

И старецъ Кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,

Въ толпу изъ толпы переходить ;

Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ ,

О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ

Твердитъ и руками разводить ;

Святителей, церковь и святость мощей ,

Христа и Пречистую Дѣву поносить ;

Онъ сдѣлаетъ чудо—и добрыхъ людей

На чудо пожаловать просить.

Онъ сладко, хитро празднословить и лжетъ ,

Смущаетъ умы и морочить :

Ужъ онъ-то потышитъ великій народъ,
 Ужъ онъ-то Кудесникъ чрезъ Волховъ пойдетъ
 Водой—и ноги не замочить.

Вотъ вышелъ Епископъ Θεодоръ съ крестомъ;
 Къ народу, народъ отъ него отступилъ;
 Лишь князь со своимъ правотѣрнымъ полкомъ
 Къ святому кресту приложился.

И вдругъ къ соблазнителю, твердой стопой
 Подходить онъ, грозень и пылокъ:

« Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой? »

Замаялся Кудесникъ и самъ онъ не свой,
 И жметъ, и чешетъ затылокъ.

— Я сдѣлаю чудо. « Безумный старикъ,
 Солгалъ ты! » И княжеской дланью своею
 Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый, и въ мигъ
 Чело раздвоилъ чародѣю.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское ,
 Когда надъ нимъ свѣтило дня
 Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
 Встаетъ въ торжественномъ поковъ :
 Его красой озарена ,
 Цвѣтами радуги играя ,
 Лежить равнина водяная
 Необозрима и пышна ;
 Прохлада утренняя вѣтъ,
 Едва колышутся лѣса ,
 Какъ блески золота, свѣтлѣтъ
 Ихъ нереливная роса ;
 У пробудившагося берега
 Стоять, готовые для бѣга ,
 И тихо плещутъ паруса ;
 На лодку мрежи собирая ,
 Рыбакъ вызываетъ и поетъ ,
 И пѣсня Русская, живая ,
 Разносится по глади водъ .

Прекрасно озеро Чудское ,

Когда, блистательнымъ столбомъ
 Свѣтило искрится ночное
 Въ его кристалъ голубомъ :
 Какъ тѣнь, отброшенная тучей ,
 Вдоль искривленныхъ береговъ ,
 Чернѣютъ образы лѣсовъ, —
 И кое-гдѣ огонь пловучій
 Горитъ на челнахъ рыбаковъ ;
 Безмолвна синяя пучина ,
 Въ дубровахъ мракъ и тишина ,
 Небесъ далекая равнина
 Сіянья мирнаго полна ;
 Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
 Подъема сѣти изъ воды ,
 Рыбакъ живить веселымъ словомъ
 Своихъ товарищей труды ;
 Или — путемъ дугообразнымъ —
 Съ небесныхъ падая высотъ ,
 Звѣзда надъ озеромъ блеснѣтъ,
 Огнемъ разсыплется алмазнымъ
 И въ отдаленіи пропадѣтъ.

К. . . . М. . . .

Какъ очаровываетъ взоры
 Востока чистая краса,
 Сіяя розами Авроры!
 Быть можетъ, эти небеса
 Не цѣлый день проторжествуютъ;
 Быть можетъ, мракъ застигнетъ ихъ,
 И ураганы добушуютъ
 До сводовъ вѣчно голубыхъ!
 Но любить тихое мечтанье
 Въ цвѣты надежду убирать,
 И неба въ утреннемъ сіяньѣ
 Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческіе годы.
 Полетомъ ангела летять:
 Твои мечты—мечты свободы,
 Твоя свобода—міръ отрадь...
 Въ твоихъ понятіяхъ нѣтъ рока;
 Несильной жертвы не губя,
 Еще завистливаго ока

Необратилъ онъ на тебя ;
 Но будетъ часъ, онъ неизбѣженъ ,
 Твоимъ очамъ откроетъ онъ
 Сей міръ, гдѣ разумъ безнадеженъ ,
 Гдѣ счастье—сонъ, бѣда—не сонъ.

Пусть вѣры кроткое сіянье
 Тебѣ освѣтитъ жизни путь ,
 Ея даровъ очарованье
 Покоитъ страждущую грудь ;
 Она съ надеждою отрадной
 Велитъ безъ ропота сносить
 Удары силы непощадной ,
 Терпѣть, смираться и любить.

КОНЬ.

Жадно, весело онъ дышетъ
 Свѣжимъ воздухомъ полей :
 Сизый паръ кипитъ и пышетъ
 Изъ пылающихъ ноздрей ;

Полонъ силъ, удалъ на волю,
 Громкимъ голосомъ заржалъ,
 Встрепенулся конь—и въ поле
 Бурноногій поскакалъ!
 Скачетъ, блещущій глазами,
 Дико голову склонилъ;
 Вдоль по вѣтру онъ волнами
 Черну гриву распустилъ.

Самъ какъ вѣтеръ: круть ли встанетъ
 На пути? отважный прыгнетъ
 И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ,
 И потокъ клубится?—мигомъ,
 Онъ широкимъ перепрыгомъ
 Черезъ нихъ,—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
 Щеголяй избыткомъ силъ!
 Не надолго волны гривы
 Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
 Не надолго жизнь и воля
 Разомъ бурному даны!
 И холодный воздухъ поля,
 И отважны крутизны,
 И стремнины роковыя...
 Скоро, скоро подъ замокъ!

Твѣшь копыта удалыя,
 Свой могучій бѣгъ и скокъ!
 Снова въ дѣло, конь ретивой!
 Въ збруѣ легкой и красивой,
 И блистающій сѣдломъ,
 И бренчащій поводами,
 Стройно вѣрными шагами
 Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

ПѢСНЯ.

Изъ страны, страны далекой,
 Съ Волги—матушки широкой,
 Ради сладкаго труда,
 Ради вольности высокой
 Собралися мы сюда.
 Помнимъ холмы, помнимъ доли,
 Наши церкви, наши селы,
 И въ краю, краю чужомъ,
 Мы пируемъ пиръ веселый
 И за родину мы пьемъ.

Благодарительною силой
 Съ нами Нѣмцевъ подружило
 Откровенное вино;
 Шумно, пламенно и мило
 Мы гуляемъ заодно.
 Но съ надеждою чудесной
 Мы стаканъ, и полновѣсной,
 Нашей Руси, — будь она
 Первымъ царствомъ въ поднебесной,
 И счастлива и славна!

ПЛОВЕЦЪ.

Воютъ волны, скачутъ волны!
 Подъ тяжелымъ плескомъ волнъ
 Прямя стоитъ нашъ парусъ полный,
 Быстро мчится легкій челнъ
 И расталкиваетъ волны,
 И скользить по склонамъ волнъ!

Ихъ, порывами вздувая,
 Буря гонить рядъ на рядъ;
 Разгулялась волновая:
 Буйны головы шумять,
 Другъ на друга набѣгая,
 Отшибаяся назадъ!

Но глядите: передъ нами,
 Вдоль по темнымъ облакамъ,
 Разноцвѣтными зарями
 Отливаясь тамъ и тамъ,
 Золотыми полосами
 День и небо свѣтятъ намъ.

Пронесися мракъ ненастный!
 Возсіяй лазурный сводъ!
 Разверни свой день прекрасный
 Надо всѣмъ просторомъ водъ:
 Смолкнутъ бездны громогласны,
 Ихъ волненіе падеть!

Блещутъ волны, плещутъ волны!
 Подъ стекляннымъ брызгомъ волнь
 Прямо стоитъ нашъ парусъ полный,
 Быстро мчится легкій челнь,
 Раздвигая сини волны
 И скользя по склонамъ волнь.

ВОДОПАДЪ.

Море блеска, гуль, удары ,
 И земля потрясена;
 То стеклянная стѣна
 О скалы раздроблена,
 То бѣгутъ чрезъ крутояры,
 Многоводной Нѣагары
 Ширина и глубина!

Вонъ пловецъ! Его отъ берега
 Быстриною унесло;
 Въ синій сумракъ водобѣга
 Упираетъ онъ весло....
 Тщетно! бурную стремнину
 Онъ не силенъ оттолкнуть;
 Далеко его въ пучину
 Бросить каменная круть !

Мирно гибели послушный,
 Убралъ онъ свое весло ;

Онъ потупилъ равнодушно
 Безнадежное чело;
 Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ. . . .
 И къ пучинѣ волнъ и скалъ
 Роковымъ своимъ потокомъ
 Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гуль, удары,
 И земля потрясена;
 То стеклянная стѣна
 О скалы раздроблена,
 То бѣгутъ чрезъ крутояры
 Многоводной Ніагары
 Ширина и глубина !

ГОРА.

Взойди вонъ на эту безлѣсную гору ,
 Что выше окрестныхъ, подоблачныхъ горъ:
 Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
 Оттуда великій, чудесный просторъ.
 Увидишь недвижимое море громадныхъ
 Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,

Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
 Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,
 Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
 И свѣтлыя холмы, поляны, лѣса,
 И грады, и села, внизу подъ тобою; —
 А выше тебя — лишь одни небеса!

—

БУРЯ.

Громадныя тучи нависли широко
 Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
 И въ синюю бездну спустились глубоко,
 И въ ней улеглася тяжелая тѣнь,
 Но бездна морская уже негодуетъ,
 Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
 И скоро, могучая, встанетъ грозна,
 Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
 Полки она строить изъ водныхъ громадъ,
 И валъ великанъ, головою качая,
 Становится въ рядъ и ряды говорить;

И вотъ свои смуглыя лица нахмура
 И бѣлыя гребни колебля, они
 Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни.
 И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

МОРСКАЯ ТОНЯ.

Море ясно, море блещетъ;
 Но уже то здѣсь, то тамъ
 Тѣнь налетная трепещетъ,
 Пробѣгая по зыбямъ;
 Вдругъ поднимаются и хлынуть
 Темны водныя струи,
 И высоко волны вскинуть
 Гребни бѣлыя свои,
 Буря будетъ, тучи грянуть
 И пучина зареветъ. —
 Рыбаки проворно тянутъ
 Неводъ наберегъ изъ воды!
 Грузно! что ты, сине море
 Дало имъ за тяжкій трудъ?

Много ты въ своемъ просторѣ,
 Водишь рыбъ и всякихъ чудъ,
 Много камней самоцвѣтныхъ,
 Жемчуговъ и янтарей,
 Драгоценностей несмѣтныхъ
 Соблазняющихъ людей,
 Въ роковой твоей пучинѣ
 Бережетъ скупое дно.
 Чтожъ ты дамошь море сине
 Рыбакамъ хоть на вино?
 Неводъ вытащенъ.— Немного
 Обитателей морскихъ;
 Отъ сокровищъ бездны строгой
 Нѣтъ подарковъ дорогихъ!
 Вотъ лежить, блестя глазами
 Злой, прожорливый мокой,
 Съ костоломными зубами!
 Вотъ огромный блинъ морской
 Красноносый, краснотубый,
 Съ отвратительнымъ хвостомъ!
 Да скатавшагося въ клубы
 На раздольѣ волновомъ,
 Воза съ два морскаго сору,
 И одинъ морской паукъ!
 А тащили словно гору,
 А трудилась сотня рукъ!

Море стихло, море ясно;
 Въ хрусталѣ его живомъ и яснымъ
 Разыгрался день прекрасной
 Златомъ, пурпуромъ, огнемъ;
 Видомъ моря любоваться
 Собралась толпа гостей. —
 Ей мѣшаютъ наслаждаться
 Рыбаки: бѣгутъ за ней
 И канючатъ, денегъ просятъ;
 Бѣднякамъ изъ бездны водъ
 Съти длинныя выносятъ
 Непитательный доходъ!

КЪ РЕЙНУ.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:

Онъ, при вѣснѣмъ свѣтѣ дня,

Играя и шума, летучимъ блескомъ полны,

Качали ласково меня,

Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:

Твои изгибы, твой просторъ,

Твои веселые каштаны и раины,

И виноградъ по склонамъ горъ,

И горы, и на нихъ высокія могилы

Твоихъ былыхъ богатырей.

Могилы рыцарства, и доблести, и силы,

Давно, давно минувшихъ дней!

Я Волжанинъ—тебѣ привѣты Волги нашей

Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?

Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,

Великолѣпнѣе, пышнѣй,

И глубже, быстрая, и шире, голубая!

Не такъ, не такъ она бурлитъ,

Когда поднимется погода низовая

И бѣлый валъ заговорить!

А какова она, шумящихъ волнъ громада,

Весной, какъ съ выси береговъ,

Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,

Чрезъ море водъ и острововъ!

По царству и рѣка!... Тебѣ привѣтъ задравный,

Ея, властительницы водъ,

Обширныхъ Русскихъ водъ, простиершей ходъ свой

Славный,

Всегда торжественный свой ходъ

Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ

До темныхъ Каспія зыбей!

Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,

Ея подручницъ и Князей:

Тверцы, которая безбурными струями

Лелѣетъ тысячи судовъ,

Идущихъ пестрыми, красивыми толпами,

Подъ звучнымъ пѣніемъ плотовъ.

Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
 Въ раздолѣ Муромскихъ песковъ
 Текущей царственно, блистательно и плавно;
 Въ виду почтенныхъ береговъ,—
 И храмы древніе съ лучистыми главами
 Глядятся въ ясны глубины,
 И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
 Завѣтный голосъ старины!—
 Суры, красавицы задумчиво бродящей,
 То въ густоту своихъ лѣсовъ
 Скрывающей себя; то на поляхъ блестящей
 Подъ опахаломъ парусовъ;
 Свѣяги пажитной, игривой и безсонной
 Среди хозяйственныхъ заботъ,
 Любящей стукъ колесъ, и плескъ неугомонной
 И гулъ работающих водъ;
 Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи далекой,
 Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
 Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
 Чей сильный, бурный водобѣгъ
 Подъ кликами орловъ, свои валы съдые
 Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
 Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
 На плоскодонахъ и ладьяхъ;
 Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
 Не слышно въ говоръ гостей,
 Ссыпающихъ въ суда, богатство полевое,

Пшеницу — золото полей;
 Привѣтъ проворнаго лихаго Черемшана,
 И двухъ Иргизовъ луговыхъ
 И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,
 И всѣхъ и большихъ и меньшихъ
 Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой
 Державной сѣверной рѣки,
 Привѣты я принесъ тебѣ! . . . Теки со славой
 Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки!
 Блистай, красуйся, Рейнтъ! да ни грозы военной,
 Ни пѣсень радостныхъ врага
 Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
 Твои покоитъ берега!
 Да сладостно, на нихъ мечтая и гуляя,
 Въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
 Цѣлуются любовь и юность удалая
 При звонѣ синихъ хрусталей! —

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Жизни баловень щастливой!
 Два вѣнка ты заслужилъ;
 Знать Суворовъ справедливо
 Грудь твою перекрестилъ:
 Не ошибся онъ въ дитяти:
 Выросъ ты — и полетѣлъ,

Полонъ всякой благодати,
 Подъ знамена русской рати,
 Гордъ и радостенъ и смѣлъ!

Грудь твоя горить звѣздами
 Ты геройски добылъ ихъ
 Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
 Въ ратоборствахъ роковыхъ;
 Воинъ смлада знаменитый,
 Ты еще подъ Шведомъ былъ —
 И на Финскіе граниты
 Твой скакунъ звучнокопытый
 Блескъ и топотъ возносилъ.

Жизни бурно—величавой
 Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
 Ты ходилъ съ войной кровавой
 На Дунай, на Бугъ и Прутъ;
 Но тогда лишь собиралась
 Прямо—русская война;
 Многогрома скоплялась
 Вдалекъ—и къ намъ примчалась
 Разрушительно — грозна.

Чу! труба продребезжала!
 Русь! тебѣ надменный зовъ!

Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
 Всѣ нашествія враговъ!
 Созови изъ странъ далекихъ
 Ты своихъ богатырей,
 Со степей, съ равнинъ широкихъ,
 Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
 Отъ осми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
 Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
 Златоглавая, святая
 Ты-ли гибнешь? Русь впередъ!
 Громче буря истребленья: —
 Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
 Это жертвенникъ спасенья,
 Это пламень очищенья,
 Это Фениксовъ костѣрь!

Гдѣ же вы, незванны гости,
 Сильны славой и числомъ?
 Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
 Вамъ почетный былъ пріемъ:
 Упилися еле живы,
 Вы въ Московскихъ теремахъ,
 Тяжелы домой пошли вы,

Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ! —

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли! —
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнял славы,
Ты боецъ черно-кудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу!

Удальцевъ твоихъ налетомъ —
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь —
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огонь и дымъ пожара,
Мчалъ, врагамъ, — съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара, —
Страхъ неожиданнаго удара
И нещадный, дикій бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будетъ ей;
Но такія-жъ многи лѣта
И поэзіи твоей:

Не умереть твой стихъ могучій,
 Достопамятно — живой ,
 Упоительный , кипучій
 И воинственно-летучій
 И разгульно — удалой.

Нынѣ ты на лонѣ мира :
 И любовь и тишину
 Намъ поетъ золотая лира,
 Гордо пѣвшая войну —
 И какъ прежде громогласенъ
 Былъ ея воинскій ладъ,
 Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
 Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ
 Полный нѣги и прохладъ.

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
 Волна, и лучами прекраснаго дня
 Блестить подвижная громада кристала,
 И тихо, качаясь, идетъ на меня.
 Вотъ, словно въ раздумьи, она отступила,
 Вотъ — берегъ она подъ себя покатила,

И выше сама поднялась и падеть. —
 И громомъ и пѣной пучинная сила,
 Холодная, бурно меня обхватила
 Кружить и бросаетъ и душить и бѣть,
 И стихла. Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны,
 И холода — легкокъ и свѣжъ выхожу,
 Живѣ мои выпрямляются члены,
 Вольнѣ дышу, веселѣ гляжу,
 На берегъ, на горы, на свѣтлое море,
 Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
 И юность такаяжъ, какъ прежде была,
 Во мнѣ вострепелась и жизнь моя снова
 Гулять, распѣвать, красоваться готова
 Свободно, безпечно, — рѣзва, удала.

—

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышній граду Константина
 Землетрясенье посылалъ —
 И Геллеспонтская пучина,
 И берегъ съ грудой горъ и скалъ
 Дрожами — и Царей палаты
 И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,

И стѣнь градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; — люди, страхомъ полны,
Тебли передъ Христовъ алтарь:
Сенать, Синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый Царь.

Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвъ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Неумолкалъ, — неумолкалъ! —
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: святъ, святъ, святъ!
И пѣсню ту привнесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объять,
И церковь — тѣ слова святыхъ
Въ свою молитву приняла,

И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха
И ликамъ Ангельскимъ внемли —
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины;
Да въ сердце примемъ ихъ — и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Мая 4.
Москва
1844.

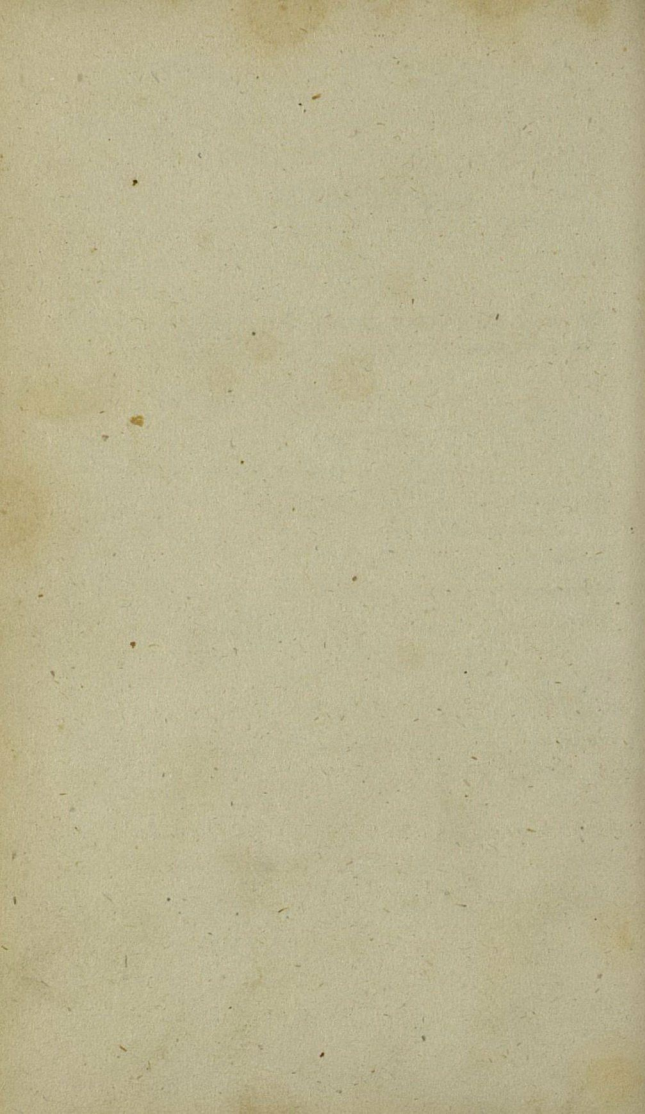
ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Молитва	3
Подражаніе Псалму XIV.	3
Пловець	3
Моя родина.	6
Олегъ.	8
Ливонія.	13
Евпатій.	35
Пѣсня короля Регнера.	17
Кудесникъ	19
Двѣ картины.	21
• К.... М....	23
• Конь.	24
Пѣсня	26
Пловець	27
• Водопадъ.	29
• Гора	30
• Буря.	31
• Морская тonya.	32
• Къ Рейну.	34
• Д. В. Давыдову	37
• Морское купанье.	41
• Землетрясенъе.	42

ОЕМШСТОКДЪ.

Когда, въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х., тираны были выгнаны почти изъ всѣхъ городовъ Греціи, и когда жизнь государственная и народная стала дѣятельнѣе, живѣе: тогда являются въ Греціи тѣ великія личности, на которыхъ мы невольно останавливаемся съ особенною любовью. Каждая изъ нихъ выражаетъ собою какую-нибудь великую эпоху Греческой исторіи во всей ея полнотѣ. Оттого Греческая исторія такъ свѣтла; оттого она такъ доступна и понятна для каждаго.

Греки не дѣлили человѣка и гражданина: человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. Чего хотѣло государство, того хотѣлъ гражданинъ, что оно думало, думалъ и онъ; благоденствіе роднаго города было его благоденствіемъ, печаль его — его печалью. При такомъ взаимномъ слитіи человѣка съ гражданиномъ, гражданина съ государствомъ, когда являлся даровитый человѣкъ, глубже другихъ понимавшій положеніе своей родины, дѣйствія его становились дѣйствіями цѣлаго государства. Какъ въ литературѣ Греческой каждая великая эпоха выражалась въ соотвѣтствующемъ ей художественномъ произведеніи, такъ и каждая великая эпоха въ исторіи Греціи вызывала на сцену одну изъ великихъ, истинно-художественныхъ личностей, на которой отпечатлѣвалась, во всей полнотѣ, современная ей жизнь. Къ такимъ личностямъ принадлежитъ Θемистоклѣ, — первая вели-

кая личность, вызванная Аѣинскою демократіею.

Θемистоклѣ родился въ 514 году, въ Аѣинахъ. Отецъ его Неоклѣ не былъ аристократомъ; мать его была чужестранка. По одному преданію, мать его была изъ Θракіи по имени Абртононъ, по другому изъ Каріи, родомъ изъ Галикарнасса, по имени Эвтерпа. Еще ребенкомъ общалъ онъ много, былъ живаго характера, исполненъ глубокомыслия, и вообще обнаруживалъ во всемъ свое призваніе къ чему-то великому, къ славной дѣятельности на государственномъ поприщѣ. Говорятъ, что въ свободные часы онъ не игралъ съ своими товарищами: его находили часто въ школѣ подъ деревомъ, гдѣ онъ въ уединеніи, погруженный въ размышленіе, обдумывалъ и сочинялъ рѣчи, которыя произносилъ потомъ предъ товарищами, обвиняя одного, защищая другаго. Часто учитель ему тогда уже говари-

валъ : « изъ тебя выдетъ что-то необыкновенное , или отлично-доброе, или отлично-злое. » Онъ уже въ школѣ не любилъ заниматься предметами , необходимыми тогда для всякаго , кто хотѣлъ блистать въ высшемъ Аѳинскомъ обществѣ ; напротивъ , былъ не по лѣтамъ внимателенъ ко всему , что изощряетъ умъ и образуетъ для практической жизни. Такъ онъ никогда не учился играть на лирѣ , что было необходимою принадлежностію каждаго образованнаго человѣка въ Аѳинахъ. Тѣмъ , которые издѣвались надъ нимъ , что онъ не умѣетъ играть на лирѣ , онъ отвѣчалъ : « я не умѣю брянчать на лирѣ , но дайте мнѣ управлять маленькимъ , ничтожнымъ городкомъ ,—я сдѣлаю его славнымъ и великимъ. » Зато съ жадностію слушалъ онъ опытныхъ гражданъ и толки ихъ объ управленіи государствомъ. Впрочемъ , долго въ юности былъ онъ неровнаго характера : пере-

мѣнчивъ , непостояненъ , впадалъ часто въ крайности и заблужденія. Но скоро и сильно обхватила его политическая жизнь , которая въ это время въ Аѣинахъ была самая живая и дѣятельная.

Послѣ Солона , положившаго начало Аѣинской демократіи , образовались у лучшихъ гражданъ извѣстныя опредѣленные понятія о потребностяхъ Аѣинъ. Слава и благоденствіе государства, по ихъ мнѣнію, могли быть основаны только на полномъ развитіи демократіи, и связанными съ нею торговлѣ и морской силѣ. Пониманіе потребностей народа, твердые правила , которыми руководствовались лучшие граждане въ общественной дѣятельности, называли Греки того времени мудростію. То былъ здравый практическій смыслъ , которымъ всегда отличались Греки и преимущественно , въ цвѣтущую свою эпоху, Аѣины. Эта мудрость не была наукою , которой обучали въ

школахъ, нѣтъ, то была мудрость живая. Ей учились на площади, въ народномъ собраніи; она переходила отъ отца къ сыну. Случалось часто, что около гражданина, извѣстнаго своими заслугами, собирався кругъ юношей; онъ поучалъ ихъ мудрости, и они становились его послѣдователями. Θемистоклѣ взявъ себѣ въ руководители Мнезефила изъ Фреары, который пользовался тогда славою мудреца.

Бурная жизнь Аѣинъ увлекла его, еще юношу; честолюбіе и жажда дѣятельности не давали ему покоя. Въ это время въ Аѣинахъ только и было толку что о Мараѣонской битвѣ да о Мильтіадѣ. Θемистоклѣ не находилъ себѣ мѣста ни днемъ, ни ночью; онъ не принималъ участія въ пирахъ; на него напала бессонница,—и всѣмъ, кто только спрашивалъ его о причинѣ такого безпокойства, отвѣчалъ, что побѣда Мильтіада не даетъ ему спать.

Θεμιστοκλѣ видѣлъ въ этой побѣдѣ не конецъ великой борьбы, какъ другіе, но только начало великихъ дѣлъ. Демократія была въ это время во всей своей силѣ. Θεμιστοκλѣ сталъ во главѣ партіи народной противъ партіи богатыхъ и знатныхъ, къ которой принадлежалъ Аристидъ, Милтіадъ и многіе другіе даровитые люди. Последняя партія, не умѣя понять новаго народнаго движенія, старалась его обуздать. Она боялась каждаго новаго предпріятія, чуждалась всякаго нововведенія въ общественной жизни. Не таковъ былъ Θεμιστοκλѣ, живой, дѣятельный и рѣшительный; онъ умѣлъ занимать народъ то тѣмъ, то другимъ, и сталъ въ скоромъ времени его любимцемъ. Первымъ его предложеніемъ въ народномъ собраніи было: обратить доходы съ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ на постройку галеръ для войны съ Эгиною. Эгина была сильнѣйшимъ въ то время

государствомъ на морѣ , и самою опасною соперницею Аѣинъ. Не смотря на то, что доходы эти раздѣлялись тогда между всѣми гражданами , такъ что каждый получалъ съ нихъ ежегодно 10 драхмъ (около двухъ рублей двадцати копѣекъ серебромъ), предложеніе Θемистокла было единодушно принято, и въ томъ же году сооружено сто галеръ. Съ этого времени Θемистоклъ не переставалъ указывать Аѣинянамъ на море , какъ на единственное средство къ возвышенію города. Онъ понималъ , что Аѣины на сушѣ никогда не будутъ имѣть перевѣса въ Греціи ; что только, какъ морская сила , могутъ получить первенство. Въ томъ успѣлъ онъ убѣдить гражданъ, не смотря на сопротивленіе противной партіи и преимущественно старца Мильтіада , укорявшаго его въ томъ , что онъ хочетъ унижить Аѣинянъ, отнявъ у нихъ мечъ и щитъ, и приковавъ ихъ къ весламъ.

Борьба партій народной и аристократической долго продолжалась; наконецъ, Θемистокль одержалъ верхъ. Онъ возбудилъ подозрѣніе въ Аѣинянахъ къ Аристиду, будто бы послѣдній уничтожалъ значеніе судебныхъ мѣстъ, разрѣшая самъ лично споры гражданъ, и стремился къ тиранніи. Аристидъ былъ изгнанъ. Это была личность чистая и благородная; вся вина его состояла въ непониманіи новаго народнаго движенія, въ неумѣстной умѣренности. Аѣинянамъ рѣшительныя мѣры были необходимы; Аристидъ ихъ боялся, онъ былъ еще привязанъ къ благородной, почтенной, но уже не имѣвшей смысла старинѣ. Народу нужна была жизнь новая, дѣятельная. Это понялъ Θемистокль и пріобрѣлъ неограниченную довѣренность народа. Въ Персидской войнѣ выказались вполне великія дарованія Θемистокла и его глубокое пониманіе потребностей Аѣинъ.

Ксерксъ двинулся на Грецію съ огромнымъ войскомъ. Въ Аѣинахъ происходило совѣщаніе о избраніи полководца. Никто изъ гражданъ не рѣшался принять на себя эту должность въ такое трудное время. Одинъ Эпикидъ, пользовавшійся въ то время расположеніемъ народа, но человѣкъ трусливый и продажный, вызвался быть полководцемъ. Всѣ готовы были подать голоса въ его пользу. Θемистоклѣ успѣлъ отклонить Эпикиду отъ начальства, подкупивъ его, и тогда выборъ народа палъ единодушно на Θемистокла. Вслѣдъ за его избраніемъ, явился въ Аѣины посолъ отъ царя Персидскаго и требовалъ, именемъ царя, совершеннаго подданства Аѣинянъ, — земли и воды, какъ онъ выразился. Посолъ былъ Грекъ. Θемистоклѣ потребовалъ его казни за то, что онъ осмѣлился высказать на Греческомъ языкѣ, языкѣ народа свободнаго, эти рабскія требованія. Принявъ началь-

ство, онъ не переставалъ уговаривать Аѣинянъ оставить городъ, перебраться на корабли и встрѣтить непріятеля далеко отъ береговъ Греціи. Граждане не хотѣли его слушать; имъ, еще не совсѣмъ опытнымъ въ морскомъ дѣлѣ, страшно было ввѣриться морю; къ тому же Мараѳонская битва была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, и партія противная не переставала оспаривать Θемистокла. Дѣлать было нечего. Θемистоклъ отправился съ Аѣинскимъ войскомъ въ ущеліе Темпѣ, для прикрытія границъ Θессаліи, еще не перешедшей на сторону Персовъ. Но онъ долженъ былъ скоро отступить; Θессалійцы пропустили Персовъ, и до самой Беотіи земля была занята непріателемъ. Тогда поняли Аѣиняне свою ошибку и послали Θемистокла съ флотомъ къ мысу Артемизію. Здѣсь возникъ споръ между Спартанцами, хотѣвшими начальствовать флотомъ, и Аѣинянами, требовав-

шими этого начальства себѣ, ибо они имѣли болѣе кораблей, нежели всѣ союзники вмѣстѣ. Θемистоклѣ явился примирителемъ; онъ понялъ, что не время ссориться при такихъ обстоятельствахъ, и подчинился Спартанцу Эврибіаду, уготовивъ къ тому и Аѣинянь. Впослѣдствіи Греки единодушно признали эту заслугу Θемистокла, видѣли въ немъ спасителя Греціи и говорили, что онъ при Артемизіѣ одержалъ не одну, а двѣ побѣды: храбростію побѣдилъ непріятеля, благородствомъ-союзниковъ.

Сраженіе при Артемизіѣ не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій; оно по крайней мѣрѣ ободрило Грековъ и приучило къ мысли, что не многочисленность войска беретъ верхъ, но храбрость и мужество. Такъ думалъ и великій Греческій поэтъ Пиндаръ, который сказалъ, что здѣсь Аѣинское юношество положило основу свободы Греціи. Вскорѣ послѣ сраженія при Артемизіѣ,

пришло извѣстіе о смерти Леонида , защищавшаго Θермопилы; Ксерксъ пробился сквозь нихъ, вторгся въ Фокиду и приближался къ Аттикѣ. Ни одинъ городъ не тронулся на защиту Аттики и Аѣинъ , не смотря на мольбы ихъ. Всѣ полагали, что нужно защищать скорѣе Пелопонезъ , какъ ядро Греціи , и собирали войско въ Исѣмѣ , на Коринѣскомъ перешейкѣ , который укрѣпили на всемъ протяженіи отъ одного моря до другаго. Тогда отчаяніе овладѣло Аѣинянами ; они почитали себя погибшими. Сражаться съ полчищами Ксеркса они не осмѣливались, удалиться и оставить городъ на произволъ непріятелю—не хотѣли, не смотря на всѣ увѣщанія Θемистокла , полагая , что не будетъ имъ спасенія , когда оставятъ врагамъ храмы боговъ и гробы отцовъ своихъ. Въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, Θемистоклъ прибѣгнулъ къ хитрости. Змѣя , которую кормили въ

храмъ Минервы жертвами, исчезла, не тронувши пищи ; Θемистоклъ перетолковалъ, что сама Минерва, покровительница Аѣинъ, оставила городъ, и что потому за нею должны слѣдовать Аѣиняне. Не за долго предъ тѣмъ Делфійскій оракулъ сказалъ Аѣинянамъ, что имъ надо ожидать спасенія отъ деревянныхъ стѣнъ. Никто изъ нихъ не понималъ этого отвѣта. Θемистоклъ воспользовался темными словами оракула и растолковалъ Аѣинянамъ, что подъ деревянными стѣнами оракулъ разумѣетъ ничто иное, какъ корабли, которые спасутъ ихъ; что оракулъ называетъ островъ Саламисъ божественнымъ въ томъ смыслѣ, что возлѣ него стоитъ союзный Греческій флотъ, отъ котораго имъ надлежитъ ожидать спасенія. Онъ дѣйствовалъ такъ хитро, такъ умно, что убѣдилъ Аѣинянь оставить городъ, переправить женъ, дѣтей и старцевъ въ безопасныя мѣста, а всѣмъ взрослымъ идти на корабляхъ

въ Саламисъ. Аѳиняне отправили женъ и дѣтей въ Трезены, гдѣ онѣ были радушно приняты. Ихъ содержалъ этотъ городъ на свой счетъ, и даже платилъ учителямъ за воспитаніе дѣтей. Поразительное зрѣлище представляли въ это время Аѳины. Гордые сознаниемъ своего великодушнаго подвига и самоотверженія, отправлялись мужи и юноши въ Саламисъ; жены, дѣти плакали, прощаясь съ отцами, сыновьями, братьями; оплакивали старцевъ, остающихся въ городѣ. Домашнія животныя понимали, казалось, несчастіе, постигшее городъ и ихъ господъ. Собаки, повѣся уши, бѣгали, визжа, по городу. Нѣкоторые изъ нихъ не отставали отъ своихъ господъ, плывшихъ въ Саламисъ. Такъ рассказываютъ, что собака Ксантиппа, отца Периклова, бросилась въ море и плыла за кораблемъ до самаго Саламиса. Вышедши на берегъ, она пала мертвая къ ногамъ Ксантиппа. Еще во

время Плутарха, жившаго во 2 вѣкѣ по Р. Х., упомянувшаго объ этомъ, показывали мѣсто, гдѣ Ксантиппъ поставилъ памятникъ своей собакѣ.

Въ то время, когда союзный Греческій флотъ стоялъ при Саламисѣ, Θемистоклѣ предложилъ народу возвратить всѣхъ изгнанниковъ и въ томъ числѣ Аристиды, который съ этого времени принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ Аѳинскихъ. Такъ Θемистоклѣ старался соединить и употребить въ дѣло всѣ силы для спасенія Греціи.

Эврибидъ, полководецъ Спартанскій и цѣлой Греціи, опасался вступить въ бой при Саламисѣ и хотѣлъ отплыть къ Исѣму, гдѣ было собрано сухопутное войско цѣлаго Пелопонеза. Θемистоклѣ сильно тому противился, представляя всѣ выгоды ихъ положенія. Эврибидъ до того разсердился, что поднялъ

уже палку на Θемистокла , но не смутилъ его. Θемистокль , забывая себя и думая только о своемъ отечествѣ , произнесъ тогда знаменитыя слова : « бей , только выслушай. » Эврибiадъ былъ такъ пораженъ этимъ необыкновеннымъ присутствiемъ духа , что далъ Θемистоклу высказаться. Θемистокль уже почти склонилъ Еврибiада на свою сторону , когда кто-то съ презрѣнiемъ сказалъ : « Θемистокль , не годится тебѣ бездомному уговаривать другихъ оставить города и родину , » и этими словами возбудилъ новыя опасенiя Эврибiада. Тогда Θемистокль отвѣчалъ . » Ничтожный ! Твоя правда , мы оставили наши жилища , наши стѣны ; но мы не хотѣли , изъ любви къ своему дому , стать рабами ; 200 галеръ , вотъ самый сильный и надежный городъ нашъ , который теперь здѣсь на защиту цѣлой Греціи , и спасетъ васъ , если только захотите . Но , если хотите насъ оставить , ступай-

те ; Греція скоро услышитъ объ Аѣн-
нянахъ , что они опять имѣютъ городъ
свободный, и землю не хуже той, кото-
рую потеряли.» Эти слова подѣйствовали
на Эврибіада ; онъ испугался, полагая,
что Аѣнныяне хотятъ оставить его, и со-
гласился на всѣ предложенія Θемистокла.
Но въ это самое время, какъ нарочно,
приближался грозный непріятельскій
флотъ и самъ Ксерксъ съ сухопутнымъ
войскомъ. Увидавъ это, Греки забыли
все, что говорилъ Θемистоклъ, и рѣши-
лись, во что бы ни стало, отплыть
къ Исѣму. Они хотѣли удалиться ночью,
и кормчимъ было приказано быть гото-
выми къ отплытію. Что было дѣлать
Θемистоклу ? Горько ему было видѣть,
какъ Греки оставляютъ свое выгодное
положеніе : но время было коротко ; на-
до было употребить рѣшительныя мѣры.
Θемистоклъ прибѣгнулъ къ хитрости.
У него былъ служитель Сикинъ, плѣн-
ный Персъ, воспитатель дѣтей его и

всею душею ему преданный. Онъ послалъ его тайно къ Ксерксу съ письмомъ слѣдующаго содержанія: » Θеμισтоклъ, полководецъ Аѣинскій, переходитъ на сторону царя и увѣдомляетъ его, что Греки хотятъ бѣжать къ Исѣму, дабы соединиться тамъ съ сухопутными силами. Онъ совѣтуетъ царю не упустить удобнаго случая, но немедленно на нихъ напасть и истребить ихъ флотъ.» Царь принялъ посла милостиво и повелѣлъ немедленно запереть входъ въ проливъ двумя стами галеръ. Того только и хотѣлъ Θеμισтоклъ. Изъ Грековъ замѣтилъ это прежде всѣхъ Аристидъ, только что возвратившійся изъ изгнанія. Онъ пробился на кораблѣ своемъ сквозь непріятельскій флотъ, пришелъ къ Θеμισтоклу въ палатку и объявилъ ему, что они заперты, что необходимо дать сраженіе. Θеμισтоклъ, зная благородство Аристиды, открылъ ему, что онъ сдѣлалъ и просилъ

убѣдительно уговорить Грековъ (Греки имѣли къ Аристиду больше довѣрія) сразиться, не теряя времени. Аристидъ исполнилъ его просьбу. Союзные полководцы не хотѣли еще вѣрить, но одинъ изъ кораблей Іонійскихъ (Іонійцы были на сторонѣ Персовъ) перешелъ на сторону Грековъ, и подтвердилъ слова Аристида. Тогда рѣшено было дать сраженіе. Съ разсвѣтомъ возсѣлъ Ксерксъ на золотомъ престолѣ, поставленномъ на возвышеніи, съ котораго можно было обозрѣть весь флотъ. Его окружало множество писцовъ, которые должны были записывать все, что ни произойдетъ въ сраженіи.

Греки побѣдили. Послѣ сраженія при Саламисѣ, Ксерксъ, озлобленный неудачею, хотѣлъ соединить плотиною Саламисъ съ твердою землею и напасть на союзныхъ Грековъ всею сухопутною силою. Θемистоклѣ, между тѣмъ, совѣтывалъ отплыть съ флотомъ къ Геллѣ

спонту, чтобы разрушить мостъ, построенный Персами, пресѣчь имъ путь, и, такимъ образомъ, какъ онъ тогда выразился «увидать Азію въ Европѣ.» Аристидъ не соглашался; онъ боялся оставить въ Греціи врага еще сильнаго и вообще боялся довести Ксеркса до отчаянія.» Нѣтъ, Θемистоклъ,—отвѣчалъ онъ,—нужно не ломать мостъ, а построить другой, чтобы какъ можно скорѣе выжить врага изъ Греціи.» «Если такъ,—сказалъ Θемистоклъ,—то надо подумать о средствахъ, какъ бы скорѣе удалить Ксеркса изъ Греціи.» Съ этою цѣлію онъ послалъ снова къ царю одного изъ плѣнныхъ Персовъ, Арнака, съ письмомъ, гдѣ онъ опять прикидывался его доброжелателемъ. «Греки хотятъ плыть къ Геллеспонту,—писалъ онъ,—чтобы разрушить построенный тобою мостъ; совѣтую тебѣ скорѣе оставить Грецію; изъ дружбы къ тебѣ, я удержу союзниковъ отъ преслѣдованія.»

Извѣстіе это испугало Ксеркса. Оставивъ Мардонія съ частью войска въ Греціи, онъ поспѣшно удалился.

Послѣ сраженія Саламинскаго и удаленія Ксеркса, Греки праздновали свои побѣды. Всѣ единодушно присудили Θемистоклу первую награду. Лакедемоняне взяли его съ собою въ Спарту. Здѣсь они подарили ему, въ награду за мудрость, оливковый вѣнокъ и лучшую во всей Спартѣ колесницу; 300 молодыхъ Спартанцевъ провожало его на возвратномъ пути въ Аѣины до самой границы. Скоро потомъ праздновала Греція Олимпійскія игры, и когда явился Θемистоклъ, всѣ глаза обратились на него; съ восторгомъ и рукоплесканіями указывали на него, какъ на спасителя Греціи. Θемистоклъ самъ признавался друзьямъ своимъ, въ избыткѣ сердечной радости, что теперь всѣ труды его, подъятые на благо Греціи, награждены достойно. Славолюбіе было основною чертою его

характера. Такъ онъ, будучи Аѣинскимъ адмираломъ, бывало, нарочно отклады-
валъ до послѣдняго дня приготовленіе
къ отплытію, дабы выказать всю свою
дѣятельность и свое искусство собирать-
ся мгновенно. Такъ, обозрѣвая трупы
непріятелей, обильныхъ золотыми укра-
шеніями, не дотрогивался до нихъ,
предоставляя своему спутнику собирать
добычу; «возьми себѣ — говорилъ онъ
ему — ты не Θемистоклѣ.» Такъ одному
Серифянцу (жителю одного ничтожнаго
Греческаго островка, нынѣ Серфо или
Серфанто), когда тотъ сказалъ ему: «ты
обязанъ славою не себѣ, а Аѣинамъ.» — Θе-
мистоклѣ отвѣчалъ: «твоя правда, но
еслибъ я былъ и Серифянцемъ, я бы все-
таки прославился, а ты не прославился
бы и тогда, когда бы былъ Аѣиняни-
номъ.» — Замѣчательно также его изрѣ-
ченіе, что онъ въ мужья дочери своей
предпочтетъ богатому честнаго; что онъ
ищетъ человѣка, нуждающагося въ день-

гахъ, а не денегъ, нуждающихся въ челоѡкъ.

Теперь онъ стоялъ во главѣ Аѡинъ, былъ любимцемъ народа; все дѣлалось по его желанію. Задушевная мысль его, основаніе морскаго владычества, не оставляла его; онъ полагалъ, что настало теперь время привести ее въ исполненіе.

Въ 479 году, Персы были окончательно разбиты при Платеѡ и Микалѡ. Спартанцы съ союзниками удалились въ Пелопонезъ, Аѡиняне на родину, гдѡ, по совѡту Θемистокла, приступили къ возстановленію своихъ стѡнъ. Спартанцы всячески старались ихъ отклонить отъ этого, подстрекаемые союзниками, которые съ боязнью смотрѡли на возрастающее могущество Аѡинъ и убѡдили Спартанцевъ отправить пословъ въ Аѡины съ представленіями, какъ неумѡстно имъ теперь укрѡплять городъ,

когда Персы могутъ еще возвратиться и завладѣть Аѣинами, укрѣпленными ко вреду цѣлой Греціи. Аѣиняне, по совѣту Θемистокла, отпустили пословъ, обѣщая прислать въ скоромъ времени своихъ для переговоровъ. Съ этою цѣлію Θемистоклъ рѣшился самъ ѣхать въ Спарту, но просилъ Аѣинянъ не отправлять остальнаго посольства, пока стѣны не будутъ выстроены по крайней мѣрѣ до половины. Между тѣмъ, всѣ граждане принялись дѣятельно за работу: жены, дѣти, старцы; публичныя зданія, частныя дома, гробницы, — все было разрушаемо на матеріалъ для постройки стѣнъ. Прибывъ въ Спарту, Θемистоклъ, подъ предлогомъ, что ожидаетъ товарищей, не являлся въ народное собраніе. Ему вѣрили. Но вдругъ пронесся слухъ въ Спартѣ, что Аѣины укрѣпляются. Спартанцы испугались; Θемистоклъ просилъ ихъ не вѣрить пустымъ слухамъ, а лучше послать вѣрныхъ людей справиться на

мѣсть. Его послушались. Между тѣмъ, онъ далъ тайкомъ знать въ Аѣины обо всемъ происходившемъ и просилъ задержать пословъ Спартанскихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Такой совѣтъ далъ Θемистокль изъ опасенія, что Спартанцы, узнавъ истину, задержать его у себя. Теперь онъ не боялся ничего; Аѣиняне имѣли заложниковъ въ лицѣ Спартанскихъ пословъ, и онъ явился смѣло въ народное собраніе съ извѣстіемъ, что Аѣины укрѣплены. Дѣлать было нечего Спартанцамъ. Они, впрочемъ, не показали непріязни, ибо не могли не уважать и не бояться Аѣинянъ и самаго Θемистокла, хотя и смотрѣли на нихъ недовѣрчиво и съ тайною враждою.

Когда укрѣпленія Аѣинъ были кончены, Θемистокль приступилъ къ исполненію другаго плана, давно также имъ задуманнаго,—къ укрѣпленію новой гавани Пирея. Онъ совѣтывалъ Аѣиня-

намъ укрѣпить Пирей , окруживъ его стѣною, и соединить съ городомъ. Пирей былъ для Аѳинъ , по его мнѣнію , важнѣе Акрополиса , потому что нападеніе съ моря было для нихъ несравненно опаснѣе нападеній съ суши. Въ послѣднемъ случаѣ они легко могли всегда укрыться въ Пирей , оставивъ городъ врагамъ , или удалиться на корабли. Но соединивъ, такимъ образомъ, Пирей съ городомъ, онъ не только обезопасилъ тѣмъ городъ со стороны моря, но и способствовалъ дальнѣйшему развитію демократіи , возвыся народъ на счетъ аристократовъ. Въ Пирей жили матросы, рыбаки, — народъ живой, дѣятельный; укрѣпивъ Пирей, Оемистоклъ отдавалъ въ ихъ руки самый городъ, и дѣйствительно жители Пирея начинаютъ играть съ этого времени важную роль въ дѣлахъ государственныхъ. На холмѣ Пинксѣ , гдѣ собирались народныя собранія, три-

буна оратора съ умысломъ была обращена имъ къ морю, дабы ораторъ всегда имѣлъ предъ глазами море, основу Аѣинскаго могущества. Въ послѣдствіи, когда Спартанцы взяли Аѣины, въ 404 году, и когда Лизандеръ, Спартанскій полководецъ, назначилъ 30 Аѣинскихъ гражданъ неограниченными правителями Аѣинъ, они велѣли опять повернуть трибуну къ землѣ отъ моря, боясь морской силы, какъ корня демократіи. Всѣ мысли, всѣ дѣйствія Θемистокла имѣли въ виду содѣлать Аѣины первою морскою державою Греціи.

Когда Греческій союзный флотъ зимовалъ въ Пагазіѣскомъ заливѣ около Θессаліи, Θемистоклъ явился въ народное собраніе и сказалъ, что хочетъ сдѣлать предложеніе, но боится высказать его передъ цѣлымъ народомъ. Аѣняне приказали ему сообщить его Аристиду и исполнить, если послѣдній одобритъ. Тогда Θемистоклъ объявилъ

Аристиду свое намѣреніе—сжечь союзный Греческій флотъ, дабы тѣмъ доставить полное первенство Аѳинамъ. «Предложеніе Ѳемистокла,—сказалъ Аристидъ народу,—столько же полезно, сколько и безчестно, » и народъ послушался Аристида, отказавъ на этотъ разъ Ѳемистоклу.

Не долго стоялъ еще Ѳемистоклъ во главѣ Аѳинъ. Онъ былъ изгнанъ. За что? Какъ рѣшились, какъ могли изгнать человека, котораго всѣ мысли были обращены ко благу Аѳинъ? Отвѣтъ на это могутъ дать слова самаго Ѳемистокла: » Аѳиняне меня не любятъ, говорилъ онъ; я похожъ на платановое дерево, подъ которымъ они ищутъ защиты во время бури, тѣни во время жара; не нужно оно имъ болѣе, они готовы его срубить. » Въ самомъ дѣлѣ, Аѳиняне недовѣрчиво смотрѣли на людей, выступавшихъ изъ общаго уровня. Нужно было много ума, искусства,

хитрости и счастья, чтобы долго удержаться во главѣ народа и заставить недовѣрчивый народъ полюбить себя. При малѣйшей неудачѣ онъ начиналъ тревожиться. Онъ боялся людей необыкновенныхъ и готовъ былъ всегда видѣть въ нихъ новаго тирана. Оттого онъ не щадилъ никого и изгонялъ всѣхъ, кто сколько-нибудь казался ему опаснымъ. Да и щадить ему было не зачѣмъ: при дѣятельной жизни Аѣинъ, при свободномъ развитіи всѣхъ силъ народа, не было недостатка въ людяхъ, способныхъ продолжать разъ-начатое. Θемистоклъ былъ изгнанъ; явился Периклъ, который наследовалъ всѣ его планы.

Къ изгнанію Θемистокла способствовали много Спартанцы, которые не могли ему простить сооруженія стѣнъ Аѣинскихъ. Они всѣми силами поддерживали противную партію и преимущественно Кимона, сына Мильтіада, са-

маго опаснаго соперника Θемистокла. Кимонъ принадлежалъ, вмѣстѣ съ Аристидомъ, къ умѣренной партіи; былъ аристократъ и умѣлъ льстить народу, ослѣпляя его своимъ богатствомъ, давая пиры, одѣвая бѣдныхъ гражданъ. Но, не смотря на то, Кимонъ никогда не могъ пріобрѣсти сильнаго вліянія на Аѣинянъ и никогда не стоялъ во главѣ ихъ. Народъ знаетъ, кого и что ему надо.

Θемистоклъ былъ изгнанъ. «Вамъ на-скучило брать хорошее и полезное изъ однѣхъ и тѣхъ же рукъ,» были его послѣднія слова Аѣинянамъ. Онъ удалился въ Аргось. Въ это время Павзаній, царь Лакедемонскій, былъ обвиненъ въ измѣнѣ. Это подало поводъ врагамъ Θемистокла обвинить и его въ доброжелательствѣ Персамъ. Павзаній въ самомъ дѣлѣ сообщалъ Θемистоклу свои замыслы, когда послѣдній жилъ уже въ изгнаніи, и по види-

тому предлагалъ принять участіе въ нихъ; но Θемистоклъ отказался, не открывая, однако же, никому намѣреній Павзанія. При судѣ надъ послѣднимъ найдены были его письма къ Θемистоклу, что и послужило поводомъ къ новому обвиненію Θемистокла. Θемистоклъ защищался письменно. «Если,—писалъ онъ Аѣинянамъ,—правда тѣ, что говорятъ обо мнѣ мои враги, будто бы я все хочу повелѣвать, а не повиноваться; то какъ же, послѣ этого, могу я продать себя и Грецію варварамъ и врагамъ?» — Обвинители его убѣдили однако же Аѣинянъ послать за нимъ, схватить его и представить на судъ Греціи. Θемистоклъ, узнавъ о томъ заранѣе, удалился на островъ Корциру, имъ нѣкогда облагодѣтельствованную. (*) Но и тутъ была неуда-

(*) Избранный посредникомъ, онъ рѣшилъ споръ между Коринѣомъ и Корцирою въ пользу Корциры.

ча. Корцирійцы, боясь Аѣинъ и Спарты, просили его убѣдительно оставить островъ и перевезли его на твердую землю. Сперва онъ бѣжалъ въ Эпиръ, но, преслѣдуемый и здѣсь врагами, рѣшился, наконецъ, на послѣднее средство, и прибѣгнулъ къ великодушію Адмета, царя Молоссовъ, своего жестокаго врага, которому онъ, отъ имени Аѣинъ, въ дни своей силы, отказалъ въ его просьбѣ такъ рѣзко, что Адметъ поклялся отмстить ему. Но Адметъ принялъ Θемистокла дружески и общалъ ему свое покровительство.

Говорятъ, что когда Θемистоклъ пришелъ къ Адмету, его не было дома. Θемистоклъ обратился съ просьбою къ женѣ его, Пѣи, которая научила его взять Адметова сына на руки, стать у очага семейнаго и въ такомъ положеніи просить помощи и покровительства у Адмета, ибо у Молоссовъ былъ обычай никому

ни въ чемъ не отказывать, кто являлся съ ребенкомъ на рукахъ. (*) Другіе говорятъ, что самъ Адметъ научилъ его такъ сдѣлать, дабы имѣть достаточную причину въ извиненіе, что не выдаетъ его врагамъ. Въ самомъ дѣлѣ, послы изъ Спарты и Аѣинъ явились къ Адмету, требуя выдачи Θемистокла: но Адметъ отказалъ, и отправилъ Θемистокла въ Пидну, Македонскій городъ, откуда безопасно можно было пробраться въ Персидскія владѣнія. Θемистоклъ, подъ чужимъ именемъ, нанялъ судно и съ большими опасностями прибылъ въ Ефесъ. Противный вѣтеръ было пригналъ его къ Аѣинскому флоту, осаждавшему островъ Наксось. Чтобы побудить къ скорѣйшему отплытію, Θемистоклъ объявилъ свое

(*) Сюда прибыли изъ Аѣинъ тайкомъ жена и дѣти Θемистокла, по старанію Эпикрата Ахарнейскаго, за что Эпикратъ, по требованію Кимона, былъ потомъ казненъ.

имя и сказалъ: «если вы меня выдадите, я скажу, что вы съ самаго начала знали, кого везете, и дали себя подкупить деньгами и льстивыми словами.» Высаженный близъ Киме, Эолійскаго города въ Мизіи, онъ услыхалъ, что голова его оцѣнена царемъ Персидскимъ и что его хотятъ схватить, дабы получить плату, а потому онъ убѣжалъ въ маленькій Эолійскій городъ Эге, гдѣ его никто не зналъ, кромѣ друга его Никогена, человѣка весьма богатаго и знакомаго съ Персидскими вельможами. Пробывъ у него нѣсколько дней, онъ въ крытой повозкѣ отправился въ Персію; спрашивавшимъ, кто ѣдетъ, говорили, что ѣдетъ молодая Гречанка изъ Іоніи ко двору Персидскаго царя, ибо въ Персіи женщины всегда ѣздили въ закрытыхъ возницахъ, невидимыя для мужчинъ.

По прибытіи въ Персію, съ содѣйствіемъ военачальника Артабана, онъ

былъ представленъ Артаксерксу. На вопросъ, кто онъ такой? — онъ отвѣчалъ: «Θεμιστοκλής, изгнанный Аѳинянами, преслѣдуемый Греками, пришелъ въ твои земли. Я нанесъ много зла отцу твоему Ксерксу; но тогда былъ долгъ мой такъ дѣйствовать, защищая свое отечество; зато я сдѣлалъ ему и много добра, когда намъ уже нѣчего было бояться, а ему, напротивъ, угрожала опасность: я не преслѣдовалъ его какъ побѣдитель. Я пришелъ просить покровительства и прощенія. Греки, какъ видишь, изгнали меня за любовь мою къ Персамъ. Сдѣлай мое несчастіе зеркаломъ твоего великодушія, а не цѣлю твоего гнѣва. Ты во мнѣ видишь просителя, ищущаго твоей защиты. Неужели повелишь умертвить человѣка, ставшаго врагомъ Греціи.» Артаксерксъ былъ изумленъ и вмѣстѣ восхищенъ такимъ отвѣтомъ. Онъ принесъ благодарственныя жертвы богамъ за то, что они ослѣпили его вра-

говъ, изгоняющихъ своихъ лучшихъ гражданъ; тотчасъ изготовили пиръ, и царь въ радости три раза воскликнулъ: «Θεμιστοκλѣ въ моихъ рукахъ.»— На другой день, передъ всѣмъ дворомъ, Θεμιστοκλѣ просилъ у царя годъ сроку на изученіе Персидскаго языка, чтобы потомъ объяснить ему лично причины, которыя привели его въ Персію. Исполненный удивленія къ нему Артарксерксъ согласился на просьбу. Θεμιστοκлѣ употребилъ этотъ годъ на изученіе Персидскаго языка; явился, по истеченіи срока, къ Артарксерксу, и имѣлъ съ нимъ частые переговоры наединѣ. Онъ былъ осыпанъ благодареніями и почестями. Города: Магнезія (въ Лидіи), Лампсакъ (въ Каріи) и Мій (въ Мизіи) даны были ему на его расходы; другіе прибавляютъ къ этому еще два Мизійскіе города: Перкоте и Палескепсисъ. Такими почестями онъ, вѣроятно, обязанъ былъ тому, что успѣлъ внушить царю надежду покорить Гре-

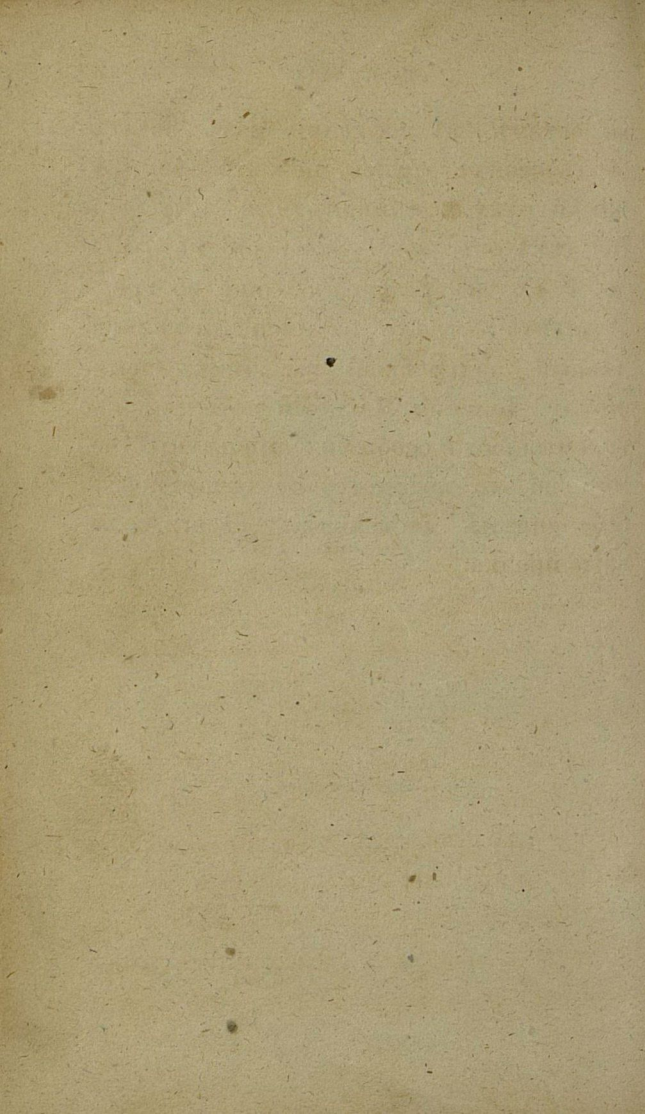

цію; сверхъ того Θемистокль успѣлъ принести и самой Персіи прямую пользу: многія перемѣны при дворѣ Персидскаго царя были, кажется, слѣдствіемъ совѣтовъ, данныхъ царю Θемистокломъ. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ покойно въ Магnezіи, никѣмъ не тревожимый. Царь, занятый во внутренности Азіи, не обращалъ вниманія на Грецію и не тревожилъ Θемистокла. Но когда Египетъ отложился и призвалъ на помощь Аѳинянь, и Кимонъ съ 200 галеръ окружилъ Кипръ и угрожалъ Киликіи, Артаксерксъ испугался и собралъ войско. Тогда онъ потребовалъ отъ Θемистокла исполненія обѣщаній. Гонца за гонцомъ слалъ къ нему царь и требовалъ совѣтовъ. Но Θемистокль не могъ мстить отечеству; это было сверхъ силъ его; онъ былъ Грекъ и въ изгнаніи любилъ Аѳины. Отказать Артаксерксу не было возможности. Онъ зналъ, что его ожидало въ случаѣ отказа. Принесши жерт-

вы богамъ , въ послѣдній разъ онъ созвалъ своихъ друзей, пожалъ имъ дружески руку и.принялъ ядъ. Ему было 65 лѣтъ отъ роду. Это было въ 449 г. до Р. Х. Въ Магnezіи , еще во время Плутарха , стоялъ на площади великолѣпный надгробный памятникъ Θेमистоклу. Долго въ Магnezіи потомство его пользовалось особыми преимуществами ; но это потомство не ознаменовало себя ничѣмъ достойнымъ своего великаго предка.

В2 . . . з.

ІОАННА ДАРКЪ.

СТАТЬЯ I.

Іоанна д'Аркъ родилась въ Домреми, небольшой деревенькѣ на рѣкѣ Мозель, между Вокулёромъ и Невшателемъ, въ 1410 или 1411 году — неизвѣстно. Родители ея были честные поселяне; отецъ ея назывался Яковомъ д'Аркъ, а мать Изабеллой; у нихъ было еще три сына и двѣ дочери. Семейство это было бѣдно, но трудолюбиво, честно и согласно. Одни полагаютъ, что Іоанна въ молодости занималась домашними работами, пряла и шила бѣлье; другіе, что

она пасла стада ; третьи, что она была служанкою въ маленькой гостинницѣ. Первое мнѣніе самое вѣроятное;—достовѣрно еще и то, что она всегда отличалась своимъ поведеніемъ, была прилежная, услужливая, кроткая и благочестивая дѣвушка. Она не знала грамоты, ибо грамотѣ тогда не учили поселянъ, но знала наизусть символъ вѣры и нѣсколько молитвъ. Современные историки, описывающіе ея наружность, говорятъ, что ея лицо выражало ангельскую кротость, что она была стройна, имѣла величавую осанку, хотя была не велика ростомъ; въ воинской же одеждѣ всякій могъ принять ее за отважнѣйшаго и благороднѣйшаго рыцаря своего времени : съ такою ловкостью и прелестью носила она свой шлемъ, украшенный бѣлыми перьями, свою желѣзную броню и благородное знамя, всегда торжествовавшее въ ея рукахъ.

Мало имѣютъ свѣденій о ея дѣтствѣ;

никому не приходило въ голову заниматься бѣдною поселянкой, простой, скромной,—живущей, какъ и всѣ ея подруги, лѣтомъ въ поляхъ, зимою въ отцовской хижинѣ. Кто могъ бы подумать, что эта бѣдная дѣвочка сдѣлается со временемъ спасительницею Франціи?

Но надобно знать сперва въ какомъ состояніи находилась тогда эта Франція и что было причиною долгихъ войнъ съ Англіею, приведшихъ государство на край гибели.

По смерти короля Французскаго Карла IV, не оставившаго послѣ себя дѣтей, возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи: долженъ ли занять престолъ Франціи — Эдуардъ III, король Англійскій, сынъ Изабеллы, родной сестры Карла IV,—или Филиппъ VI, происходившій отъ сына Филиппа III, короля Французскаго, дѣда Карла IV. Хотя Эдуардъ III находился въ ближайшемъ родствѣ съ Карломъ IV, нежели Филиппъ, но

притязаніе перваго на наслѣдіе престола было основано на происхожденіи отъ женскаго колѣна. Во Франціи же дѣйствовалъ такъ называемый законъ Салическій, дававшій преимущество въ престолонаслѣдіи мужескому поколѣнію передъ женскимъ. Вотъ что было поводомъ къ долгимъ войнамъ между Англіею и Франціею, которыя, съ небольшими перерывами, продолжались до самой Орлеанской дѣвы. —

Въ это время царствовалъ Карлъ VII; но какое печальное наслѣдство онъ получилъ отъ отца своего, безумнаго и несчастнаго Карла VI? Сперва малолѣтство, а потомъ безуміе Карла VI (умершаго въ 1422 году) подали поводъ къ новымъ безпорядкамъ и внутреннимъ раздорамъ между сильными владѣльцами государства, и даже членами королевскаго дома. Въ его царствованіе, Англичане, герцоги Бурбонскій, Бретанскій и сама Изабелла Ба-

варская, недостойная королева Франціи, бросились, по сказанію лѣтописцевъ, на несчастную землю, какъ на свою добычу, терзали ее, и расхищали во всѣ стороны. Слѣдуя ихъ примѣру, дворяне и владѣльцы земель также мучили народъ, словно хищные птицы беззащитную овцу. Одинъ старинный историкъ говоритъ: «состояніе Франціи было тогда ужасно; вездѣ господствовали смятеніе, нищета, опустошеніе, и ужасъ. Сами грабители-дворяне нерѣдко ужасались, при видѣ измученнаго народа. Англичане, Бургундцы, даже сами Французы, одни за другими овладѣвали каждой хижиной, каждой фермою. Только и думали о налогахъ и контрибуціяхъ; а военные люди единодушно грабили поселянъ и беззащитныхъ торговцевъ.»

Послѣдствіемъ были страшныя возстанія сельскихъ жителей, извѣстныя

подъ названіемъ *Jacquerie*, внезапно вспыхнувшіе на всѣхъ концахъ Франціи. Всякое угнетеніе имѣетъ свою мѣру, за которую непереходитъ. Французскіе дворяне и аристократы этого времени переполнили эту мѣру и получили достойное наказаніе. Сначала поселяне требовали только освобожденія отъ лишнихъ тягостей, налагаемыхъ на нихъ господами, но удовольствованія не было, и скоро страшныя жестокости начали сопровождать эти возстанія. Крестьяне ничего не щадили; грабили, жгли и убивали всѣхъ и cadaго все что имъ ни попадалось подъ руку. Когда ихъ спрашивали: зачѣмъ они такъ дѣлаютъ? они отвѣчали: «мы сами не знаемъ; мы дѣлаемъ то, что и другіе дѣлаютъ; и думаемъ, что дѣлаемъ дѣло, ибо надо наконецъ сжить со свѣта всѣхъ дворянъ.» Противъ нихъ соединялись дворяне и, гдѣ только могли, платили имъ тѣмъ же.

Къ такимъ несчастіямъ внутри земли

присоединилась новая война съ Англіею и вторженіе Генриха V, короля Англійскаго. Его побѣда при Азенкуръ (въ 1415) не заставила Французовъ забыть домашнія раздоры и соединиться противъ общаго врага. Карлъ VII, новый король Франціи, не имѣлъ ни силы характера, ни той дѣятельности, которыя были необходимы для возстановленія общественнаго порядка, и думалъ болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ Франціи. Его сановники и оставшіеся вѣрными ему сильные вассалы находились въ безпрестанныхъ раздорахъ между собою; государственная казна была истощена; земля объдняла; о благоустроенномъ войскѣ не было и помину. Филиппъ, герцогъ Бургундскій, присталъ къ Англичанамъ. Большинство Франціи уже считало дѣло Карла VII погибшимъ, и полагало ея будущее спасеніе въ соединеніи съ Англіею подъ однимъ скипетромъ Генриха VI, ко-

торый возстановитъ миръ и порядокъ. Всякая любовь къ родинѣ, отечеству была забыта, и, казалось, не было человѣческой силы, которая бы могла спасти Францію. Во владѣніи Карла VII осталась одна небольшая часть королевства, и его въ насмѣшку называли *королемъ Буржскимъ* отъ столицы его Буржъ.

Молодой король Англійскій, Генрихъ VI, принялъ названіе короля Франціи, а его дядя, герцогъ Бетфортскій, назвался регентомъ, и рядомъ непрерывныхъ побѣдъ скоро овладѣлъ большею частию Франціи. Нормандія, Фландрія, Пикардія, Шампань, Лоррена, Парижъ и всѣ окружающіе его города пали во власть Англичанъ, которые, въ надеждѣ на свои успѣхи, осадили наконецъ и Орлеанъ. Со взятіемъ этого города для Карла VII исчезала всякая надежда на спасеніе. Лангедокъ и Дофинне, остававшіеся дотолъ вѣрными ему, были покорены герцогомъ Бургунд-

скимъ и Савойскимъ, и жалкая столица Буржъ едва могла выдержать осаду нѣсколькихъ дней. — Тогда-то явилась Іоанна д'Аркъ.

Она знала не только по наслышкѣ о бѣдствіяхъ и смутахъ, раздиравшихъ ея отечество, но эти бѣдствія коснулись и ея мирнаго жилища. Домреми держался стороны Карла VII, а сосѣднее село Максе-Бургундіи и Англіи. Между жителями того и другаго села доходило часто до ссоры и даже до кровопролитія. «Только одинъ изъ жителей, Домреми, — говорила впоследствии сама кроткая Іоанна, — былъ на сторонѣ Англичанъ, но я, признаюсь, тогда уже желала, чтобы его голова скорѣе пала, если только это угодно Богу. — При такихъ впечатлѣніяхъ возросла Іоанна, и не мудрено послѣ этого, что всюду чудныя видѣнія волновали ея пылкое воображеніе. Въ первый разъ слышался ей, на 13 году ея возраста, голосъ, какъ-бы

выходящій изъ земли. «Я сперва (разсказывала она послѣ) сильно испугалась. Голосъ слышался мнѣ въ полдень, когда я сидѣла, въ праздникъ, въ саду моего отца; онъ выходилъ изъ церкви, въ правой рукѣ отъ меня. Почти всегда съ этимъ голосомъ видѣлся мнѣ какой-то чудный свѣтъ. Голосъ повелѣвалъ мнѣ хорошо вести себя, во спасеніе моей души, и ходить прилежно въ церковь.» Іоанна тогда уже дала обѣтъ остаться навсегда дѣвою; она также утверждала, будто видитъ видѣнія и слышитъ часто голоса, которые говорятъ ей про короля ея Карла и грозятъ Англичанамъ; и не разъ она тогда уже сказывала отцу, что пойдетъ воевать за своего короля. Ничто не могло ее отвратить отъ этой мысли; отецъ хотѣлъ выдать ея замужъ за одного молодаго человѣка, родомъ изъ Туль, но Іоанна поклялась, что ей никогда не быть замужемъ. Самъ отецъ думалъ иногда, что она колдунья, и разъ

сказалъ сыновьямъ своимъ «еслибъ я могъ увѣриться, что въ самомъ дѣлѣ Іоанна то, чего я опасаюсь, то если не вы, я бы самъ утопилъ ее.»

Она продолжала имѣть странныя видѣнія и словно откровенія свыше, какъ рассказываютъ современники.—Въ храмахъ, куда часто ходила она молиться, въ таинственномъ мрачномъ лѣсу близъ источника, на берегу котораго она часто погружалась въ думу, Пречистая Дѣва и Ангелы часто являлись ей, и слышался голосъ, что только дѣва можетъ спасти Францію, и что эта дѣва она. — Послѣ несчастной битвы Вернейской, эти видѣнія сдѣлались чаще. Когда осадили Орлеанъ, въ 1428 г., Іоанна непременно захотѣла видѣть Бодрикура, военачальника въ Вокулёръ, чтобы просить его о представленіи ея королю. Отецъ ея всѣми силами оспаривалъ ея намѣреніе, но все было тщетно; она не

могла долѣе противиться велѣніямъ свыше.—Дядя ея, Лаксаръ, согласился на ея просьбы и отвелъ ее тайно въ Вокулёръ; Бодрикуръ, старый воинъ, грубый и суровый, принялъ ее сначала очень дурно, сказалъ что она сумасшедшая и что ее надобно отослать къ отцу. Это мало-обѣщавшее начало однакожь не лишило Іоанну д'Аркъ бодрости; она не возвратилась въ Домреми, а нашла себѣ убѣжище у одного колесника въ Вокулёръ. Недолго она прожила тутъ, какъ весь городъ уже зналъ про нее. Благочестіе ея было безпримѣрное: она цѣлые дни проводила у подножія алтарей, говоря, что ее призываютъ къ нимъ видѣнія. Она часто ходила къ Бодрикуру; наконецъ, онъ былъ тронутъ ея твердостью и смиренною вѣрою въ себя и свое призваніе.

Между тѣмъ, осада Орлеана продолжалась и несчастный городъ былъ до-

веденъ до крайности. Съ паденіемъ Орлеана, гибель Карла была неизбежна, ибо Орлеанъ былъ его послѣднею опорою. Страшныя извѣстія изъ Орлеана еще усилили рѣшимость Іоанны; слова ея сдѣлались яснѣе и опредѣленнѣе. Ей было велѣніе свыше не терять болѣе времени и принудить Англичанъ къ снятію осады съ Орлеана; она въ послѣдній разъ пришла къ Бодрикуру и сказала ему:

«Знайте, что самъ Богъ велитъ мнѣ идти къ дофину и даетъ начальство надъ ратью. Я приведу его въ Реймсъ и наложу на него корону Франціи.»

Въ словахъ ея было столько твердости и вѣры, что онъ не смѣлъ долѣе противиться. Жители Вокулёра доставили ей все нужное, купили ей лошадь, дали ей полную воинскую одежду, и цѣлый городъ провожалъ ее. Старшій братъ ея Яковъ д'Аркъ и Сиръ-де-По-

ленжъ были ея спутниками. Съ ними было еще нѣсколько человѣкъ. Это было въ Февраль 1429 года.

Дворъ Карла VII находился тогда въ Шанонъ, въ провинціи Турень. Немудрено вообразить каковъ былъ дворъ короля, котораго государство было въ такомъ жалкомъ состояніи. Нѣсколько вѣрныхъ подданныхъ, старинныхъ честныхъ дворянъ, слѣдовали еще за нимъ; но его слуги, его тѣлохранители, давно уже не получавшіе никакой платы, безпрестанно покидали его. Король доведенъ былъ до печальной необходимости обѣдать одинъ, чтобы подданные не видали всей его нищеты. Современники рассказываютъ, что Ксентрайль и Ла-Гиръ, два лучшіе его военачальника, разъ нашли его за столомъ одного, и весь обѣдъ его состоялъ изъ куска баранины и цыпленка. Другой историкъ говоритъ, что Карлъ былъ въ величайшей крайности, когда прибыла къ нему

Іоанна д'Аркъ ; было всего четыре червонца въ королевской казнѣ и такъ мало было кредита у короля , что сапожникъ не хотѣлъ сдѣлать ему пары сапогъ , безъ платы наличными деньгами.

Ему совѣтовали заложить королевскія владѣнія для домашнихъ издержекъ , но онъ отказался отъ такой постыдной сдѣлки. Впрочемъ, еще сомнительно , нашелся ли бы довольно отважный ростовщикъ, чтобы дать взаймы денегъ королю Франціи, даже подъ залогъ владѣній его.

Іоанна д'Аркъ пріѣхала съ своею свитою въ Шанонъ 6 Марта 1429. Тотчасъ приказала она объявить королю, что она явилась къ нему по повелѣнію Божію и что она коронуетъ его въ Реймеъ. Дворъ и самъ король забавлялись сначала такими странными увѣреніями Іоанны. И возможно ли было думать, чтобы такая слабая рука могла

спасти государство отъ явной и близкой гибели? Однако же скоро узнали изъ письма Бодрикура и изъ рассказовъ рыцарей, сопровождавшихъ Іоанну д'Аркъ, о всемъ, что было чудеснаго въ судьбѣ молодой дѣвушки. Король захотѣлъ сдѣлать ей испытаніе; онъ принялъ ее среди своего двора, но одѣлся въ самое простое платье, а на свое мѣсто посадилъ одного богато-одѣтаго придворнаго. Іоанна д'Аркъ не остановилась передъ тѣмъ, который представлялъ короля, и тотчасъ подошла къ Карлу, поклонилась ему съ большою ловкостью и преклонила передъ нимъ колѣна.

« Я не король, — сказалъ Карлъ — вотъ онъ » и показалъ на своего представителя.

« Клянусь Богомъ » отвѣчала она « это ты и никто другой. » Потомъ она прибавила: « Добрый дофинъ, я дѣва Іоанна; Святой Михаилъ Архангелъ, Святая

Екатерина и Святая Маргарита послали меня освободить Орлеанъ и привести тебя въ Реймсъ, гдѣ ты будешь коронованъ и снова получишь престолъ Франціи. »

Король потребовалъ, чтобъ она доказала справедливость своихъ словъ ; она отвела его тогда въ сторону и долго говорила съ нимъ, но никому не было извѣстно, что она ему сказала. Послѣ этого тайнаго разговора, король въ большой радости объявилъ своему двору, что онъ имѣетъ полную довѣренность къ молодой дѣвушкѣ и приказалъ всѣмъ своимъ приближеннымъ обращаться съ нею какъ можно почтительнѣе.

Однако же совѣтники короля боялись принять услуги Іоанны д'Аркъ слишкомъ легкомысленно: одни боялись, въ случаѣ неудачи, показаться смѣшными, другіе полагали, что откровенія свыше, о коихъ говорила Іоанна, могли быть

внушеніями діавола, и что въ этомъ дѣлѣ примѣшено колдовство; самъ же Карлъ былъ государь слабый и легковѣрный, и потому рѣшено было отправить ее въ Поатье, и тамъ созвать собраніе богослововъ, людей ученыхъ и опытныхъ. Имъ велѣно было сдѣлать Іоаннѣ испытаніе «въ вѣрѣ, жизни, нравахъ и посланіи» и рѣшить, можетъ ли Карлъ довѣрить ея пророчествамъ и принять отъ нея помощь.

Іоанна предстала передъ этимъ собраніемъ съ увѣренностію, не покидавшею ее ни на одно мгновеніе, и отвѣчала съ такимъ умомъ, что внушила всѣмъ самое высокое мнѣніе о себѣ. Не разъ однако же она теряла терпѣніе. «Какимъ нарѣчіемъ говорятъ голоса, которые вы слышите?» спросилъ ее дурнымъ Лимузинскимъ нарѣчіемъ одинъ монахъ Легонъ. «Лучшимъ, нежели ваше.» отвѣчала она. Когда ей приводили тексты въ доказательство,

что не должно вѣрить ея откровеніямъ, она говорила: «Я не знаю даже азбуки, но я читаю въ книгѣ Божіей, въ которой больше сказано, чѣмъ во всѣхъ вашихъ книгахъ!» Однако же всѣ доктора правъ и богословы единодушно объявили, что она вдохновлена свыше, и что святое предназначеніе ея несомнѣнно.

Въ Поатье собралось множество народа изъ всѣхъ сословій, чтобы видѣть и слышать Іоанну: Дотолъ сомнѣвавшіеся въ ея призваніи проливали теперь слезы раскаянья и свидѣтельствовались Небомъ, что она дѣйствительно его посланница. Тогда-то начали вспоминать и относить къ ней старыя преданія, что дѣва спасетъ Францію; то, что было просто и естественно, окружили чудеснымъ, и этимъ укрѣпляли въ самой Іоаннѣ вѣру въ чудесность ея призванія. Всюду распространилась счастливая вѣсть, и начали собираться войска подѣ

начальство Іоанны , чтобы идти на помощь Орлеану.

Тогда для Іоанны д'Аркъ началось новое поприще. Доселъ мы ее видѣли молодой поселянкой , простой , благочестивой , скромной и робкой. Теперь мы въ ней увидимъ неустрашимого , твердаго среди сраженій , опытнаго и быстрого въ соображеніяхъ военачальника , и вмѣстѣ неукротимо-храбраго юнаго рыцаря. Мы увидимъ ее всегда одинаковою , въ продолженіе короткаго , но славнаго ея поприща , всегда первою въ натискѣ , послѣднею въ отступленіи и всегда торжествующею. Карлъ согласился на предложенія Іоанны д'Аркъ , и далъ ей санъ военачальника. Іоаннъ сиръ Долонскій , храбрый и благоразумный воинъ , назначенъ былъ ее оруженосцемъ ; ей даны были два пажла , два герольда и священникъ. Король подарилъ ей великолѣпное вооруженіе , но когда онъ вручалъ ей мечъ ,

она сказала, что, по повелѣнію Божию, должна имѣть мечъ съ изображеніемъ пяти крестовъ, и что такой мечъ находится въ часовнѣ Св. Екатерины въ Фьербоа; мечъ этотъ дѣйствительно былъ найденъ въ часовнѣ. Она объявила тоже, что ей повелѣно носить бѣлое знамя, усыянное лиліями; посрединѣ должно было находиться изображеніе Спасителя, возсѣдающаго въ облакахъ съ двумя молящимися ангелами у Его ногъ; одинъ изъ нихъ долженъ былъ держать вѣтвь лиліи, а на другой сторонѣ должны были быть начертаны два слова: *Иисусъ. Марія.* — Знамя было сдѣлано по ея указанію.

Въ концѣ Апрѣля 1429 года, Іоанна въ полномъ вооруженіи въ первый разъ осматривала войско Карла; ее сопровождали принцы и полководцы. Нельзя вообразить себѣ восторга, который произвело ея появленіе. Она ѣхала на пре-

красномъ сѣромъ конѣ, которымъ управляла съ большою ловкостію ; благородная и воинственная осанка , гордый и вмѣстѣ кроткій взглядъ , ея красота , богатство одѣянія , ея чудное знамя , уваженіе , оказываемое ей всѣми благороднѣйшими рыцарями , — все это производило сильное впечатлѣніе на народъ. При ея первомъ появленіи всѣ пали на колѣна и долго сопровождали ее радостныя восклицанія. — Тѣ, которые были въ сношеніяхъ болѣе короткихъ съ Іоанною, дивились ея умнымъ разговорамъ, ея остроумію и находчивости. Она такъ твердо вѣрила сама въ свое призваніе , что легко передавала свою вѣру и другимъ. Приверженцы короля ободрились, надежда оживила всѣхъ. За нѣсколько еще дней считали Францію погибшею , теперь уже полагали всѣ спасенною. —

Множество молодыхъ рыцарей отовсюду собиралось подъ знамена Іоанны д'Аркъ, и не прошло мѣсяца, какъ совершилась

такая счастливая переменѣна. На мѣсто прежней рати, упавшей духомъ, несогласной и трепещущей, Карлъ VII имѣлъ теперь войско восторженное, готовое къ битвамъ, исполненное мужества и вѣры.

Въ обѣихъ арміяхъ только и говорили, что объ Іоаннѣ д'Аркѣ; все, что можно было придумать чудеснаго, было ей приписываемо. Французы считали ее дѣвою, вдохновенною свыше, и ея явленіе считали дѣломъ Провидѣнья. Англичане думали, что она орудіе злаго духа, что она еретичка и колдунья. Напрасно старались военачальники разувѣрять свое войско, но страхъ овладѣвалъ солдатами при одномъ ея имени.

Наконецъ, все было готово къ выступленію въ походъ, и войско свѣжее, одушевленное надеждою, собралось въ Блоа. Іоанна д'Аркъ отправилась туда въ концѣ Апрѣля, въ сопровожденіи

епископа Реймскаго , канцлера Франціи, и другихъ сановниковъ.—Главные предводители войска прибыли до нея, и каждый день стекались новыя толпы рыцарей. Когда Іоанна д'Аркъ приняла дѣйствительное начальство надъ войскомъ, она учредила новую, болѣе строгую дисциплину , и исключила изъ него всѣхъ негодяевъ ; но примѣромъ своимъ дѣйствовала еще болѣе , чѣмъ словомъ. Каждый день ходила она въ церковь и все время проводила или въ молитвѣ, или въ занятіяхъ военныхъ и попеченіяхъ объ войскѣ. Она спала, не раздѣваясь, и ѣла только хлѣбъ, обмоченный въ винѣ.

Іоанна пробыла только три дня въ Блоа, и въ это время написала къ Англичанамъ , приказывая имъ возвратить всѣ города, отнятые у Франціи, и грозя имъ , что она послана самимъ Небомъ освободить Францію.—Наконецъ, всѣ приготовления были кончены, и Іоанна д'Аркъ

пошла на Орлеанъ впереди семи-тысячнаго войска. Начальникъ Англійскихъ войскъ, герцогъ Суффолькъ, опасаясь всего болѣе прикрытія Французами подвозовъ съ съѣстными припасами въ Орлеанъ, направилъ большую часть своихъ войскъ въ другую сторону. Іоанна, при всемъ неравенствѣ силъ, хотѣла идти на встрѣчу ему; но начальники, сопровождавшіе ее, не соглашались, и не могли переубѣдить, рѣшились обмануть. Такъ какъ она не знала мѣстности, то легко было увѣрить ее, что идутъ тѣмъ путемъ, которымъ она желала. Черезъ два дня Орлеанъ былъ уже въ виду. Тогда Іоанна, замѣтивъ обманъ, горько жаловалась на него, говоря, что скоро узнаютъ цѣну ея совѣтамъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣка такъ обмѣлѣла, что лодки, идущія изъ Орлеана, не могли доходить до берега для нагрузки. Предводители войска были въ большомъ затрудненіи. Графъ Дюнуа, который начальствовалъ

въ осажденномъ городѣ, узнавши объ этомъ, переѣхалъ черезъ Лоару въ маленькой лодкѣ ночью на совѣтъ. На совѣтъ было рѣшено, чтобы войско отступило на двѣ мили до замка Шеси, гдѣ находилась хорошая пристань. Но вѣтеръ дулъ противный, и невозможно было завести барокъ до этого мѣста. Затрудненіе не уменьшалось, но вдругъ, по счастью, пошелъ проливной дождь и вѣтеръ перемѣнилъ направленіе. На другой день столько прибыло воды въ рѣкѣ, что переправа сдѣлалась очень легкою.

Графъ Дюнуа умолялъ Юанну д'Аркъ исполнить желанія Орлеанцевъ и заключиться съ ними въ осажденномъ городѣ. Она согласилась, и, простившись съ войскомъ, возвращавшимся въ Блоа, вошла въ лодку графа Дюнуа, держа знамя въ рукѣ. Съ нею были Ла-Гаръ, ея оруженосецъ и другіе спутники; двѣсти воиновъ сопровождали ее въ

другихъ баркахъ. Когда припасы были нагружены, Дюнуа послалъ сказать Орлеанцамъ, чтобъ они напали на непріятеля возлѣ мѣста, мимо котораго долженъ былъ проѣзжать обозъ. Этотъ отводъ удался, и обозъ благополучно прибылъ въ Орлеанъ. Первый успѣхъ удвоилъ надежды Французовъ.

Рука Божія, казалось, переставала уже покровительствовать Франціи и Орлеану; но едва появилась Іоанна д'Аркъ, все приняло другой видъ. Орлеанъ такъ былъ окруженъ Англійскими войсками, что не смѣли надѣяться на обѣщанную помощь. Радость была неописанная, когда увидали обозъ въ своихъ стѣнахъ. Іоанна д'Аркъ была принята какъ Ангель избавитель; она казалась народу существомъ сверхъестественнымъ, которому все повинуетъ. Въѣздъ дѣвы въ Орлеанъ былъ самый торжественный; народъ въ восторгѣ бросался къ ней, цѣловалъ ея оружіе, ея колѣна, руки,

збрую ея коня ; каждый хотѣлъ хотя дотронуться до ея одежды. Радостные крики раздавались вокругъ Юанны. Не измѣняя своимъ привычкамъ , она пріѣхала прямо въ соборъ , гдѣ былъ отпѣтъ благодарственный молебенъ. Потомъ она расположилась въ домъ одного изъ первыхъ гражданъ города, котораго жена была извѣстна своими добродѣтелями.

Графъ де-Сализбури, умный и храбрый начальникъ, осадилъ Орлеанъ, 6 Октября 1428, и продолжалъ осаду очень дѣятельно. Онъ окружилъ городъ, окопался въ укрѣпленіяхъ и съ разныхъ сторонъ построилъ большія башни, изъ которыхъ одну назвалъ Парижемъ, другую Руаномъ, третью Виндзоромъ ; и сверхъ того большое укрѣпленіе, которому далъ имя *Лондонъ*. Какъ будто нарочно онъ хотѣлъ собрать вокругъ Орлеана всѣ большіе города Франціи и Англіи, чтобы сдѣлать ихъ свидѣтелями паденія

государства. 1 Генваря 1429 г, Англичане начали первый приступъ и съ этого дня начались для Орлеанцевъ всѣ ужасы продолжительной осады : голодъ, болѣзни , и пр. Наконецъ, начальники, доведенные до крайности, извѣстили Карла VII, что имъ защищаться долѣе невозможно. Они предлагали сдать городъ на условіяхъ. Но условія были отвергнуты, и храбрые воины рѣшились тогда лучше погибнуть въ развалинахъ города, нежели сдаться Англичанамъ. Голодъ мучилъ всѣхъ. Осада продолжалась уже около семи мѣсяцевъ, когда Іоанна д'Аркъ прибыла въ крѣпость и доставила съѣстные припасы.

Всегда предприимчивая и рѣшительная, она хотѣла на другой же день своего пріѣзда атаковать Англичанъ. Но предводители, сопровождавшіе ее, болѣе опытные, хотѣли дѣйствовать осторожнѣе. Сиръ де-Гамашъ, старый воинъ, упрямый и смѣлый, рѣшительно объ-

явилъ, что, если послушаются дѣвчонки, болѣе нежели рыцаря, каковъ онъ, то онъ немедленно сложить съ себя начальство, и, чтобы не измѣнять чести, будетъ сражаться простымъ солдатомъ. Юанна отвѣчала, что совѣты рыцарей такихъ, какъ онъ, давно уже губятъ отечество, и что хоть разъ надобно испытать совѣта дѣвчонки; — что впрочемъ король поручилъ ей защищать свои владѣнія и она можетъ дѣйствовать по своему произволу.

Раздоры между членами военного совѣта очень печалили Дюнуа. Онъ все сдѣлалъ, чтобы утишить первую грозу, и наконецъ успокоилъ Юанну, обѣщавъ ей немедленно отправиться въ Блоа, воротить часть войска, привести новые запасы и тогда уже, не медля болѣе, атаковать Англичанъ.

Юанна д'Аркъ согласилась на отсрочку; но она непременно хотѣла дать

хоть вѣсть о себѣ Англичанамъ, и отправила къ нимъ двухъ герольдовъ съ письмомъ въ родѣ того, которое писала къ нимъ изъ Блоа. Получивши это посланіе, Талботъ пришелъ въ большую ярость и осыпалъ ругательствами Іоанну. Онъ удержалъ одного изъ герольдовъ, чтобы сжечь его какъ еретика, а другаго отослалъ съ страшными угрозами, что онъ ее также сожжетъ на кострѣ, только попадись ему. «Воротись къ нему, сказала Дѣва, и скажи, чтобы онъ сейчасъ выходилъ къ городу на поединокъ; если можетъ захватить меня въ плѣнъ, то пусть сожжетъ, если же я его одолѣю, то онъ долженъ сейчасъ снять осаду и воротиться домой съ своими Англичанами.» Дюнуа прибавилъ, что Англійскіе плѣнные будутъ отвѣчать за герольдовъ Дѣвы. Начальникъ непріятельскаго войска отослалъ обоихъ герольдовъ, но не принялъ вызова Іоанны. Дюнуа, по обеща-

нію своему отправился въ Блоа , чтобы ускорить возвращеніе войскъ. Едва прошло пять дней , какъ передовой уже извѣстилъ о прибытіи войска изъ Блоа. Юанна д'Аркъ, предвидя, что оно встрѣтитъ сопротивленіе на пути, вышла на помощь съ храбрѣйшими рыцарями и отборными солдатами. Не болѣе 500 человекъ составляли ее отрядъ, но это былъ цвѣтъ Французскаго войска. Ожидали жестокаго сраженія , но его не было. Англичане смотрѣли спокойно, какъ они проходили мимо ихъ башенъ и, казалось, оцѣнивали какою-то непреодолимою силою , говоритъ одинъ изъ ихъ историковъ. По этому уже можно судить, какое чудесное обояніе разливала вокругъ себя Юанна д'Аркъ ; ибо, надобно замѣтить, что она еще не была ни въ одномъ сраженіи. Юанна д'Аркъ возвратилась въ городъ утомленною и бросилась на постель отдыхать. Но, въ это время, передовые Французскіе стрѣл-

ки, поссорились съ Англійскими солдатами. Сраженіе завязалось и скоро сдѣлалось общимъ. Оба войска уже сражались съ остервенѣніемъ, хотя и безъ вѣдома своихъ начальниковъ. Но скоро воинскіе крики разбудили Іоанну д'Аркъ. «Боже мой,—вскричала она,—зачѣмъ не разбудили меня ранѣе?»

Въ минуту она вооружилась, вскочила на коня, и въ одно мгновеніе была у башни;—многіе рыцари послѣдовали за нею. Французы уже начинали отступать къ стѣнамъ Орлеана; но едва явилась Іоанна д'Аркъ, бѣглецы обратились вспять, ободренные ея голосомъ и примѣромъ. Сраженіе продолжалось съ ожесточеніемъ; Англичане защищались храбро, но ничто не могло противиться Французамъ, предводительствуемымъ Іоанною: она была вездѣсуща и всѣхъ одушевляла своимъ присутствіемъ. Англичане, подъ начальствомъ Тальбота, шли на помощь своимъ товарищамъ, осажденнымъ въ башнѣ

Но это движеніе было предусмотрѣно; новая дружина Французская отрѣзала ихъ, и они должны были оставаться спокойными зрителями пораженія своихъ. Послѣ трехъ часовъ битвы, бѣлое знамя Дѣвы развѣвалось на разрушенныхъ стѣнахъ башни. Іоанна д'Аркъ, съ побѣднымъ крикомъ, первая вошла на укрѣпленія. Французы побили множество Англичанъ, многихъ взяли въ плѣнъ, вмѣстѣ съ артиллеріею, военными запасами, и сожгли крѣпость.

На другой день Іоанна не хотѣла продолжать сраженія, потому что то былъ большой праздникъ; она провела день въ молитвѣ и, желая освятить его предложеніями мира, послала съ стрѣлою новое письмо къ Англичанамъ, прибавивъ, что это уже послѣднее. Она осталась на башнѣ ожидать отвѣта. Но Англичане отвѣчали ей одними ругательствами.

Цѣлый день начальники арміи за-

нимались приготовленіями къ завтрашней битвѣ. Утромъ 6 Мая, Французское войско, подъ предводительствомъ Іоанны д'Аркъ, вышло изъ Орлеана. День этотъ долженъ былъ быть рѣшительнымъ. Іоанна была внѣ себя отъ радости; она объѣзжала ряды воиновъ и съ восторгомъ кричала: «будьте храбры, друзья мои, Богъ за насъ, и мы нынче же выгонимъ Англичанъ изъ ихъ крѣпостей.»

Войско благополучно переправилось черезъ Лоару. Англичане тотчасъ покинули и зажгли свою ближайшую башню. Іоанна ихъ преслѣдовала и водрузила на ней знамя. Началось жестокое сраженіе, но, не смотря на мужественную защиту, Англичане принуждены были отступить. Съ этой стороны Орлеана еще оставалась одна башня въ рукахъ Англичанъ, но въ ней находилось множество военныхъ запасовъ, и ее защищаль одинъ изъ храбрѣйшихъ начальниковъ непріателя.

Намъ уже извѣстно, что Іоанна д'Аркъ не любила ничего откладывать, что всегдашнее правило ея было идти впередъ, не останавливаясь. Но другіе начальники боялись ея излишней отваги и рѣшились не выпускать Дѣву изъ города. Тогда Іоанна, окруженная несмѣтною толпою, подѣхала къ запертымъ воротамъ; путь въ ворота былъ проложенъ силою и около 10 часовъ утра все уже готово было къ приступу; начальники принуждены были также явиться, ибо войско послѣдовало за Іоанной безъ нихъ. Эта битва была также ужасна, какъ и прежнія. Часа три Англичане не допускали Французовъ къ приступу. Но непобѣдимая Іоанна д'Аркъ была всюду: она бросилась среди сражающихся; схватила лѣстницу; приставила ее къ стѣнѣ и быстро взбѣжала съ чудесною неустрашимостію, хотя стрѣлы летѣли въ нее со всѣхъ сторонъ. Она достигала уже верха стѣны, но вдругъ стрѣла

вонзилась ей въ плечо и она упала въ ровъ. Англичане бросились на нее и непременно захватили бы въ плѣнъ, если бы сиръ де Гамашъ не поспѣлъ къ ней на помощь. Онъ поднялъ ее и далъ свою лошадь. Иоанна была тяжело ранена; съ нея сняли вооруженіе и перевязали рану. Дюнуа велѣлъ отступать и увозить пушки; но завидя это, Иоанна встала, опасность оживила ее; — она запрещаетъ оставлять поле сраженія, умоляетъ, приказываетъ, грозить. . . и ее послушались. Она беретъ опять свое оружіе, свое знамя, садится на лошадь и ведетъ къ приступу. Ужасъ поразилъ Англичанъ, при видѣ храброй дѣвы, когда всѣ были уже увѣрены въ ея смерти. Они смѣшались, отступаютъ; Иоанна тѣснить ихъ, опрокидываетъ, и въ одну минуту Французы уже были на валу.

Эта битва такъ испугала Англичанъ, что въ ту же ночь они сняли осаду,

оставивъ въ башняхъ всѣ свои съѣстные и военные запасы. Орлеанъ былъ освобожденъ. Первое объщаніе Іоанны исполнилось 8 Мая, послѣ семимѣсячной осады.

Не смотря на почести, окружавшія во все это время Іоанну, и благоговѣніе, съ которымъ обращались съ нею народъ и рыцари, Іоанна оставалась простою и скромною дѣвою. Но когда военачальники противились ея смѣлымъ замысламъ, тогда внезапно обнаруживала она всю твердость своего характера, увлекала всѣхъ за собою силою своего убѣжденія и какъ бы внушеніемъ свыше. Предстояла ли гдѣ опасность, Іоанна уже была на конѣ, и шла впередъ всѣхъ, со святымъ знаменемъ въ рукахъ. Съ побѣжденными и плѣнными она была всегда милосерда. Во всемъ, въ словахъ и поступкахъ, она всегда была примѣромъ приличія и скромности. Въ битвы она проводила свое время

среди благочестивыхъ женъ и была между ними первою, какъ была первою среди мужей и воиновъ, вездѣ гдѣ нужны были совѣтъ и мечъ, слово и дѣло.

Ея вдохновенной храбрости обязаны были Французы побѣдою во многихъ другихъ сраженіяхъ, и ея твердости взятіемъ Троа. И наконецъ смѣлый походъ въ Реймсъ, среди гораздо сильнѣйшаго врага, достойно довершилъ ея подвигъ.

По снятіи осады Орлеана, Іоанна тотчасъ отправилась къ дофину Карлу, чтобы вести его короноваться въ Реймсъ. Карлъ оставилъ уже Шанонъ и расположился въ Ломъ, чтобы быть ближе къ мѣсту военныхъ дѣйствій.

Король принималъ Іоанну съ живѣйшею благодарностію; она была предметомъ всеобщаго восторга. Но Іоанна, не смотря на то, что едва только оставила поле сраженій, и еще страдала отъ своей раны, уже го-

това была на новыя опасности и звала Карла въ Реймсъ, но Карлъ не рѣшался. Вся дорога до Реймса была во власти непріятеля, и онъ съ ужасомъ думалъ о предстоящихъ опасностяхъ, о городахъ, которые надо очистить отъ непріятеля, прежде нежели ему можно будетъ спокойно возложить на себя корону Франціи въ древнемъ соборѣ Св. Реми.

Іоанна неотступно уговаривала его идти, но онъ все медлилъ и собиралъ войско; онъ ждалъ, чтобы новыя побѣды проложили ему дорогу. Іоанна съ нетерпѣніемъ смотрѣла на эти отсрочки и когда спрашивали у нее, зачѣмъ она такъ спѣшитъ? «Мнѣ дано только годъ сроку,—отвѣчала она печально, — я должна торопиться.»

Наконецъ, король рѣшился на походъ въ Реймсъ; все дворянство и рыцарство участвовало въ немъ; войска было отъ пяти до шести тысячъ; начальство надъ

нимъ было поручено герцогу Алансонскому, и 8 Іюня выступили въ походъ.

Вечеромъ того же дня пришли къ мѣстечку Жоржъ. Въ отсутствіе Іоанны начальники, остававшіеся въ Орлеанъ, хотѣли взять Жоржъ, гдѣ укрывалась часть Англійскаго войска, но предпріятіе не удалось. Іоанна рѣшилась взять городъ, и черезъ три дня овладѣла имъ.

Ей приписываютъ въ этой осадѣ много блистательныхъ подвиговъ; какъ и всегда она первая шла на приступъ и послѣдняя отступала;—и распорядилась артилеріею такъ, какъ бы самый опытный полководецъ не придумалъ лучше. Эта побѣда имѣла важныя послѣдствія. Больше тысячи Англичанъ было убито; герцогъ Сюффолкъ, братъ его, и многія другія знатныя особы взяты въ плѣнъ.

Вотъ случай, ярко изображающій военные нравы того времени.

Графъ Сюффолкъ былъ доведенъ до послѣдней крайности и уже рѣшался сдаться. Между преслѣдующими его, онъ замѣтилъ одного воина, особенно храбраго, и, приблизившись къ нему, спросилъ: «Дворянинъ ли ты?» «Да,» отвѣчалъ молодой воинъ.—«Рыцарь ли ты?» продолжалъ Сюффолкъ.—«Нѣтъ.»—«Такъ я тебя сдѣлаю рыцаремъ,» сказалъ Англіійскій военачальникъ, дотронулся до него своимъ мечемъ, потомъ отдалъ ему этотъ мечъ и сдался ему. Графъ Сюффолкъ лучше бы согласился умереть, нежели сдаться человѣку, не только менѣе благородному, чѣмъ онъ, но и не дворянину и не рыцарю. Таковы были тогда понятія о чести и благородствѣ, если и не всегда согласныя съ понятіями о человѣческомъ достоинствѣ.

Французское войско возрастало съ каждымъ днемъ. Изъ Жоржа оно пошло на Божанси, гдѣ начальствовалъ знаменитый Англіійскій рыцарь Тальботъ. Го-

родъ былъ дурно укрѣпленъ, солдаты упали духомъ, и храбрый Тальботъ долженъ былъ оставить крѣпость и присоединился къ Англійской арміи, шедшей изъ Парижа, чтобы дать Французамъ рѣшительное сраженіе. Оба войска сошлись близъ деревеньки де-Потай. Французы не рѣшались начать нападеніе. Но Іоанна съ молодыми отборными рыцарями внезапно ударила въ Англичанъ, не давъ имъ времени стать въ боевой порядокъ. Англичане не выдержали внезапнаго натиска; ихъ ряды смѣшались. Конница обратила тылъ и давила пѣхоту. Тальботъ напрасно старался возстановить порядокъ и возобновить битву.—Англичане были совершенно разбиты, самъ Тальботъ долженъ былъ сдаться. На другой день городъ Жуевиль принадлежалъ побѣдителю.

Освобожденіе Орлеана, взятіе многихъ городовъ, побѣда близъ Потая,—всѣ эти подвиги, совершенные въ теченіе мѣсяца,

совершенно измѣнили положеніи Франціи. Прѣжняя робость оставила Карла и онъ уже смѣло продолжалъ свой путь въ Реймсъ.

Назначили мѣсто для соединенія всѣхъ войскъ; собралось до 12 тысячъ, и 28 Іюня выступили снова въ походъ.

Успѣхи Французовъ наводили такой ужасъ, что небольшіе гарнизоны, находившіеся на пути, не защищаясь, сдавали крѣпости; многіе значительные города покорились безъ всякаго сопротивленія; и 15 Іюля войско, почти не сражаясь, достигло Реймса. Непріятельскій военачальникъ немедленно удался со всѣмъ своимъ войскомъ. Покорные жители вышли на встрѣчу Карлу, и онъ торжественно вошелъ въ городъ, гдѣ на другой же день, 17 Іюля 1429 года, былъ коронованъ.

Въ продолженіи всей церемоніи коронаванія Іоанна д'Аркъ находилась возлѣ

короля, держа въ одной рукѣ свое знамя, а въ другой—свой побѣдоносный мечъ. Всѣ взоры устремлены были на нее; «да здравствуетъ Дѣва!» такъ же часто раздавалось, какъ «да здравствуетъ Король!» Послѣ церемоніи Іоанна упала къ ногамъ короля, обняла его колѣна и, проливая горячія слезы, сказала:

«Наконецъ, благородный король, воля «Божія исполнилась; Ему угодно было, «чтобы ты пришелъ въ Реймсъ получить святое помазаніе и доказать что «ты истинный и законный государь «Франціи.»

Два брата Іоанны давно уже сопровождали ее; въ Реймсъ прибылъ также ея отецъ и дядя.

Изъ Реймса король двинулся въ войскомъ въ Креспи и Дампмартенъ. По дорогѣ народъ провожалъ Іоанну со слезами радости и духовными гимнами.

Графъ Дюнуа разъ спросилъ ее: «Знаешь ли ты, Іоанна, когда и гдѣ ты умрешь.» Іоанна отвѣчала: «Не знаю, но предаю себя въ руки Божіи. Я исполнила, что Богъ мнѣ повелѣлъ: я освободила Орлеанъ и привела благороднаго короля въ Реймсъ. Теперь я желала бы, чтобы Богъ возвратилъ меня къ моимъ родителямъ и мирнымъ стадамъ. Здѣсь народъ добрый и набожный. Если мнѣ суждено скоро умереть, я бы хотѣла умереть здѣсь.» Можетъ быть, бѣдная дѣвушка предчувствовала свои будущія несчастія, или, при видѣ стараго отца, всѣ воспоминанія дѣтства, любовь къ роднымъ полямъ, ихъ свѣтлой тишинѣ и мирному семейному быту снова воскресли въ ея душѣ.

Карлъ хорошо зналъ все вліяніе, которое имѣла Іоанна на войско, и онъ не хотѣлъ ее отпустить. Онъ осыпалъ

ее всевозможными почестями , но она повторяла, что призваніе ее уже кончено и что ей надо возвратиться къ своимъ полямъ.

Съ этой поры она совершенно измѣнилась. Прежде она хотѣла всѣмъ управлять, сама повелѣвала въ военномъ совѣтѣ и всегда настаивала на своемъ рѣшеніи; теперь она во всемъ уступала королю и начальникамъ войска. Около двухъ мѣсяцевъ прошло безъ всякой значительной битвы. Однако многіе города сдались королю. Наконецъ, войско осадило Парижъ 7 Октября; Іоанна не хотѣла участвовать въ осадѣ, но король ее упросилъ; она не могла противиться его волѣ, и снова явилась впереди войска. Она ударила на первую заставу, зажгла ее и взошла съ своимъ отрядомъ на городской валъ. Непріятель не выступалъ ; Іоанна рѣшилась идти впередъ , велѣла засыпать рвы и наблюдала за

работою. Между тѣмъ тысячи непріятельскихъ стрѣлъ начали осыпать ее. Ея знаменосецъ упалъ смертельно раненый; ей самой стрѣла пронзила ногу. Несмотря на это, Іоанна не оставляла приступа. Настала ночь и уже отданъ былъ арміи приказъ отступить къ Сень-Дени, но Іоанна все еще оставалась на приступѣ, и только именемъ короля наконецъ могли ее отозвать. Въ этотъ день уныніе запало въ душу Дѣвы; она одна исполнила свой долгъ; другіе военачальники дурно дѣйствовали; многіе не хотѣли сражаться; несогласіе господствовало въ совѣтѣ; и наконецъ рѣшились отступить къ Лоарѣ.

Съ этимъ отступленіемъ Іоанна упала совсѣмъ духомъ. Она умоляла короля позволить ей возвратиться въ свою хижину, уговаривала также короля примириться съ герцогомъ Бургундскимъ. Просьбы ея были настоятельныѣе, нежели когда

либо, но все было напрасно. Надъ гробомъ Св. Дениса, она повѣсила свое бѣлое вооруженіе и мечъ, который при осадѣ Парижа отняла у Англичанъ, потому что наканунѣ сломила свой прежній мечъ съ пятью крестами, привезенный изъ Фьербоа.

Въ награду за ея подвиги, король далъ ей и братьямъ ея дворянскую грамоту, и слѣдующій гербъ: въ голубомъ полѣ серебряный мечъ, поддерживающій остриемъ корону и окруженный съ двухъ сторонъ лиліями. Въ этой грамотѣ король, вмѣсто фамильнаго имени д'Аркъ, далъ ей имя Ли (Лилія). Ей составили блестящій дворъ изъ благородныхъ дѣвицъ, оруженосцевъ, пажей, и проч. Но эти почести мало радовали ее и не увеличили ея славы. Дворянское имя ея Ли давно забыто, и только имя, прославленное ея подвигами, сохраняется въ благодарной памяти народа и потомства.

Іоанна рѣшилась, наконецъ, жить и умереть, служа своему королю и не думая болѣе о возвращеніи къ своимъ стадамъ.

Король хотѣлъ овладѣть берегами Лоары; для этого собрали армію въ Буржъ и начальниками назначили Іоанну и сира д'Албрета. Здѣсь она покрыла себя новыми блестящими подвигами: взяла Сень-Пьеръ ле-Мотье, небольшой городъ на берегу Лоары. Потомъ, узнавши что герцогъ Бургундскій атаковалъ Компіенъ, она поспѣшила на помощь осажденнымъ и тотчасъ по прибытіи въ городъ, 23 Мая 1430 года, съ небольшимъ отрядомъ храбрыхъ ударила на непріятелей въ его укрѣпленіяхъ.

Первый натискъ былъ такъ силенъ, что Бургундцы, не ожидавшіе нападенія, разбиты были совершенно; но къ нимъ подоспѣла помощь, и битва возгорѣлась снова. Іоанна дѣлала чудеса

храбрости; два раза она опрокидывала непріятеля и два раза снова они давали отпоръ ей; число ихъ все увеличивалось. Наконецъ, Іоанна должна была рѣшиться на отступленіе, она отступала послѣдняя. Осаждаемые поспѣшили запереть городскія ворота, прежде нежели Іоанна успѣла войти въ городъ; тогда Бургундцы бросились на нее съ яростію: они узнали ее по одеждѣ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, она защищалась долго съ чудесною храбростію и, казалось, уже успѣла отбиться, когда одинъ Пикардійскій стрѣлокъ схватилъ ее за платье и опрокинулъ съ лошади. Она защищалась еще нѣсколько времени, но, выбившись изъ силъ и увидавъ герцога Вандомскаго, гордо встала и сдалась ему. Ее тотчасъ отвели къ Люксембургъ-Линьи. Радость непріятеля доказываетъ, какъ страшна была для нихъ Іоанна д'Аркъ. Извѣстіе объ этомъ тотчасъ разнеслось повсюду,

и въ Парижѣ, находившемся тогда въ рукахъ Англичанъ, въ церкви Парижской Богоматери пѣли благодарственные молебны;—городъ былъ иллюминированъ.

М....

РУКОПИСЬ

МАВРИТАНСКАГО ДОКТОРА

ПОВѢСТЬ.

Нѣкоторый путешественникъ рассказываетъ, что въ Испанскихъ посадахъ, или постоялыхъ дворахъ, хозяинъ снабжаетъ путешественника на цѣлую ночь дымомъ и всякими мелкими безпокойными насѣкомыми; а другой утверждаетъ, что въ этихъ постоялыхъ домахъ не хозяинъ кормитъ своихъ постояльцевъ, но постояльцы обязаны кормить хозяина; напослѣдокъ, одинъ современный писатель, Французъ, недавно напечаталъ, что, кто желаетъ путешество-

вать по восточной сторонѣ полуострова, не худо сдѣлаетъ, если возьметъ съ собою постель, потому что въ посадахъ простыни всегда бываютъ пришиты къ тюфякамъ, набитымъ неперемытою овечьей шерстью, испускающею изъ себя жиръ, и перемѣняются только одинъ разъ въ годъ, весною.

Всѣ эти наблюденія требуютъ впрочемъ подтвержденія въ настоящее время. Посады, говорятъ, много улучшились въ сравненіи съ тѣмъ, каковы онѣ были за два вѣка передъ симъ. Тогда ихъ не посѣщалъ никто, кромѣ погонщиковъ лошаковъ, находившихъ тамъ всегда довольно соломы для себя и своей скотины. Въ лучшемъ изъ такихъ посадовъ, кромѣ конюшни и общей комнаты, можно было также найти чердакъ, разгороженный на нѣсколько чулановъ, называемыхъ горницами; туда взлезали по лестницѣ *стреманкѣ*.

Въ одну изъ такихъ горницъ вошелъ

докторъ Хозе Фуезъ Алканзарскій; онъ только что получилъ докторскій дипломъ въ Саламанкѣ, и, какъ природный Астуриецъ, былъ гидальго; но не имѣлъ никакой другой собственности, кромѣ той одежды, которая была на плечахъ его, двадцати реаловъ (*) въ карманѣ и высокаго мнѣнія о великихъ своихъ достоинствахъ. Хотя ему было только около тридцати лѣтъ, но онъ уже испробовалъ, безуспѣшно, многія средства для пріобрѣтенія богатства, которое, по мнѣнію его, было бы столь же пригодно ему, какъ и многимъ другимъ. Теперь докторъ Хозе шелъ изъ Леона, въ надеждѣ, что графъ донъ Алонзо де Мендозо, обладающій огромнымъ помѣстьемъ между Торро и Заморы, употребитъ его по дѣламъ своимъ. Къ несчастію, съ первыхъ словъ хозяина, онъ узналъ о смерти графа Мендозо. Въ эту

(*) Около пяти рублей ассигнаціями.

самую минуту начинается наша повесть.

— Донъ Алонзо умеръ, повторялъ докторъ Хозе, съ горестнымъ удивленіемъ.

— И схороненъ уже! отвѣчалъ хозяинъ посада. И какія великолѣпныя похороны! Надобно сказать правду: все было, какъ прилично знатному господину.

— Кто же теперь въ замкъ? Кому досталось это наслѣдство?

— У него былъ одинъ только наслѣдникъ, родной племянникъ, который поручилъ своему повѣренному, Перезу Каваллосу, продать это имѣніе съ публичнаго торга. Вѣроятно, завтра оно достанется новому владѣльцу.

Хозе подумалъ, что и новому владѣльцу также нужны смысленные люди для управленія столь огромнымъ помѣстьемъ, и рѣшился предложить ему свои услуги. Подумавъ нѣсколько, онъ сказалъ хозяину, что будетъ ожидать у

него, въ посадѣ, того времени, когда новый владѣлецъ вступить въ свои права.

Хозяинъ одобрилъ это намѣреніе, говоря, что онъ нигдѣ не найдетъ лучшей квартиры и лучшаго стола, въ доказательство чего, сталъ показывать всѣ удобства такъ называемой горницы.

Воздухъ въ ней былъ очень чистъ, ибо въ рамѣ единственнаго окна, состоявшаго изъ четырехъ стеколъ, было разбито три. Можно было смотрѣть на небо, потому что рама была вставлена на самомъ верху крыши. Убранство горницы состояло изъ кровати, на которой была постлана солома, изъ хромой скамьи и шаткаго стола. — Углы подъ наклономъ кровли, говорилъ хозяинъ, могутъ, съ большимъ удобствомъ, замѣнить шкапы и ящики; они очень пригодны для всякой поклажи.

Но большая часть этихъ угловъ бы-

ли набиты грязными тряпичами, глиняной посудой, стеклянками, и, что очень удивило доктора Хозе, книгами и бумагами. Хозяинъ сказалъ ему, что все это оставлено здѣсь однимъ старымъ докторомъ, проводшимъ нѣсколько мѣсяцовъ въ этой горницѣ и занимавшимся учениемъ, изысканіемъ разныхъ растений, передвоеніемъ ихъ, и писавшимъ очень много. По всѣмъ примѣтамъ должно было заключить, что этотъ ученый былъ Мавръ, а какъ повелѣніе королевское изгоняло изъ Испаніи все это враждебное поколѣніе, то и докторъ поспѣшилъ убраться, оставя у меня все свое имѣніе; то есть: горшки, стеклянки, книги и бумаги.

Оставшись одинъ, Хозе Фуезъ Алкантарскій размышлялъ о всѣхъ испытанныхъ имъ непріятностяхъ и неудачахъ. — Я испробовалъ все, думалъ онъ; но всегда надежды мои были обмануты и я всегда былъ игралищемъ случая.

Счастливъ, кто можетъ управлять обстоятельствами и располагать жизнью по собственному произволу, не бывъ въ зависимости отъ людей и случая!

Такія размышленія наводили на него несносную тоску; чтобы разсѣяться, онъ развернулъ одну изъ книгъ, оставленныхъ Мавританскимъ докторомъ. Это было краткое изложеніе системы міра, написанное по Латынѣ. Прочитавъ нѣсколько страницъ, Хозе взялъ другую книгу; это былъ трактатъ о таинственныхъ наукахъ; онъ взялъ третью — и она относилась къ тому же предмету.

Выборъ книгъ ясно доказывалъ, что старый Мавръ былъ или алхимистъ, или, можетъ статься, даже и чернокнижникъ; ибо, въ то время, нерѣдко случалось, особливо въ Испаніи, встрѣчать людей, изучившихъ средство покорять своей власти невидимыя силы.

Любопытство Хозе Фуеза было возбуждено до высочайшей степени; онъ

принялся пересматривать рукописи : во многихъ не было ничего, кромѣ общихъ указаній о средствахъ расплавлять и обрабатывать металлы; наконецъ, между кучею бумагъ, онъ увидѣлъ свинцовый футляръ, въ которомъ былъ свертокъ пергамена. Прочтя первыя строки, онъ былъ пораженъ удивленіемъ : тутъ заключались наставленія для произведенія многихъ чудесъ, на примѣръ : дѣлаться невидимымъ ; по произволу принимать на себя различные виды ; пробѣгать, въ одно мгновеніе ока, величайшія пространства, наконецъ, Хозе дошелъ до слѣдующаго параграфа :

Средство содѣлать желанія свои непремѣннымъ закономъ и исполнить ихъ въ одну минуту.

Молодой докторъ запрыгалъ отъ радости.

— Вотъ все, что мнѣ нужно! воскликнулъ онъ. Если только желанія мои

могутъ сдѣлаться непремѣннымъ закономъ, то это будетъ для меня верхъ земнаго блаженства! Но прежде посмотримъ, возможно ли его достигнуть, не погубя души.

Онъ прочиталъ рукопись и въ предписаніи не нашелъ ничего, противнаго вѣрѣ. Стоило только, лежа спать, прочитать нѣкоторыя молитвы и выпить жидкость, содержащуюся въ маленькой стекляночкѣ, которая найдется на днѣ свинцоваго футляра.

Хозе досталъ стекляночку, откупорилъ ее и увидѣлъ нѣсколько капель черной жидкости, очень благовонной. Сначала онъ колебался, не потому, чтобы сомнѣвался въ дѣйствительности напитка, но потому что боялся какою либо ошибкою сдѣлать его недѣйствительнымъ. Онъ еще разъ перечиталъ предписаніе и увидалъ нѣкоторое прибавленіе, котораго прежде не замѣтилъ; вотъ его содержаніе: «*безсиліе наше есть за-*

щита отъ собственнаго нашего безумія, поставленная благостію Провидѣнія. »

Хорошо! пробормоталъ Хозе, видно старый докторъ, подобно всѣмъ старикамъ, любилъ влетать во все самыя пошлыя нравственные поученія. Но теперь мнѣ не до того. Я попытаю лучше воспользоваться его предписаніемъ.

Сказавъ это, онъ прочиталъ предписанныя молитвы, легъ въ постель, выпилъ до послѣдней капли всю жидкость изъ стеклянки и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Хозе проснулся, когда уже дневный свѣтъ сталъ проникать въ его окно; онъ съ усиленіемъ приподнялся и долго не могъ опомниться: наконецъ, мысли его прояснились. Взглянувъ на свертокъ пергамѣна и на пустую стеклянку, онъ вспомнилъ о вчерашнемъ; но не замѣтя никакой перемѣны ни въ себѣ,

ни вокругъ себя, онъ подумалъ, что предписаніе Мавританскаго доктора не удачно.

— Вотъ еще одна мечта, одна уничтоженная надежда! сказалъ онъ, вздохнувъ. Я проснулся въ томъ же чердакѣ, съ тою же единственною одеждою, съ тѣмъ же тощимъ кошелькомъ! Одному только Богу извѣстно, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы онъ наполнился, когда я засыпалъ....

Говоря такимъ образомъ, онъ глядѣлъ на свой кожаный кошелекъ, прицѣпленный къ одному изъ бревенъ, составлявшихъ кровлю, и увидѣлъ, что онъ началъ раздуваться; наконецъ, до того надулся, что нѣсколько раскрылся, и въ срединѣ его виднѣлись золотые ефимки.

Хозе, торопливо, вскочилъ съ постели, протеръ глаза, схватилъ свой кошелекъ и высыпалъ деньги на постель. . . . Все одно золото! И сколько золота! У него никогда не бывало столько мараведи-

совъ , сколько теперь, предъ глазами его, лежало золотыхъ ефимковъ. Предписаніе Мавра оказалось дѣйствительнымъ. Желанія его исполняются.

Ему захотѣлось повторить опытъ, и онъ пожелалъ, чтобы чердакъ его обратился въ богато-убранный покой ; чтобы поношенная его одежда обратилась въ щегольское черное бархатное платье, подбитое малиновымъ атласомъ — и все дѣлалось, какъ онъ того желалъ. Онъ потребовалъ роскошнаго завтрака , а для прислуги четырехъ маленькихъ негровъ, въ красныхъ платьяхъ. — Явился столъ со вкуснымъ завтракомъ, и маленькіе негры, въ красныхъ платьяхъ , принесли ему шоколадъ, бисквиты и вина. Онъ еще нѣсколько времени испытывалъ силу своихъ желаній, и убѣдясь, наконецъ, что они сдѣлались непремѣннымъ закономъ, онъ выбѣжалъ изъ посады, съ восторгомъ, какого невозможно описать.

Итакъ, благодаря этому свертку пергамена, онъ сдѣлался богаче всѣхъ богачей, сильнѣе всѣхъ сильныхъ земли! Ему было возможно все. Какой великій смыслъ заключается въ этихъ словахъ! Повторяя ихъ, Хозе чувствовалъ самъ къ себѣ глубочайшее уваженіе. Что значили, въ сравненіи съ нимъ, всѣ короли, императоры и даже самъ папа? Всѣ они связаны приличіями, законами невозможности, — а его власти не было никакой преграды! Какое счастье, что пергамень Мавританскаго доктора не попался въ руки какого-либо безразсуднаго, алчнаго невѣжды, котораго могли бы увлекать злыя склонности! Но просвѣщенный гидальго, мужъ ученый, получившій докторскій дипломъ отъ Саламанкскаго университета, онъ, *донъ* Хозе Фуезъ Алкантарскій (нашъ герой уже прибавилъ къ своему имени почетное титло *донъ*), не можетъ обнаружить никакого вреднаго, неблаго-

разумнаго желанія. Человѣчество могло быть совершенно спокойно. Онъ не употребить во зло своей неограниченной власти. Онъ по справедливости награжденъ столь высокимъ даромъ, и конечно поведеніемъ своимъ оправдаетъ выборъ Провидѣнія.

На этотъ разъ, донъ Хозе вознамѣрился прекратить свои опыты и умѣрить честолюбіе. Другой, на его мѣсть, пожалуй, пожелалъ бы еще царской власти, захотѣлъ бы имѣть дворецъ, придворныхъ, войско. Но донъ Хозе не любилъ пышности. Онъ подумалъ, что съ него довольно будетъ и того, если онъ купитъ помѣстье покойнаго дона Алонзо Мендозо, будетъ получать нѣсколько милліоновъ дохода, пріобрѣтетъ графское достоинство и титулъ графа Испанскаго. Онъ былъ человѣкъ скромный въ своихъ желаніяхъ, истинный мудрецъ.

Не откладывая долѣе, онъ пошелъ въ

деревню Арджеллесъ, гдѣ должна была совершиться продажа замка.

Дорога, по которой онъ шелъ, вела также и въ городъ Торро; она была покрыта народомъ, спѣвающимъ на ярмарку; туда шли поселянки, погонщики лошаковъ и торговцы. Донъ Хозе посматривалъ то вправо, то влево, и производилъ мелочныя опыты своей власти. Смотри на проворную, веселую молодую дѣвушку, онъ жѣлалъ ей пріятной встрѣчи; усталому старику,—мѣста на какой либо повозкѣ; бѣдному нищему—золотой монеты, которая блеснула бы ему въ глаза, лежа на дорожной пыли — и немедленно все дѣлалось по его желанію. Изъ ангела-помощника, донъ Хозе сдѣлался архангеломъ-карателемъ. Сперва онъ награждалъ, потомъ захотѣлъ и наказывать. Сильный порывъ вѣтра срывалъ съ головы военнаго франта надѣтую на одно ухо шляпу, и уносилъ ее въ рѣку; мулы разбѣгались

отъ жестокосердаго хозяина, безпощадно надѣлявшаго ихъ ударами плети; колесо ломалось въ *титоладосъ*, изъ котораго проѣзжающіе съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣли на пѣшеходцевъ, покрывая ихъ пылью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ донъ Хозе руководствовался первымъ впечатлѣніемъ, одѣлая наградами и наказаніями смотря по наружности, безъ дальняго разбирательства; онъ дѣйствовалъ по вдохновенію.

Вдругъ предсталъ глазамъ его замокъ Мендозо. Величественный лѣсъ росъ по сторонамъ дороги; донъ Хозе вошелъ въ него, чтобы укрыться отъ лучей палящаго солнца. Онъ поворотилъ по извѣстной ему дорогѣ, которая вела также и въ деревню.

Тогда была самая прекрасная лѣтняя погода; цвѣты благоухали и птицы, порхая по вѣтвямъ деревъ, оглашали воздухъ пѣніемъ. Тамъ и сямъ виднѣлись шалаши, въ которыхъ дровосѣки

выдѣлывали разную домашнюю утварь изъ срубленныхъ деревь, но самую простую, грубую. Донъ Хозе подумаль, что когда кушть помѣстье, то, конечно, усовершенствуетъ эти издѣлія и лучше будетъ сберегать лѣса свои. Онъ даже вынулъ свою записную книжку и начертилъ карандашемъ планъ для дома лѣснаго сторожа. Этотъ домъ долженъ былъ соединять всѣ удобства внутренняго расположенія съ живописною наружностью. Пришедъ въ луга, онъ нашель, что они не имѣютъ достаточной влажности, и рѣшился провести въ нихъ каналами воду изъ рѣки. Что касается до виноградниковъ, то онъ былъ ими доволенъ. Глядя на нихъ, онъ припоминалъ многія мѣста изъ Горація или Виргилія; потомъ, ученый докторъ старался угадать, какое вино было прежде выдумано Бахусомъ: красное, или бѣлое? — Посмотрѣвъ на нивы, онъ рѣшилъ, что ихъ лучше будетъ обратить

въ пастбища , а для сѣянiя хлѣба — раскопать свѣжей земли , поросшей мелкимъ кустарникомъ.

Занимаясь такимъ образомъ своими хозяйственными распоряженiями , вдругъ услыхалъ онъ близъ себя голосъ , очень грубо спрашивающiй : кто позволилъ ему расхаживать по владѣнiямъ графа Мендоза ?

Оборотясь , донъ Хозе увидѣлъ молодого человѣка , котораго одежда показывала знатность и богатство. Онъ ѣхалъ верхомъ на прекрасномъ Андалузскомъ конѣ , великолѣпно убранномъ.

Вмѣсто отвѣта , донъ Хозе пристально разсматривалъ молодого человѣка , который , съ величайшею досадою , повторилъ свой вопросъ. Саламанкскiй докторъ улыбнулся и , съ видомъ снисхожденiя , свойственнымъ могуществу , отвѣчалъ , также вопросомъ :

— Развѣ нужно позволенiе , чтобы о-

смаатривать продажное имѣніе, въ которомъ нѣтъ хозяина ?

— А кто сказалъ тебѣ , что здѣсь нѣтъ хозяина ?—возразилъ всадникъ.

— Тотъ же самый человѣкъ, отъ котораго я узналъ, что Перезу Каваллосу поручено продавать это имѣніе съ публичнаго торга, и что продажа должна совершиться нынче.

— А ! такъ ты, конечно, попушчикъ ?

— Да, я хочу купить это имѣніе !

— Но знаешь ли ты его цѣну ?

— Нѣтъ еще , но скоро все узнаю.

— Оно оцѣнено въ четыреста тысячъ золотыхъ ефимковъ.

— Это не дорого. Имѣніе прекрасное и стоитъ больше !

Всадникъ захохоталъ.

— Вотъ еще какой тороватый попушчикъ !—воскликнулъ онъ насмѣшливо, а между тѣмъ такъ скромно изволить разгуливать пѣшкомъ !

— Я люблю ходить пѣшкомъ!—отвѣчалъ донъ Хозе съ добродушіемъ царскимъ.

— Вы слишкомъ скромны, милостивый государь!—сказалъ молодой человекъ;—вамъ было бы гораздо приличнѣе ѣхать верхомъ, напримѣръ, хоть бы на моемъ конѣ!

— Вы такъ думаете!—спросилъ донъ Хозе, въ умѣ котораго блеснула новая мысль.

— Не только думаю, но я готовъ броситься на землю, чтобы уступить вамъ моего коня!—продолжалъ молодой человекъ, насмѣхаясь.

— Я охотно исполню ваше желаніе!—возразилъ докторъ:—я желаю, чтобы вы спѣшились!—Въ ту же минуту гнѣдой конь взвился на дыбы и сбросилъ своего сѣдока на траву.

Молодой человекъ вскочилъ и, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, вскричалъ: вы, сударь, испугали мою лошадь!

— Я только помогъ вамъ исполнить ваше намѣреніе!—отвѣчалъ донъ Хозе, собирая поводъ и готовясь сѣсть на лошадь.

Молодой человѣкъ бросился на него съ поднятымъ хлыстомъ: стой, дерзкій!—вскричалъ онъ,—или я раскрою тебѣ рожу!

Донъ Хозе покраснѣлъ: вы забываетесь, государь мой!—сказалъ онъ съ гордостью.—Я гидальго и подобно вамъ ношу шпагу!

— Посмотримъ, умѣешь ли ты владѣть ею!—возразилъ молодой человѣкъ, вынимая изъ ноженъ свою шпагу и приближась къ доктору.

Во всякомъ другомъ случаѣ донъ Хозе, конечно, миролюбиво кончилъ бы это дѣло; но теперь, дерзость молодаго человѣка разстроила его желчь, и увѣренность въ собственной безопасности придавала ему необыкновенное мужество. Сверхъ того, ему казалось необ-

ходимо — нужнымъ проучить немного своего противника, и онъ *пожелалъ* ему рану неопасную, но такую, которая дала бы ему время хорошенько образумиться и размыслить о всѣхъ неудобствахъ излишней запальчивости. Это человеколюбивое желаніе исполнилось немедленно: молодой незнакомецъ выронилъ шпагу, испустивъ вопль бѣшенства. Донъ Хозе зналъ, что рана его была неопасна, слѣдовательно ни сколько объ немъ не позаботился, и, желая чтобы этотъ урокъ хорошенько подѣйствовалъ, продолжалъ до конца разыгрывать начатую комедію; онъ съ важностью извинился передъ незнакомцемъ и увѣрилъ его, что съ своей стороны не питаетъ противъ него ни малѣйшаго неудовольствія, въ доказательство чего и пользуется его обязательнымъ предложеніемъ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на гнѣдаго коня, учтиво поклонился незнакомцу и уискалъ.

Это произшествіе прибавило еще нѣ-
 сколько тщеславія и самонадѣянности
 къ тому высокому мнѣнію, которое донъ
 Хозе Фуезъ Алкантарскій и безъ того
 уже имѣлъ о своей особѣ. Ну, шутка
 ли одурачить и ранить знатнаго госпо-
 дина! — Докторъ былъ очень доволенъ
 своимъ умомъ, храбростью и ловкостью.
 Онъ такъ ознакомился съ мыслию о сво-
 емъ всемогуществѣ, что даже пересталъ
 и дивиться ему. Онъ не понималъ, какъ
 возможно было противиться ему; всякое
 сопротивленіе уже казалось ему возмуще-
 ніемъ противъ законныхъ правъ его. Про-
 ѣзжая чрезъ деревню, онъ едва не убилъ
 до смерти одного погонщика лошаковъ
 за то, что онъ не скоро посторонился
 съ дороги. Инстинктъ властолюбія бы-
 стро возрасталъ въ душѣ его.

Донъ Хозе пріѣхалъ къ тому повѣрен-
 ному, которому была поручена продажа
 замка. Онъ явился не какъ покупатель,
 желавшій освѣдомиться о цѣнѣ помѣ-

ствя и всѣхъ условіяхъ продажи, но какъ хозяинъ, вступающій во владѣніе своей собственности. Къ несчастію, Перезъ объявилъ ему, что замокъ Мендозо ужъ болѣе не продается.

Можно себѣ представить, какъ была непріятна доктору такая новость. Онъ придумалъ столько перемѣнъ въ этомъ имѣніи, столько улучшеній — и все напрасно. Неужели ему, *чьи желанія должны быть непремѣннымъ закономъ*, остаться при однихъ мечтахъ?—Нѣтъ! Это невозможно! Одна мысль о такомъ сопротивленіи его власти бѣсила его, и онъ спросилъ у повѣреннаго съ величайшею досадою: почему раздумали продавать замокъ?

— Донъ Генрикесъ, племянникъ покойнаго графа,—отвѣчалъ повѣренный,—получилъ еще два наслѣдства; состояніе его такъ поправилось, что онъ намѣренъ и этотъ замокъ оставить за собою

— Но если бы ему предложили очень высокую цѣну?... спросилъ донъ Хозе.

— Онъ бы не принялъ ея.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Увѣренъ, потому что слышалъ это нынче по утру отъ самого дона Генрикеса.

— Развѣ онъ здѣсь?

— Онъ недавно отъ меня уѣхалъ въ замокъ, верхомъ.

Донъ Хозе догадался, что встрѣтившійся съ нимъ незнакомецъ былъ никто иной, какъ самъ донъ Генрикесъ, и не могъ воздержаться, чтобы не обнаружить своей досады. Повѣренный сказалъ, что молодой графъ желаетъ сохранить замокъ еще болѣе для того, что намѣренъ здѣсь охотиться будущею осенью.

Донъ Хозе подумалъ: мнѣ бы надобно было ранить его покрѣпче, чтобы отнять всякое желаніе охотиться! Это

сказаль онъ про себя, а вслухъ прибавилъ: такой ничтожной причины недостаточно, чтобы отвергать тѣ выгодныя предложенія, какія могутъ ему сдѣлать.

— Конечно!—сказаль повѣренный;—но сверхъ того, это помѣстье ему очень нравится! Да, сказать правду, оно соединяетъ всѣ возможные выгоды! Начать съ того, что мѣстоположеніе прекрасное!...

— Знаю, знаю!—воскликнулъ донъ Хозе, съ досадою.

— Лѣса, поля, сады... продолжалъ повѣренный.

— Я видѣлъ все это!—прервалъ докторъ, въ сердцѣ котораго желаніе обладать помѣстьемъ усиливалось съ каждымъ словомъ разскащика.

— Но, говорилъ Перезъ, чего, конечно, вы не знаете, это внутренность замка! Вы вѣрно не видали его съ тѣхъ поръ, какъ покойный графъ его пере-

дѣлалъ? Тутъ есть прекраснѣйшая картинная галлерей, въ которой собраны произведенія всѣхъ лучшихъ нашихъ живописцевъ.

— А я такъ люблю картины! — воскликнулъ донъ Хозе. — Я обожаю ихъ, хотя и предпочитаю имъ статуи.

— Статуи! Замокъ весь набить статуями, да еще прекраснѣйшими!

— Возможно ли?

— Не говорю уже о библіотекъ!...

— Какъ! Есть также и библіотека? — вскричалъ докторъ.

— Да еще какая! Пятьдесятъ тысячъ томовъ!

Отчаяніе овладѣло душою дона Хозе

— И такое сокровище погибнетъ! — сказалъ онъ съ горестью. — Это вмѣстѣ лище наукъ достанется невѣждѣ! Донъ Генрикесъ долженъ быть невѣжда; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!

Повѣренный пожалъ плечами и, понизивъ голосъ, сказалъ: вы, сеньоръ, ко-

нечно, знаете, каковы бываютъ обыкновенно знатные, богатые молодые люди, страстно любящіе забавы.

— Такъ! Я напередъ зналъ это! — прервалъ донъ Хозе. — И, вѣрно, этотъ Генрикесъ повѣса?

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ! Въ немъ есть очень много добраго! Жаль только одного: онъ чрезвычайно вспыльчивъ и отъ этого подвергаетъ себя безпрестаннымъ дуэлямъ.

— Точно такъ! Забіяка, дуэлистъ! — сказалъ докторъ вслухъ, а про себя прибавилъ: мнѣ бы должно было лишить его употребленія той руки, которая держитъ шпагу, чтобы прекратить эти безпрестанныя дуэли; съ моей стороны это было бы справедливо.

— Время исправить его отъ запальчивости, — прервалъ Перезъ, — надѣюсь, также и отъ расточительности! Не смотря на такое огромное богатство, у мо-

лодаго графа никогда не бываетъ денегъ, и теперь онъ приказалъ взыскать недоимку со всѣхъ арендаторовъ, не доплатившихъ покойному его дядѣ.

— Чтожь, собрали ль вы недоимку?

— Собралъ, но съ великимъ затрудненіемъ! Люди такъ бѣдны отъ прошлогодняго неурожая.

— Ужь это совсѣмъ безчеловѣчно! — вскричалъ донъ Хозе съ искреннимъ сожалѣніемъ. — Ну, возможно ли, не стыдно ли ему притѣснять бѣдныхъ людей, которые и безъ того уже терпятъ во всемъ недостатокъ! И кто же притѣсняетъ ихъ?... Человѣкъ, у котораго доходы царскіе, прекрасный замокъ, картинная галлерей, множество статуй и библіотека, состоящая изъ пятидесяти тысячъ томовъ! Это истинный извергъ! Для пользы человѣчества должно пожелать, чтобы свѣтъ былъ отъ него скорѣе избавленъ....

Едва успѣлъ онъ договорить послѣд-

нія слова, какъ на лѣстницѣ слышались шумъ и нѣсколько голосовъ. Скоро послѣ того вбѣжалъ въ горницу испуганный слуга.

— Что случилось такое? — спросилъ встревоженный Перезъ.

— Бѣда, ужасная бѣда! — вскричалъ слуга. — Донъ Генрикесъ выходилъ на дуэль.

— Какъ? Опять!

— И его ранили.

— Чтожь, опасна рана?

— Нѣтъ, рана была очень легкая; но онъ погнался было за своимъ противникомъ, ускакавшимъ на его лошади, упалъ и такъ больно зашибъ раненую руку, что съ нимъ сдѣлался обморокъ, среди большой дороги.

— Ну, говори скорѣй! Что жь далѣе? Конечно его подняли?

— Погонщикъ, ѣхавшій на лошакахъ, не замѣтилъ его, наѣхалъ на графа,

раздробилъ ему [больную] руку, и эта ужасная боль привела его въ чувство.

— Великій Боже, какой ужасъ!

— Его подняли и принесли сюда.

— Ну, слава Богу! такъ онъ будетъ спасенъ!

— Но это еще не все! Сейчасъ, когда онъ проходилъ по двору мимо подмостковъ, на которыхъ работаютъ каменщики, съ верху сорвался камень и убилъ его до смерти.

Донъ Хозе вскрикнулъ; ужасный свѣтъ озарилъ его. Все это несчастіе было устроено имъ самимъ. Онъ пожелалъ дону Генрикесу, сначала, такую рану, которая помѣшала бы ему ѣздить на охоту; потомъ, желалъ, чтобы онъ лишился употребленія той руки, которая такъ часто обнажаетъ свою шпагу; наконецъ, для пользы человѣчества, пожелалъ ему смерти; — всѣ эти три бѣды послѣдовали одна за другою! Итакъ, измучивъ, изувѣчивъ молодого графа,

онъ убилъ его! Эта мысль терзала его сердце; онъ никакъ не могъ устранить ея.—Двери отворились, и четыре человека внесли окровавленный трупъ молодаго графа.

Донъ Хозе не могъ вынести этого страшнаго зрѣлища; онъ почувствовалъ сильное потрясеніе во всемъ тѣлѣ; все исчезло въ глазахъ его...

И онъ увидалъ себя опять въ томъ же чердакѣ, на той же соломенной постелѣ. Начинало разсвѣтать, и первые лучи дня освѣщали его окно.

Радостное чувство наполнило сердце доктора, освободившагося отъ такой ужасной мечты. Онъ понялъ, что принятый имъ напитокъ былъ усыпительный; что онъ, разгоряча его мысленныя способности, представилъ ему во снѣ то, что такъ сильно занимало его воображеніе на яву.

Донъ Хозе долго сидѣлъ, погружаясь

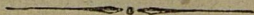
въ размышленія ; потомъ, взявъ свертокъ пергамена, снова перечиталъ рукопись и остановился на припискѣ, которую нѣсколько разъ повторилъ съ особеннымъ вниманіемъ.

— Вотъ урокъ, которымъ я воспользуюсь !—сказалъ онъ.— Я, думалъ, что возможность исполнять всѣ мои желанія доставить мнѣ счастье, не помышляя о томъ, что если воля человѣческой нѣтъ никакой преграды, то она отъ гордости перейдетъ къ безразсудству, отъ безразсудства къ тиранству, а отъ тиранства къ совершенному жестокосердію. Мавританскій докторъ совершенно правъ: *безсиліе наше есть защита отъ собственнаго нашего безумія, поставленная благостію Провидѣнія.*

Этотъ сонъ не остался бесполезнымъ для дона Хозе, который опять сдѣлался просто Хозе, безъ прилагательнаго донъ. Впослѣдствіи онъ гораздо терпѣливѣе

переносилъ низкую, скромную свою долю; онъ жилъ и умеръ второстепеннымъ управителемъ того самаго помѣстья, котораго собирался быть господиномъ.

А. Зонтагъ.

СПАССКІЯ ВОРОТА ВЪ МОСКВѢ.

Спасскія ворота (*) въ старину назывались *Фроловскими* и *Флоролаврскими*, отъ бывшей при нихъ церкви Св. Флора и Лавра , потомъ *Іерусалимскими*,

(*) Главное содержаніе этой статьи заимствовано изъ послѣднихъ тетрадей: *Памятниковъ Московской Древности*, И. М. Снегирева, — разумѣется, съ позволенія почтеннаго автора. Желая особенно знакомить молодыхъ читателей съ нашимъ отечествомъ и всеми его священными для каждаго Русскаго памятниками, мы начинаемъ съ святыни Московской, и принуждены будемъ для этого еще не разъ прибѣгать къ драгоцѣнному труду И. М. Снегирева. Отъ Москвы мы перейдемъ къ Кіеву, Владимиру и пр.

отъ церкви Входъ въ Іерусалимъ, и, наконецъ, Спасскими, отъ вратнаго образа. На мѣстѣ ихъ въ Кремникъ, или Кремль меньшаго объема, сооруженномъ Димитріемъ Донскимъ, была Фроловская стрѣльница съ желѣзными воротами, откуда суконникъ Адамъ, при осадѣ Москвы Токтамышемъ, застрѣлилъ его любимаго мурзу. Когда Іоаннъ III предпринялъ сооруженіе новыхъ, болѣе прочныхъ стѣнъ города: тогда вызванный имъ изъ Италіи Миланецъ Петръ Антоній Соларій, въ 1491 году «въ лѣто 30-е государствованія Іоанна», воздвигъ Фроловскую башню съ воротами, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ каменные доски съ Латинскою и Русскою надписями на лицевой и оборотной сторонахъ.

Верхъ башни этой былъ низменный, въ видѣ шатра. — По сказанію одного стариннаго лѣтописца, Іоаннъ III, принявъ въ Московскій гербъ вооруженнаго всадника, велѣлъ поставить его извая-

ніе на возвышенномъ мѣстѣ у Фроловскихъ воротъ, гдѣ В. К. Василій, въ 1527 году, соорудилъ церковь во имя Св. Георгія Побѣдоносца. По указу Царя Михаила Ѳеодоровича, Англичанинъ, часовой мастеръ Христофоръ Головей, въ 1626 году, соорудилъ на этихъ воротахъ пирамидальную башню, донинѣ существующую, и устроилъ на ней часы, вмѣсто *старыхъ боевыхъ* со сче-томъ часовъ отъ восхожденія солнца и обратно. Баронъ Мейербергъ, бывшій посланникомъ Австрійскимъ въ 1661 году, называетъ Спасскіе часы *Московскими*, описывая ихъ слѣдующимъ образомъ: « Часы сіи показываютъ время «отъ восхожденія до заката солнца. «Въ лѣтній солнечный поворотъ, когда «дни бываютъ самые долгіе, а ночь въ «7 часовъ, эта машина показываетъ и «бьетъ 17 часовъ дневныхъ. Утверж- «денное надъ часовою доской неподвиж- «ное изображеніе солнца лучемъ сво-

«имъ показываетъ часы, означенные на часовомъ кругѣ. Это самые большіе часы въ Москвѣ.» Въ 1705 году, Петръ I велѣлъ передѣлать Спасскіе часы, по Нѣмецкому обыкновенію, на двѣнадцать часовъ; они были устроены, по образцу Амстердамскихъ, *съ танцы*. Въ пожарѣ, 1737 г., когда горѣла и Спасская башня, часовая машина была повреждена и возобновлена уже въ царствованіе Елисаветы Петровны. Настоящіе часы башенные, желѣзные, съ огромнымъ мѣднымъ барабаномъ, съ боемъ часовъ, четвертей и курантовъ, или игральною колокольною музыкой, для которой повѣшены тамъ 33 колокола. Механизмъ часовъ помещенъ въ 4-мъ и 5-мъ ярусахъ башни. Спасскіе часы, какъ главные въ городѣ, служатъ доселѣ для повѣрки времени и распредѣленія всѣхъ занятій въ столицѣ. При Фроловскихъ воротахъ издревле состояли особые часовники и воротники;

тамъ же находилась, до XVIII вѣка, *Стрѣлецкая караульня*.

До 1681 года висѣлъ тамъ же, на полубашнѣ стѣнной, Кремлевскій набатный колоколъ, въ который звонили по какому-нибудь чрезвычайному случаю въ городъ, какъ то: при пожарѣ или нападеніи непріятеля. Такой звонъ, обыкновенно частый и неправильный, назывался *всполохомъ*, *набато́мъ*, какъ и доселѣ въ нашихъ селахъ звонятъ въ набатъ во время пожара. Подобные колокола извѣстны были также въ другихъ городахъ Россіи подъ именемъ *вѣчевыхъ* отъ *вѣче*, мѣста, гдѣ народъ собирался во время опасности или въ чрезвычайныхъ случаяхъ для обсужденія общаго дѣла. Такимъ образомъ, колокола, имѣвшіе сначала одно религіозное значеніе, получили въ жизни народной и значеніе гражданское. Кромѣ набатныхъ колоколовъ, въ го-

родахъ находились *осадные*, коими извѣщали горожанъ о приступѣ непріятеля. Такъ Псковичи, въ 1581 году, звонили въ осадной колоколъ при осадѣ Пскова Стефаномъ Баторіемъ. Набатные колокола, обыкновенно, висѣли на башняхъ или стѣнахъ городскихъ, какъ на пр. въ Псковѣ. Недавно еще въ Болховѣ и Мценскѣ сняты вѣчевые или набатные колокола, изъ коихъ послѣдній висѣлъ на вѣчевой башнѣ. Въ Tobольскѣ, между колоколами Спасской церкви на торгу, есть Углицкій набатный колоколъ, коего звукъ извѣстилъ тамошнихъ жителей о убіеніи царевича Димитрія; онъ слыветъ *ссылнымъ*. Въ Москвѣ такіе колокола висѣли не только на Спасской, но и на Тайницкой и Троицкой башняхъ; звономъ своимъ они извѣщали всѣ концы Москвы о какой либо напасти и сзывали ихъ на помощь. Во время бунта Стрѣлецкаго, 1682 года по сказанію очевидца Сильвестра

Медвѣдева, « биша въ колокола набатные по всему Кремлю » По значенію своему, Кремлевскій набатъ былъ большой, ибо были также малые набаты ; главнымъ набатомъ иногда служилъ также большой колоколъ на Ивановской колокольнѣ.

Въ 1658 году, по указу царя Алексія Михайловича, Фроловскія ворота переименованы въ Спасскія , вѣроятно , отъ стоящаго надъ входомъ въ оныя образомъ Спаса Смоленскаго , въ честь котораго существовала, до конца XVIII вѣка, церковь Спаса Смоленскаго у Москворѣцкихъ воротъ, —памятникъ взятія Смоленска.

При возобновленіи Кремлевскихъ стѣнъ, въ царствованіе Іоанна, Петра и Софіи, Спасская башня была поправлена. Она окружена была, въ это время, съ четырехъ сторонъ четырьмя маленькими башенками. Въ воротахъ ея было два щита: одинъ обитый мѣдью, другой —

жельзомъ ; между ними опускались сверху желѣзныя рѣшетки, которыя, передъ 1812 годомъ, были уничтожены; съ обѣихъ сторонъ боковыя ворота вели на валы. — Въ пожаръ 1737 года, Спасскія ворота потерпѣли отъ огня ; но, по указу императрицы Елисаветы Петровны, онѣ возобновлены были вмѣстѣ съ другими Кремлевскими зданіями. Въ началъ царствованія Александра I, придѣланъ къ ихъ входу порталъ съ колоннами Коринѳинскаго ордена и двѣ каменные часовни.

Теперь посмотримъ на Спасскіе ворота въ ихъ настоящемъ видѣ.

Стиль башни обыкновенно называютъ смѣшаннымъ. Первымъ ея архитекторомъ былъ Италіянецъ, а послѣднимъ Англичанинъ. Отъ того въ сооруженіи ея слилось, по видимому, готическое съ Византійскимъ и Мавританскимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Спасская башня пред-

ставляетъ свой особенный художественный типъ, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ этихъ родовъ архитектуры, взятыхъ отдѣльно, — и который принадлежитъ исключительно древнему Русскому зодчеству.

При этомъ скажемъ вообще объ стилѣ нашихъ древнихъ строеній въ отличіе отъ другихъ родовъ архитектуры, съ которыми они часто смѣшиваются.

Художественное произведеніе не можетъ слагаться механически изъ разныхъ родовъ или стилей, — а зодчій такой же художникъ, какъ и поэтъ или живописецъ. Всякій народъ, пока еще имѣетъ опредѣленный характеръ и не измѣнялъ его чуждыми вліяніями, находитъ для своей художественной мысли свои образы и формы, въ которые влагаетъ свое живое чувство. Таковы были всѣ народы міра въ лучшую эпоху своей исторической жизни; — начиная отъ Индіи и Египта, запечатлѣвшихъ

весь страстный характеръ народа и мрачную таинственность своихъ религій въ памятникахъ своего громаднаго зодчества,—и до свѣтлой Эллады, которая своимъ истиннымъ божествомъ признавала одну красоту и дала своему художеству ту стройную гармонію и красоту образовъ,—которые доселѣ остаются для насъ недостигаемыми образцами. Такъ и древняя Россія имѣла свой художественный типъ въ зодчествѣ, ей одной принадлежащій и который она также мало заимствовала отъ Византіи, какъ и отъ искусства западнаго. Стиль нашихъ древнихъ одноголовыхъ и пятиглавыхъ церквей обыкновенно называютъ Византійскимъ, иногда смѣшиваютъ съ готическимъ и т. д., а между тѣмъ церковь, украшенную главою, также мудро было встрѣтить въ прежней Византіи, какъ и доселѣ во всей остальной Европѣ, кромѣ Россіи. Извѣстно, что Московскіе соборы

были построены Итальянскими зодчими, но задолго до нихъ, мы уже знаемъ такіе же соборы, съ тѣмъ же внутреннимъ расположеніемъ и украшенные такими же главами, въ Новгородъ и Владиміръ. Слѣдовательно, Итальянскіе зодчіе приносили съ собою искусство мастераваго и изящество вкуса, воспитаннаго древними образцами, но не свой художественный типъ. Наиболее представляетъ сходства съ зданіями Кремля стиль Венеціанскій; въ немъ также (*)

(*) Это постоянное соединеніе ломаной линіи съ круглою во всѣхъ нашихъ древнихъ памятникахъ, напоминающихъ готическія строенія, составляетъ ихъ рѣзкое отличіе отъ готики, въ которой ломаная арка и ломаная линія основа всего рисунка; тогда какъ ни въ одномъ древнемъ Русскомъ зданіи нельзя встрѣтить ни одной ломаной линіи. Между тѣмъ, нельзя того же сказать о зодчествѣ Венеціанскомъ и строеніяхъ въ сѣверной Италіи, относящихся къ тому же стилю; такъ въ Миланскомъ соборѣ и

ломанья арки и ломанья линіи готики переходять въ круглую арку и окруженные линіи Византійскаго стиля. Особенно церковь Св. Марка въ Венеціи, еще сохранявшей въ то время живую связь съ православною Византіею, — торжественною полнотою своихъ размѣровъ, внутреннимъ расположеніемъ и своими Византійскими мозаиками, невольно переносить въ святыню нашихъ

дворецъ дожей въ Венеціи, мы находимъ, рядомъ съ круглою Византійскою аркою, и ломаную арку готики. — По этому существенному признаку легко всегда отличить новѣйшія пристройки, несвойственныя стилю нашихъ древнихъ зданій, каковы напр. вновь построенная башня на Никольскихъ воротахъ, съ ломаными арками и пр. Этимъ отличается также наше древнее зодчество (въ строеніяхъ этаго разряда, но не соборахъ) и отъ стиля Византійскаго, который строго держался одной круглой арки, и отъ стиля Мавританскаго, легко смѣшиваемаго съ нашимъ, но въ которомъ основною всего рисунка, разрывовъ и украшеній служила форма подковы.

соборовъ. Но ея построеніе почти современно собору Св. Софіи въ Новгородъ, а куполы, напоминающіе наши главы, были окончены гораздо позднѣе, а потому нельзя также выводить зодчество нашихъ соборовъ изъ Венеціи.

Новозвратимся къ Спасскимъ воротамъ.

Толстыя стѣны Спасскихъ воротъ двойныя; между ними находятся корридоры съ каменными и деревянными лѣстницами. На стрѣльчатомъ сводѣ воротъ возвышается стройная башня, которая, постепенно суживаясь къ верху арками, оканчивается осмиграннымъ пирамидальнымъ шпилемъ, который осѣненъ двуглавымъ орломъ.—Всѣхъ ярусовъ башни девять. Сколь простъ нижній ярусъ, столько средній и верхніе пестрятъ разнаго рода украшеніями, арками, рѣзьбою и пр. Верхній ярусъ подъ шпилемъ состоитъ изъ осмигранника, раздѣленнаго двойными колонами. При всемъ пестромъ разнообразіи, зданіе красиво, оригинально и

представляетъ стройную гармонію частей съ цѣлымъ.

Изъ Спасской башни, въ XV вѣкѣ вели въ большой посадъ, нынѣшній Китай городъ, три моста; потомъ, устроень былъ черезъ ровъ каменный мостъ, извѣстный подъ именемъ *Спасскаго*. Когда засыпанъ былъ ровъ, тогда сломанъ и мостъ; на мѣстѣ его сдѣлали мостовую. Въ XVII вѣкѣ, улица отъ Спасскихъ воротъ называлась *казенною*. Смежная съ ними на стѣнѣ красивая башенка на четырехъ столбахъ слыла *царскою*, *сторожевою*, *набатною* и *всполошною*, ибо на ней висѣлъ переполонный колоколь, перелитый, можетъ быть, изъ Новгородскаго вѣчеваго. Преданіе гласитъ, будто царь Θεодоръ Алексѣевичъ, сослалъ его въ Корельскій Николаевскій монастырь, гдѣ погребены дѣти Новгородской посадницы Марфы и гдѣ онъ подлинно находится, какъ

свидѣтельствуютъ о томъ надписи на колоколѣ.

Спасскія ворота замѣчательны не только по своему зодчеству и по другимъ памятникамъ, съ которыми они связаны, но еще болѣе по религіозному историческому и даже юридическому значенію, какое онѣ получили въ народной и государственной жизни. Съ конца XIV по XIX вѣкъ, онѣ не рѣдко бывали свидѣтелями достопамятныхъ событій и чудесъ, коими увѣковѣчилось ихъ существованіе въ исторіи Москвы; въ народномъ вѣрованіи онѣ почитаются священнымъ входомъ богоспасаемаго града. Онѣ ознаменованы разными священными обрядами и святительскими шествіями, также и торжественными входами государей Россійскихъ. Съ древнихъ временъ черезъ нихъ совершаются многіе крестные ходы. Въ крестный ходъ 22 Октября, при патріархахъ, іерархъ, освятивъ воду на Спас-

ской башнѣ, шелъ оттуда по городскимъ стѣнамъ и кропилъ ихъ св. водою. Въ вербное воскресенье, путь черезъ ворота устилаемъ былъ краснымъ сукномъ, а на мосту ставились нарядныя вербы. Здѣсь патріархъ за большимъ вербнымъ деревомъ шествовалъ на ослати къ Лобному мѣсту, останавливался на приготовленномъ ему амвонѣ и, сказавъ передъ вратнымъ образомъ Спасителя краткую литію, троекратно кропилъ врата св. водою. Всероссийскіе митрополиты и патріархи, въ день своего поставленія, обошедъ на ослати вокругъ города, въ сихъ воротахъ читали вратную молитву. Здѣсь Россійскіе государи и святители съ дворомъ и освященнымъ соборомъ торжественно и благоговѣйно принимали чудотворныя иконы Владимірскія Богоматери изъ Владимира, Спаса Вседержителя изъ Новгорода, Св. Николая Гостунскаго и Великорѣцкаго и др.—св. мощи Черниговскихъ чудо-

творцевъ, князя Михаила и его вѣрнаго боярина Θεодора, замученныхъ въ Ордѣ, и Св. Димитрія царевича изъ Углича. Здѣсь же благоговѣнно встрѣчены были царемъ, синклитомъ и народомъ, торжественно перенесенныя изъ Соловецкаго монастыря, мощи Св. Филиппа митрополита, который сперва былъ выгнанъ, по приказанію царя Ивана Васильевича, метлами изъ Успенскаго собора, а потомъ задушенъ въ Отрочъ монастырь, (въ Твер. губ.) — и Іова патріарха изъ Старицы. При встрѣчѣ мощей сего послѣдняго, въ 1652 году, по сказанію самаго царя Алексѣя Михайловича, «весь пожаръ т. е. «Красная площадь(*), занятъ былъ людьми пѣшими, такъ что яблоку негдѣ было упасть.» Спасскія, вмѣстѣ съ другими Кремлевскими воротами, были заперты для народа и отворены только для про-

(*) Такъ она называлась въ то время отъ частыхъ бывшихъ на ней пожарахъ, по причинѣ тѣснаго деревяннаго строенія, коимъ она была застроена.

несенія гроба патріаршаго. При этомъ святитель Іосифъ со слезами сказалъ царю : « Вотъ смотри, государь, каково « хорошо за правду стоять, и по смерти « слава ! »

Издревле ведется обычай снимать шапки и шляпы въ Спасскихъ воротахъ. Народное преданіе гласитъ, будто въ Латинской надписи, выше нами указанной, заключается проклятiе на тѣхъ, которые прѣйдутъ чрезъ сіи врата съ покрытою головой. Начала сему обычаю искать должно въ священномъ значеніи сихъ воротъ, въ уваженіи нашемъ къ иконамъ и наконецъ въ сказаніи о чудесахъ, коими онѣ были ознаменованы.

Съ другой стороны, особенное почитеніе, издревле имъ оказываемое, объясняется, можетъ быть, и тѣмъ, что онѣ служили главнымъ входомъ въ Кремль и къ дворцу великокняжескому отъ Лобнаго мѣста, — мѣста древнихъ народныхъ собраній, и съ ко-

тораго наши Цари бесѣдовали иногда съ народомъ, какъ то дѣлалъ и самъ Иванъ Васильевичъ Грозный. На Красной же площади, по избраніи Михаила Ѳеодоровича, несмѣтныя толпы народа провозгласили въ одинъ голосъ «любъ, любъ намъ!» и потомъ послѣдовали за юнымъ царемъ къ его палатамъ. Такимъ образомъ Спасскіе ворота составляли, какъ бы главное предверіе къ самому дворцу Великокняжескому и потомъ Царскому.

Всѣ такія обстоятельства, взятые вмѣстѣ, послужили основаніемъ доселѣ существующему обычаю, священному для Русскаго народа, и для всѣхъ истинныхъ Русскихъ.

Старинное сказаніе дополняетъ, что за нарушеніе сего обычая, заставляли класть по пятидесяти земныхъ поклоновъ передъ вратнымъ образомъ.

Сверхъ того Спасскія ворота служатъ напоминаніемъ многихъ важныхъ событій.

Здѣсь встрѣченъ былъ священнымъ соборомъ Іоаннъ III, по возвращеніи своемъ изъ покореннаго великаго Новгорода; здѣсь имѣлъ торжественный входъ Іоаннъ IV, послѣ завоеванія Казани. При торжественномъ въѣздѣ Марины Мнишекъ, жены Лжедимитрія, во Фроловскихъ воротахъ раздавались Польская музыка и пѣсни, но едва минуло нѣсколько дней, какъ Василій Шуйскій съ Лобнаго мѣста черезъ Флоровскія ворота вступилъ въ Кремль съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой; въ слѣдъ за тѣмъ проташенъ здѣсь бездыханный и обезображенный трупъ Самозванца на Лобную площадь. Врата сіи были свидѣтелями торжественнаго радостнаго входа юнаго Михаила Ѳеодоровича, котораго народъ Московскій встрѣтилъ, какъ ангела избавителя, послѣ долговременныхъ смутъ и страданій. Симъ же путемъ съ XVIII вѣка шествова-

ли въ Кремль Россійскіе Императоры и Императрицы для священнаго коронованія. Здѣсь Никонъ Патріархъ, отверженный Царемъ, оставилъ свою Паству.

Съ торжественными и знаменитыми воспоминаніями о семъ зданіи соединяются и печальныя. Черезъ сіи врата ввезены были въ Кремлевскія стѣны гробницы многихъ Государей Русскихъ, начиная отъ Царя Василія Шуйскаго, скончавшагося въ плѣну у Поляковъ и до Императора Александра. Когда Карлъ XII угрожалъ нападеніемъ Москвѣ: сіи ворота, подобно другимъ, были завалены бревнами съ землею по приказанію Петра Великаго, хотѣвшаго обратить Кремль въ осадную крѣпость для защиты отъ Шведовъ. Въ 1812 году Французами онѣ были укрѣплены такимъ же образомъ; по выходѣ непріятелей, въ проѣздѣ поставлены были бочки съ порохомъ и съ зажженными фитилями; но

храбрые казаки успѣли погасить и тѣмъ сохранили этотъ священный памятникъ отъ разрушенія, на которое онъ былъ обреченъ Наполеономъ. Непріятели, представивъ лѣстницу къ образу Спасителя, нѣсколько разъ покушались снять съ него мѣдную, вызолоченую ризу, которую они полагали за золотую; но никакъ не могли успѣть, то сами падали, то лѣстница обламывалась

Спасскія ворота имѣли, сверхъ того, такое же значеніе въ городской жизни Московскаго міра, какъ *судныя врата* въ Іерусалимъ, кои вели къ Голгоѣ. Передъ ними объявлялись судейскіе приговоры на Лобномъ мѣстѣ и совершались казни на Лобномъ рынкѣ, или такъ называемой Красной площади. Преступникъ, приведенный на сіе мѣсто передъ казнію, выслушавъ смертный приговоръ себѣ, молился Спасову вратному образу, кланялся на всѣ четыре стороны и просилъ прощенія и молитвъ у пред-

стоявшихъ. Въ одной старинной цѣснѣ описывается казнь какого-то Боярина, который, вступивъ на высокій срубъ противъ Спасскихъ воротъ,

Помолимся Спасу чудному образу,

И на всѣ стороны низко поклонился

Указомъ 1685 г. Февраля 5 и 15 отмѣнена смертная казнь въ Кремль, и велѣно было производить ее передъ Спасскими воротами. Здѣсь совершались ужасныя казни Стрѣльцовъ, когда въ одинъ день падали сотни Стрѣleckихъ головъ, часто въ присутствіи самого Петра, неумолимаго, какъ Божія кара.

У Спасскихъ воротъ продаваемы были тетради, листы и столпцы, на коихъ въ старину писались у насъ всѣ дѣловыя бумаги. Здѣсь до начала XVIII вѣка выставлялись для охотниковъ лучбчныя картинки и здѣсь на мосту спживали нищіе, калеки и слѣпые, на-

ши рапсолисты, которые пѣли Лазаря, Алексѣя Божьяго челоуѣка, и другія такъ называемыя *стихи*.

Теперь, въ Москвѣ уже не услышишь на улицѣ слѣпаго пѣвца; но въ деревняхъ, и особливо на сельскихъ ярмаркахъ, еще не рѣдко слѣпой старикъ, въ кругу собравшагося народа, поетъ ему про *страшный судъ*, про *голубиною книгу*, про все ему завѣтное и что издревле служило для него умственной пищей.— И въ этой безискусственной народной пѣсни часто кроется такая красота и поэзія, которой напрасно стали бы мы искать въ произведеніяхъ многихъ поэтовъ, уже давно увѣнчанныхъ людскою славой.

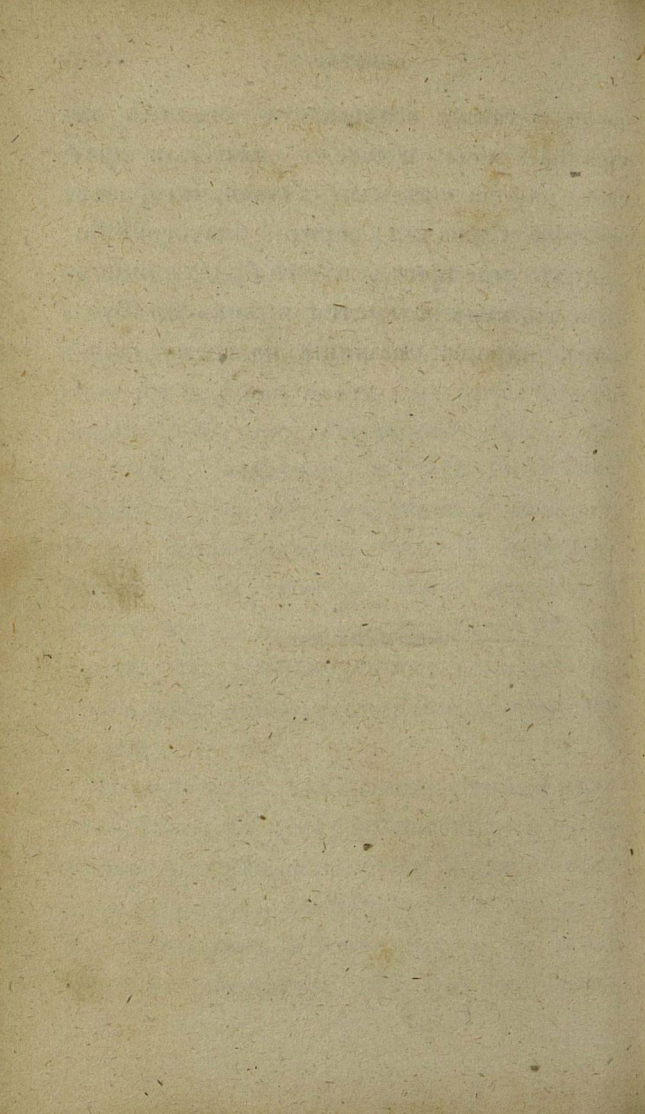
Съ тѣхъ поръ, какъ нищіе слѣпцы пѣли свои стихи на мосту у Спасскихъ воротъ, многое измѣнилось,—нѣту болѣе ни крестныхъ ходовъ съ образами и хоругвями по стенамъ Кремлевскимъ, не стало многихъ обычаевъ... Но бой Спасскихъ

часовъ также возвъщаетъ столицѣ ея урочные часы; и доселѣ святъ для русскаго народа завѣтный обычай, которымъ почтено Спасскія ворота благоговѣніе нашихъ предковъ; и онъ будетъ жить въ немъ, пока останется крѣпко въ Русскомъ народѣ уваженіе ко всему святому.

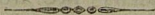
М. . . . .

З О Л О Т О .

Кто не знаетъ этого блѣстящаго металла. Оно блеститъ почти на каждой игрушкѣ, на дамскомъ дорогомъ нарядѣ, на мундирѣ каждаго чиновника или эполетахъ офицера. Имъ блеститъ рамка въ котрую вставлена картина художника, переплетъ дорогой книги, — произведеніе великаго человѣка. Вы его встрѣтите на фарфорѣ, на хрусталѣ, на обрѣзѣ бумаги, и нѣтъ той самой обыкновенной вещи, которую человѣкъ по своей прихоти не украшалъ иногда зо-

лотомъ. — Позолотой блеситъ внутренность нашихъ храмовъ, имъ украшены Св. иконы и наконецъ золотомъ блестятъ кресты и маковки бѣлокаменной Москвы, которыя издали едва завидить пѣшеходъ-богомалецъ, — остановится и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, кладетъ поклоны святынь Московскихъ Соборовъ. Въ старину же не только богомольцы, но и всякій подъѣзжавшій къ Москвѣ, былъ ли то бояринъ или простой человѣкъ, считалъ своимъ первымъ долгомъ помолиться на завидѣнные имъ кресты бѣлокаменной. — А потому по всѣмъ дорогамъ ведущимъ въ древнюю столицу, первое небольшое возвышеніе, съ котораго начинается она быть видною доселѣ называется *поклонною горою*. Такія поклонныя горы находятся на всѣхъ большихъ дорогахъ въѣзжающихъ въ Москву, кромѣ одной Петербургской. —

Но обратимся къ нашему золоту. До-

сель мы говорили о немъ, какъ объ одномъ украшеніи и встрѣчали его въ этомъ видѣ повсюду, начиная отъ крыши дворцовъ и церквей до всякой бездѣлушки. Гораздо рѣже находимъ мы его, какъ матеріаль для издѣлій. Однакожь изъ цѣльнаго золота часто дѣлаютъ всякаго рода уборы, сосуды и другія вещи; роскошь богача покрываетъ свой столъ золотою посудой, а древніе Персидскіе Цари, Римскіе Кесари и Монгольскіе Ханы не только имѣли золотые престолы, но и употребляли золото на всякую самую обыкновенную утварь и даже покрывали имъ внутреннія стѣны своихъ дворцовъ. Ни на что однакожь не употребляется столько золота, сколько на вещь по себѣ вовсе бесполезную и даже не служащую ничему украшеніемъ, а именно на выдѣлываніе золотой монеты, искони представляющей у людей высшую общую цѣнность, посредствомъ которой произ-

водится всякая мѣна, торгъ или продажа. Такъ на пр. богатая Англія почти не знаетъ другихъ денегъ, кромѣ золотой монеты.

Не должно думать однакожъ, что если золото употребляется на столько различныхъ предметовъ и въ такомъ количествѣ, что его такъ много разсѣяно въ природѣ. Напротивъ его очень не много, и только тяжелый трудъ человѣка и его искусство умѣли ввести его въ такое общее употребленіе.

Употребленіе золота безспорно принадлежитъ глубочайшей древности, и вѣроятно, что это былъ одинъ изъ первыхъ металловъ, которымъ человѣкъ началъ пользоваться; ибо золото почти единственный металлъ, который встрѣчается въ природѣ въ настоящемъ видѣ, годномъ прямо къ употребленію.

Золото находится въ горнокаменныхъ породахъ различнаго образованія, но чаще всего въ песчаныхъ розсыпяхъ

по берегамъ рѣкъ , или въ видѣ золотыхъ блестокъ, смѣшанныхъ съ пескомъ на днѣ рѣкъ и протоковъ.

Въ первомъ случаѣ, оно называется золотой рудой,—во второмъ золотыми розсыпями или пескомъ.

Частицы золота, въ томъ или другомъ видѣ, въ примѣсѣ съ тѣми или другими минералами вѣроятно находятся почти во всѣхъ краяхъ свѣта, во внутренностяхъ земли;—но при маломъ количествѣ отдѣляемаго золота , обработка его часто не окупается количествомъ добываемаго металла , а потому и называются обыкновенно золотыми рудниками или розсыпями только тѣ изъ нихъ, которые съ нѣкоторымъ избыткомъ могутъ вознаградить трудъ человѣка.

Въ древнемъ мірѣ золото получалось преимущественно съ Востока, изъ средней Азіи и Аравіи, и доселѣ Персія, Индія и Китай представляютъ еще неизчерпаемое богатство золотой руды ,

впрочемъ въ новѣйшее время мало обработанной.

Римляне получали также золото изъ Испаніи, Далмаціи и Панноніи, нынѣшней Венгріи, гдѣ и теперь еще есть золотые рудники.

Въ новомъ мірѣ, открытіе Америки доставило въ руки Европейцевъ неисчерпаемыя богатства ея рудниковъ. Богатые рудники находятся въ Бразиліи, Хили. Но въ Мексикѣ и Перу и особенно рудники Потози въ Перу доселѣ считаются самыми богатыми золотыми рудами въ свѣтѣ, хотя въ послѣднее время, при уменьшившейся разработкѣ, они уступаютъ въ количествѣ добываемаго золота золотымъ розсыпямъ Сибирскимъ.

Завоеваніе туземныхъ царствъ Испанцами доставило имъ огромное количество золота въ готовыхъ издѣльяхъ — произведеніяхъ искусства туземцевъ, ограбленныхъ Европейскими пришельцами. Но скоро грабить было уже не-

чего и они обратились къ богатствамъ, которыя скрывала въ своихъ нѣдрахъ новооткрытая почва. Для этого, въ своей жадной и нетерпѣливой корысти, они обратили цѣлыя туземныя поселенія на каторжную работу въ рудникахъ, которая въ скоромъ времени извела народонаселенія цѣлыхъ областей, такъ что въ наше время отъ многихъ народовъ, составлявшихъ нѣкогда богатые царства и цвѣтшихъ благосостояніемъ, не осталось ни одного человѣка. Такова была участь, которую просвѣщенный Европеецъ принесъ Американскому дикарю вмѣсто благословенія Христіанства, коему думалъ служить великій Колумбъ (*), открывая

(*) Не то дѣлаетъ Колумба великимъ, что онъ открылъ Америку. Америка была не разъ открыта и до него и почти въ одно время съ нимъ. Нельзя также положительно утверждать, чтобы одна наука убѣдила его въ существованьи другой части свѣта, онъ зналъ объ ней и отъ Исландцевъ, которымъ она была знакома за нѣсколько столѣтій

новые народы и земли. Испанія мечтала на вѣки сдѣлать себя богатой и счастливой, владѣя такими несмѣтными богатствами золота; но золото, которое доставили ей ея неправедныя стяжанья и нѣмое страданье поработенныхъ населеній скоро перешло въ руки другихъ, болѣе трудолюбивыхъ и промышленныхъ народовъ, которые вымѣняли даровое золото Испаніи на произведенія своего труда, ремесль и торговли. Не прошло полутора вѣка какъ Испанія, не смотря на все свое золото, стала бѣднѣе прежняго и потеряла все свое прежнее

ранѣе, но его поставляетъ въ ряды великихъ мужей Исторіи та сила убѣжденія и непреклонная твердость воли, которая дается только немногимъ и потому только немногихъ выноситъ къ задуманной ими цѣли. Сверхъ того въ Колумбѣ жило стремленіе не личной корысти или празднаго любознанія, а стремленіе къ высокой Христіанской цѣли, которое дѣлаетъ его явленіемъ еще болѣе рѣдкимъ въ Исторіи

политическое могущество. Въ настоящемъ же столѣтїи она утратила всѣ свои лучшія Американскія колонїи, и досель остается одною изъ бѣднѣйшихъ земель Европы.

Европа также имѣетъ свои золотые рудники; такъ Венгрія Тироль, Чехія и другія земли. Испанія и Португалія, при богатствѣ Американскихъ рудниковъ, все не воздѣлывали своихъ собственныхъ въ новое время. Но самыя богатыя мѣсторожденія золота въ Европѣ безспорно принадлежатъ Россїи, а взятая вмѣстѣ съ золотыми прииска-ми въ Россїи Азіатской, по количеству добываемаго въ обоихъ золота, можетъ быть первыя въ мїрѣ. До новѣйшаго времени извѣстны были только золотые рудники и розсыпи въ Уралѣ и незначительныя мѣсторожденія золота близъ Алтая; но въ последнее десятилѣтіе особенно увеличилась разработка золота въ Сибири и не только

увеличилась она въ Уралѣ, но еще болѣе на Сѣверъ отъ Алтая, особенно за Енисеемъ и на Сѣверо-Востокъ отъ Красноярска, между Енисеемъ и верховьями Тунгуски. Въ послѣдніе годы производство всего золота въ Сибири доходило, до 350 пудовъ.

Богатство Россіи золотомъ заключается преимущественно не въ рудахъ, какъ богатства Америки а въ золотыхъ пескахъ и розсыпяхъ. Добыванье золота изъ золотоносныхъ песковъ было безъ сомнѣнія извѣстно и глубокой древности, и вѣроятно прежде разработки руды, представляющей гораздо болѣе трудностей. Такъ объ немъ еще свидѣтельствуетъ намъ и Греческое сказаніе о золотомъ рунѣ, которое Язонъ похитилъ изъ Колхиды. Вѣроятно, что все это сказаніе не означало ничего другаго, какъ то, что Греки ѣздили въ Колхиду добывать золотой песокъ со дна тамошнихъ рѣкъ,

опуская въ нихъ овечьи шкурки, въ которыя теченіе рѣки вмѣстѣ съ пескомъ нацосило и золотыя блестки. Римляне получали золотой песокъ изъ Испаніи; имъ славилась въ древности Аравія; безспорно находятся также золотыя розсыпи во всей средней Азіи, и золотоносныя рѣки отъ Бухаріи до границъ Китая. Но особенно извѣстны золотыми песками берега Африки, Гвинея и такъ называемый *золотой берегъ*, откуда Англичане ежегодно вывозятъ до 30 пудовъ золотого песку. По новѣйшимъ извѣстіямъ найдены также богатые золотыя розсыпи въ Калифорніи, гдѣ еще недавно находилась Русская колонія Россъ.

Указавъ на мѣсто, гдѣ добывается золото, посмотримъ теперь какимъ образомъ добываютъ его и получаютъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ.

Чистаго золота въ сомородкахъ почти не находится, но всегда въ соединеніи

съ нѣкоторымъ количествомъ серебра, мѣди и другихъ металловъ. Золото легко соединяется также искусственнымъ образомъ съ разными металлами, серебромъ, мѣдью и другими,—также съ сѣрою, фосфоромъ и многими другими веществами; но всего легче и удобнѣе съ ртутью, на чемъ и основаны главные способы очищенья золота.

Иногда находятъ золото въ видѣ малыхъ плитокъ, зеренъ или отдѣльными блестками. Въ большихъ же массахъ самородное золото находится весьма рѣдко, такъ на пр. на Уралѣ, гдѣ его ежегодно добывается около 350 пудъ, до 1841 года, былъ найденъ только одинъ самородокъ въ 24 ф. 68 золотн; но недавно найденъ въ Царево-Александровской россыпи самородокъ вѣсомъ въ 2 пуда, 26 ф. 92 золотн., можетъ быть, самый большой самородокъ, который доселѣ былъ извѣстенъ.

Обработка золотой руды обыкновенно

весьма проста; и состоитъ въ толченіи и промываніи ея, пока золото не осядетъ въ низъ и тогда полученный осадъ плавятъ на сильномъ огнѣ.—

Для полученія золота изъ золотоносныхъ песковъ обыкновенно промываютъ этотъ песокъ, при чемъ золото очищается все болѣе и наконецъ когда получаютъ золото въ извѣстной чистотѣ, соединяютъ его со ртутью. Потомъ улетучиваютъ ртуть посредствомъ сильнаго жара;—послѣ чего и получается чистое золото.

Извлеченіе золота изъ сѣрныхъ породъ, часто содержащихъ въ себѣ золото въ избыткѣ, нѣсколько сложнее. Для этого употребляются два способа:

Способъ плавленія: Калятъ руду для отдѣленія отъ нея сѣры, плавятъ отдѣлившееся золото, потомъ смѣшиваютъ его съ свинцомъ, и снова плавятъ. Наконецъ отдѣливъ примѣсь свинца въ образовавшемся сплавкѣ, получаютъ чистое золото.

Другой способъ, посредствомъ соединенія съ ртутью. Когда руда бѣдна, то калятъ ее до соединенія съ ртутью, когда же она очень богата, то соединяется съ ртутью безъ накаленія. — Ртуть испаряютъ на сильномъ жару и золото остается на днѣ сосуда.

Золото, добытое плавленіемъ, можетъ содержать въ себѣ желѣзо, олово и серебро; но полученное посредствомъ соединенія съ ртутью, содержитъ только серебро. Отдѣлять золото отъ желѣза и олова легко, сплавляя его съ селитрою. Для отдѣленія же золота отъ серебра употребляютъ особенный, довольно многосложный способъ съ помощью селитряной кислоты, и при этомъ необходимо, чтобы сплавокъ состоялъ изъ одной части золота и 3-хъ частей серебра.

Чистое самородное или выдѣланное золото твердо, имѣетъ цвѣтъ желтый, блестящій, не имѣетъ вкуса и запаха,

какъ на пр. желѣзо, мѣдь, и другіе металлы. За исключеніемъ платины, при одинаковомъ объемѣ, оно тяжеле всѣхъ другихъ вѣсомыхъ тѣлъ. Такъ оно въ 19 разъ съ $\frac{1}{2}$ тяжеле перегнанной воды, что и составляетъ его удѣльный вѣсъ; ибо вѣсъ перегнанной воды, взятой въ извѣстномъ объемѣ, принимается за общее мѣрило всѣхъ тяжестей, и постоянную единицу,—въ отношеніи которой, сравнительный вѣсъ каждаго тѣла и называется его удѣльнымъ вѣсомъ.—

Золото не измѣняется отъ дѣйствія воздуха; во время плавленія оно принимаетъ зеленый цвѣтъ, но превращается въ пары и улетучивается только при сильномъ электрическомъ снарядѣ, и если подвержено ему въ тонкихъ пластинкахъ. Расплавляется оно при 32° градусахъ Веджвудова пирометра (*) ин-

(*) Онъ состоитъ изъ двухъ металлическихъ суживающихся пластинокъ, на которыхъ показаны градусы; между ними кладется кусокъ сухой осо-

струмента, которымъ измѣряются степени сильнѣйшаго жара при плавленіи металловъ, когда термометръ не можетъ болѣе служить для опредѣленія температуры.

Золото самый ковкій и тягучій металлъ, какой доселѣ извѣстенъ; изъ него можно вытянуть проволоку такой толщины, что при длинѣ въ 72 сажени, она будетъ вѣсить не болѣе грана. Вмѣстѣ съ тѣмъ золото такъ плотно, что золотая проволока толщиною въ $\frac{5}{10}$ одной линіи, и въ аршинѣ длины можетъ сдерживать на себѣ 16 ф. вѣсу. Позолота на серебрѣ будучи въ $\frac{1}{10000}$ долю линіи толщиною, не показываетъ даже при разсмотрѣніи въ микроскопъ обнаженный частицы серебра; а одной унціей золота

бенно приготовленной глины, которая замѣняетъ ртуть или спиртъ въ термометръ. При сильномъ жарѣ, глина отъ дѣйствія его суживается и при извѣстномъ наклонѣ подвигается все болѣе къ узкому концу пирометра, смотря по степени жара.

можно позолотить тонкую серебряную проволоку въ 1300 верстъ.

Растворивъ золото въ царской водкѣ и прибавляя въ полученный растворъ другихъ химическихъ веществъ получаютъ то кассіевъ пурпуръ, употребляемый въ живопись на фарфоръ и для окрашиванія стекла въ яхонтовый цвѣтъ; то золото въ порошокъ употребляемое для позолоты форфора,—то такъ называемое *гремящее золото*, которое вспыхиваетъ и производитъ взрывы, какъ порохъ. и пр.

Искусство золотить очень разнообразно; но вообще можетъ быть раздѣлено на позолоту металлическихъ и не металлическихъ вещей.

Для позолоченья не металлическихъ вещей, употребляютъ листовое золото, накладывая его различными способами, смотря по вещи. Листовое золото готовится сначала въ видѣ проволоки,

потомъ раздавливаютъ его двумя стальными валами и разрѣзываютъ на небольшія плитки. Эти плитки сперва по нѣскольку вмѣстѣ кладутся между двумя пергаментными листами и расколачиваются ; а потомъ ихъ разбиваютъ, между двумя тонкими кожицами , на твердомъ гладкомъ камнѣ деревянными молотками до потребной тонины.

Металлическія вещи изъ бронзы мѣди или серебра, золотятъ слѣдующимъ образомъ : очистивъ сперва поверхность извѣстнымъ химическимъ способомъ обливаясть водою и сушатъ , послѣ этого накладываютъ сортученное золото (смѣсь золота съ ртутью) щеточками слѣдующими изъ тонкой мѣдной проволоки и наконецъ золотимую вещь кладутъ въ огонь. Ртуть превращается въ пары, оставляя тонкій слой золота, который потомъ полируютъ.

Серебро золотятъ также слѣдующимъ

образомъ: намачиваютъ вѣтошки растворомъ золота въ царской водкѣ, и высушивъ ихъ сжигаютъ. Получивъ такимъ образомъ родъ пепла, смѣшаннаго съ чрезвычайно тонкимъ золотымъ порошкомъ, натираютъ имъ полированное или матовое серебро пробкою, предварительно нѣсколько обожженною и смоченною въ уксусъ. Но всѣ эти способы золоченія съ выгодною замѣняетъ новооткрытый способъ золоченія посредствомъ гальванизма, при чемъ золото осаждается ровнѣе, плотнѣе соединяется съ предметомъ и слоями еще тончайшими. Для этого вещь погружаютъ въ золотой растворъ, потомъ подвергаютъ дѣйствию гальванической батареи и золото само осѣдаетъ на предметъ.

Любовь человека къ золоту, которая при невозможности имѣть издѣлія изъ настоящаго золота, заставляетъ его часто довольствоваться однимъ видомъ и блескомъ его,—заставила его отыскать сред-

ства для полученія золота въ такихъ тончайшихъ слояхъ, почти неуловимыхъ для измѣренія. Но кромѣ прихоти человека, позолота имѣетъ и ту существенную выгоду, что золото, можетъ быть, единственный металлъ кромѣ платины, который никогда не ржавѣетъ; а потому и позолота предохраняетъ предметы отъ всякой ржавчины, дѣйствія мокроты или воздуха.

Чистое золото, безъ всякой примѣси называется у насъ обыкновенно червоннымъ. Но оно слишкомъ мягко для издѣлія; и потому въ дѣловое золото примѣшиваютъ всегда частицу мѣди или серебра, что и называется *лигатурой*. — Въ первомъ случаѣ лигатура называется красной, во второмъ бѣлой.

Золото имѣетъ также свою условную цѣну, если и измѣняющуюся, то весьма незначительно; такъ на пр. фунтъ золота равняется цѣнѣ 20 фунтовъ сереб-

ра и около 1400 фунтовъ мѣди. Вирочемъ въ Римѣ при первыхъ Кесаряхъ, когда въ него вливались сокровища со всего свѣта, золото такъ упало въ цѣнѣ, что цѣнность его, на пр. въ отношеніи къ серебру, была не болѣе, какъ 7-и къ 1-му.

Одни драгоцѣнные камни и жемчугъ при томъ же объемѣ имѣютъ большую цѣнность противъ золота, такъ на пр. золотникъ цѣльнаго бриліанта стоитъ нѣсколько фунтовъ золота.

Золото не только служить намъ всюду лучшимъ и самымъ блестящимъ украшеніемъ, но представляя собою высшую пзвѣстную цѣнность, оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и всѣ вещи, которыя могутъ удовлетворять нашимъ желаніямъ. И потому имѣть много золота, какъ средство для удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, въ этомъ часто полагали и доселѣ полагаютъ счастье жизни.

Но не должно забывать, что золото можетъ быть только средствомъ и никогда цѣлюю, ибо не даетъ человѣку ничего положительнаго.—Оно въ рукахъ его—одно орудіе, которое можетъ быть употреблено имъ дурно или хорошо, на зло или добро, счастье или несчастье себѣ. Оно открываетъ человѣку болѣе путей въ жизни, а потому и даетъ болѣе средствъ, быть счастливымъ или несчастнымъ, и дѣлать счастье или несчастье другихъ, быть имъ полезнымъ или вреднымъ. — А потому золото можетъ быть столько же благословеніемъ жизни въ рукахъ одного, сколько ея отравой въ рукахъ другаго.—

По видимому обладаніе золотомъ, должно, по крайней мѣрѣ, вполнѣ обезпечивать физическое довольство и благосостояніе человека, но и здѣсь все зависитъ отъ его воли и его нравственнаго настроенія. Иной скряга дрожитъ надъ кучами золота и терпитъ

всякія лишенія, лучше чѣмъ разстаться съ лишнимъ рублемъ, а постоянная мысль и забота о своемъ богатствѣ сушить и отравляетъ всю его жизнь.

Такъ, съ другой стороны, если кого судьба наградила богатствомъ, да онъ безразсудно расточилъ его, то одно воспоминаніе объ утраченномъ довольствѣ дѣлаетъ жизнь такого человѣка, въ десятеро несчастнѣе, чѣмъ если бы онъ никогда не знавалъ избытка.

Сверхъ того также, какъ золото представляетъ намъ цѣнность всѣхъ вещей, такъ и каждая вещь представляетъ собою извѣстное количество золота. И потому всякій полезный трудъ, всякая наука, всякое искусство или ремесло можетъ доставлять намъ золото и расширять наши средства существованія, — но пользоваться ими во вредъ или добро себѣ предоставлено намъ однимъ.

И такъ все, чему мы учимся, пред-

ставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстную цѣнность золота. Но не въ золотѣ счастье жизни; оно лишь *средство*, часто опасное и гибельное въ нашихъ рукахъ. Счастье же заключается въ внутреннемъ довольствѣ души, которая умѣетъ любя исполнять свой долгъ.

М... Св - въ.

О НАСТОЯЩИХЪ ЖИЛИЩАХЪ
ЮЖНЫХЪ И ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ

И

ИХЪ РАЗСЕЛЕНИИ ВЪ ЕВРОПѢ (*).

Читателямъ Б. для В. должно быть
извѣстно изъ Очерка исторіи Черног-
ріи, помѣщеннаго въ предъидущей

(*) Намѣреваясь постоянно знакомить нашихъ
читателей съ исторіею нашихъ западныхъ и юж-
ныхъ братій, мы сочли необходимымъ напередъ
представить краткое обозрѣніе ихъ жилищъ и раз-
селенія въ Европѣ, какъ необходимое предваритель-
ное введеніе ко всѣмъ послѣдующимъ рассказамъ.

книгъ , что весь сѣверъ нынѣшней Европейской Турціи , почти все пространство между Чернымъ и Адриатическимъ моремъ , занимаютъ одни Славяне. Даже въ Румелии , Албаніи , Эссалии и въ самомъ Царѣградѣ , они составляютъ значительную часть народонаселенія. Исключительно населенныя ими земли въ Европейской Турціи суть Булгарія , собственная Сербія , Босна , Герцеговина , Черногоріе и почти вся Македонія. На западъ отъ Босны и Герцеговины и на сѣверъ отъ Албаніи Адриатическое приморье составляетъ Далмацію , съ начала нынѣшняго столѣтія принадлежащую Австріи. Булгарія называется по имени живущаго въ ней Славянскаго народа Булгаръ. Всѣ прочія земли населены однимъ народомъ Сербскимъ , хотя небольшая часть жителей , исповѣдающая магометанскую вѣру , называетъ себя Турками. Общій языкъ во всѣхъ этихъ

земляхъ Сербскій. Въ Болгаріи часть городского населенія составляютъ Греки, въ Далмаціи Итальянцы и чиновники Нѣмцы.—Собственная Сербія, т. е. страна между рѣками Дунаемъ, Савою, Дриною и Сербской Моравою, только въ нынѣшнемъ столѣтіи освободилась отъ ига Турецкаго и находится подъ покровительствомъ Россійскаго Императора. Турецкому Султану она платитъ извѣстную подать; впрочемъ управляется независимо своимъ княземъ и совѣтомъ народныхъ старшинъ. Только въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ находятся Турецкіе гарнизоны; во всей остальной землѣ Турки и вообще Магометане не имѣютъ даже права жить ни въ городахъ, ни въ селахъ. Жители же Болгаріи, Босны, Герцеговины и Македоніи, до сихъ поръ находятся въ полномъ подданствѣ у Турковъ; только въ дѣлахъ вѣры Россія со временъ Екатерины II, по договорамъ, приобрѣла себѣ право всту-

паться за нихъ, какъ за своихъ единовѣрцевъ.

Отдѣльное нарѣчіе Сербскаго языка составляютъ Хорваты, занимающія Королевство Кроацію, (Хорватію) и Словенцы, живущіе во всей Крайнѣ, Истріи, въ части Каринтіи (Хорутаніи) и Штиріи. Сербами заселена вся Австрійская военная граница, равно какъ и Славонія. Въ собственной Венгріи занимаютъ они весь Сремъ и Банатъ или южную часть королевства, — разсѣянными жилищами простираются до самаго Пешта и Будима (Офенъ), гдѣ соединяются съ Слованами.

Словаки вмѣстѣ съ Моравцами и Чехами, живущими отъ нихъ на сѣверъ, принадлежатъ къ языку Чешскому. На сѣверо-востокъ отъ Чеховъ живутъ Лужичане, въ верхней и нижней Лужицахъ. Сами они себя называютъ Сербами, а Нѣмцы зовутъ ихъ Вендами. Это остатокъ³ многочисленнаго союза племенъ

Славянскихъ, нѣкогда занимавшаго весь сѣверо-востокъ нынѣшней Германіи, всю Померанію, Мекленбургъ, земли, лежащія между Одеромъ и Лабой или Эльбой. На сѣверъ отъ Моравцевъ, Чеховъ и Лужичанъ живутъ Поляки въ собственной Польшѣ, Силезіи и Княжествѣ Познанскомъ. Отраслью своею, нарѣченіемъ Кашубовъ, живущихъ около Гданска (Данцига) и Кролевца (Кенигсберга), языкъ Польскій простирается до самаго Балтійскаго моря. Такъ отъ морей Адриатическаго, Мраморнаго и Чернаго до самаго Балтійскаго, вдоль почти всей западной границы Русскаго царства, живутъ въ непрерывной связи другіе Славянскіе народы, которыхъ въ отличіе отъ Русскихъ мы называемъ Западными и Южными.

Всѣхъ Славянъ въ Европѣ считается около 80 мил. Слѣд. болѣе $\frac{1}{3}$ всего Европейскаго населенія. Изъ нихъ 53 м. 500 т. принадлежатъ Русскому царству.

Всѣ остальные 26 мил. 500 т. доселѣ остаются подѣ владычествомъ иноземцевъ. Въ томъ числѣ 6 м. 100 т. принадлежатъ Туркамъ, около 17 м. Австрійцамъ и слишкомъ 2 мил. Прусакамъ и 60 т. Саксоніи. Сверхъ того въ округъ вольнаго города Кракова считается до 130 т.

Если же разсматривать все Славянское народонаселеніе по племенамъ, то получимъ слѣд. числа:

Всѣхъ Русскихъ вмѣстѣ съ Малорусами и Бѣлорусами до 51 мил. 200 т.; изъ нихъ 48 м. съ $\frac{1}{2}$ принадлежатъ Россіи, и безъ малаго 3 м. Австрійн. Изъ того же числа 48 м. исповѣдуютъ Вѣру Греко-Восточную, около 3-хъ м. принадлежатъ Уніи (таково почти все Русское населеніе въ Австрійской Галиціи и незначительная часть въ царствѣ Польскомъ), и 350 т. принадлежатъ церкви Римской.

Булгаръ около 4 мил. которые, за исключеніемъ небольшого числа посе-

ленцевъ въ Россіи, всѣ принадлежатъ Турціи. — Изъ нихъ 50 т. Католиковъ, 250 т. Магометанъ и 3 мил. 700 т. Православныхъ.

Сербовъ около 5 м. 500 т., изъ коихъ въ Австріи слишкомъ 2 м. съ $\frac{1}{2}$ и столько же въ Турціи; но въ последнее число входятъ также 100 т. независимыхъ Черногорцевъ и 950 т. Сербовъ, составляющихъ отдѣльное Сербское княжество. — Изъ Сербовъ 3 м. православныхъ, 1 м. 180 т. Католиковъ и слишкомъ $\frac{1}{2}$ м. Магометанъ.

Хорутанъ 1 м. 150 т. всѣ принадлежатъ Австріи и почти всѣ Католики.

Хорватовъ 800 т. всѣ также принадлежатъ Австріи и всѣ Католики.

Всѣ доселѣ исчисленные нами племена принадлежатъ (по тому раздѣленію, которое сдѣлалъ ученый Шафарикъ всемъ Славянскимъ языкамъ на два отдѣла) къ отдѣлу Юго-Восточному и составляютъ всѣ вмѣстѣ до 62 мил.

Племена принадлежащія къ отдѣлу Западнему составляютъ, взятые вмѣстѣ, около 17 м.

Въ томъ числѣ:

Поляковъ 9 мил. 400 т., изъ коихъ въ Россіи около 5 м., въ Австріи 2 м. съ $\frac{1}{2}$, въ Пруссіи около 2 м. Всѣ принадлежатъ къ исповѣданію Католическому, за исключеніемъ 450 т. протестантовъ.

Чеховъ и, вмѣстѣ съ ними, Словаковъ и Мораванъ, составляющихъ нарѣчія того же языка, 7 м. 200 т.—За исключеніемъ 950 т. Протестантовъ, всѣ остальные Католики.

Лужичанъ 150 т., изъ коихъ 60 т. принадлежатъ Саксоніи, а остальные Пруссіи. За исключеніемъ 10 т. Католиковъ всѣ остальные Протестанты.

Теперь мы сообщимъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя имѣемъ о древнѣйшихъ жилищахъ Славянъ и ихъ первоначальномъ расселеніи въ борьбѣ съ

другими иноземными народами;—и потомъ, указавъ на образованіе первыхъ Славянскихъ государствъ въ Греческомъ полуостровѣ, постараемся передать нашимъ читателямъ въ отдѣльныхъ историческихъ очеркахъ судьбу каждаго изъ нихъ, какъ то уже и было сдѣлано для Черногоріи.

Славяне принадлежатъ къ старожиламъ Европейскимъ, равно какъ и племена Греческія, Италіанскія, Кельтійскія и Германскія. Искони занимали они земли между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Когда они тутъ поселились, мы не знаемъ. Мнѣніе, будто они только въ 6-мъ столѣтіи по Р. Х. пришли изъ Азіи, основано было единственно на томъ, что имя ихъ встрѣчается впервые только у писателей 6-го вѣка, у Готѳа Іорнанда и Грека Прокошія. — Нѣмецкіе историки, а за ними и Русскіе, изучавшіе свою исторію по ихъ слѣдамъ, долго не могли увидать вещи самой

простой и очевидной; а именно, что если Юрнандъ и Прокопій, жившіе въ 6-мъ столѣтіи, рассказываютъ о Славянахъ, какъ о народѣ многочисленномъ, заселяющемъ въ Европѣ огромное пространство, и въ тоже время ничего не говорятъ объ ихъ переселеніи изъ Азіи, то очевидно, что сами они почитали ихъ старожилами въ Европѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне въ древности не были извѣстны другимъ народамъ подъ однимъ общимъ именемъ, но подъ разными частными, иногда своими племенными, или мѣстными, иногда же совершенно чуждыми имъ названіями. Такъ въ средніе вѣка и даже въ новѣйшее время насъ называли Скиѳами. Такъ Славяне называютъ Германцевъ Нѣмцами или Швабами, а Французы Алеманнами; Итальянцевъ называли у насъ Влахами. — Въ *Будинахъ* и *Неврахъ* Геродота нельзя не признать племенъ Славянскихъ. Первые жили на Сѣверо—Востокѣ отъ истоковъ

Днѣстра въ Волыни и Бѣлоруссіи; вторые на Сѣверо-Западѣ, въ землѣ донынѣ называемой Нурскою, у Геродота *ἡ νεύρις*, *ἡ νούριδα γῆ*. Говоря о Будинахъ, Геродотъ описываетъ подробно ихъ городъ: онъ простирался въ одинъ конецъ почти на 6 верстѣ, былъ четырехугольный, весь деревянный, обнесенный деревянною стѣною. Мы узнаемъ въ этомъ описаніи городъ Славянской, можетъ быть, древнѣйшій въ Европѣ послѣ городовъ древней Греціи и ея колоній. — Такъ и у другихъ писателей послѣ Геродота находятся свѣдѣнія о народахъ Славянскихъ, скрытыя подъ разными, отчасти уже разгаданными, отчасти доселѣ неразгаданными именами.

Въ 4-мъ столѣтіи до Р. Х. сильнѣйшимъ народомъ въ Европѣ были Кельты. Изъ Галліи отъ Пиренеевъ прошли и покорили они страны Альпійскія и Сѣверную Италію. Галлы не разъ гро-

зили самому Риму. Но Римъ успѣлъ однакожъ выдти побѣдителемъ изъ всѣхъ опасностей.—Между тѣмъ Кельты разселились по всей средней Европѣ до Герцинскаго лѣса, за которымъ на Сѣверъ была настоящая колыбель Германскихъ народовъ; потомъ спустились въ Иллирію, Оракію и Македонію, и проникли въ самую Малую Азію. Славяне подались тогда на Сѣверо-Востокъ. Вѣроятно въ это время они заселили страну за Окою и истоками Волги, нынѣшнюю средину Русскаго Царства. Въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранилась память о Дунаѣ. Первый Славянскій лѣтописецъ, нашъ Несторъ, также упоминаетъ о томъ, что Славяне, уступая Кельтамъ или, какъ онъ ихъ называетъ, Волохамъ, удалились нѣкогда съ Дуная.

Между тѣмъ съ сѣвера, изъ Скандинавіи Нѣмецкое племя Готѣвъ, перешедшее чрезъ Балтійское море, оспаривало у

Славянъ берега его, отъ устьевъ Вислы и Одера до Лабы или Эльбы; и подчиняло своей власти общины Славянскія. — Къ концу послѣдняго столѣтія до Р. Х. Римъ, покоривъ всѣ народы Кельтійскіе и распространивъ на нихъ свои учрежденія, свой языкъ и образованіе, сблизился съ народами Германскими. — Римъ одерживалъ также побѣды надъ Германцами и распространялъ на нихъ свое вліяніе; — но самыя побѣды его и новыя завоеванія приближали будущее торжество Германца. Объему Имперіи не соотвѣтствовала болѣе ея внутренняя сила, а нравственная порча съ каждымъ днемъ все болѣе овладѣвала обществомъ и всѣми его членами. — Собственными орудіями Рима, съ помощію его же просвѣщенія стали бороться съ нимъ Германцы. Германскіе юноши, получившіе образованіе въ Римѣ, становились во главѣ сильныхъ союзовъ Нѣмецкихъ племенъ, грозившихъ

опасностью Имперіи. — На границахъ вдоль всего Рейна, на верхнемъ и среднемъ Дунаѣ, въ продолженіи четырехъ столѣтій продолжалась упорная борьба; но Нѣмцы не могли окончательно переступить этихъ предѣловъ, и постепенно распространялись на Юго-Востокъ. — Готы, удалившись отъ береговъ Балтійскаго моря, гдѣ снова освободились Славяне, заняли къ концу 3-го столѣтія все пространство отъ горъ Богемскихъ и Карпатскихъ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра до Чернаго моря и вели безпрерывныя войны съ Славянами, искони здѣсь осѣдлыми.

Какъ другія Германскія племена постоянно вторгались въ Западную часть Имперіи (которая въ это время уже раздѣлилась), такъ Готы производили частые набѣги на восточную Имперію, разоряли древніе Греческіе города, но всегда возвращались за предѣлы Импе-

ріи или вступали въ службу ея, не оставаясь въ ней осѣдлыми поселенцами.

Между тѣмъ съ далекаго Сѣверо-Востока началось новое движеніе народовъ особенно враждебное Нѣмцамъ и обыкновенно называемое Гуннскимъ. Гунновъ считали до сихъ поръ народомъ Турецкимъ или Фянскимъ. Недавно нѣкоторые ученые начали признавать въ нихъ Славянъ. Но этотъ споръ можетъ касаться только лица Аттилы и его ближайшей дружины; войско же его безспорно состояло большею частію изъ Славянъ. Въ 374 году разразилась надъ Нѣмцами буря Гуннская, и опрокинула ихъ на Имперію. Весь Западъ и Югъ ея были наводнены Нѣмецкими дружинами. Походъ Аттилы въ половинѣ 5-го столѣтія разорвалъ окончательно границы Западной Имперіи и разрушилъ весь ея послѣдніе оплоты.

На Западъ дружины Нѣмецкія наслѣдовали власть Римскихъ Императоровъ.

Начальники ихъ, нерѣдко бывшіе вмѣстѣ Римскими полководцами или Патриціями, сдѣлались основателями будущихъ королевствъ. —

Славяне между тѣмъ, послѣ того, какъ распался союзъ Гунскій, оставались въ своихъ прежнихъ жилищахъ, или вступали въ сосѣднія страны, опустошенныя и покинутыя Германскими дружинами. Ихъ распространѣніе совершалось незамѣтно во время самой борьбы Германіи съ Римомъ. Въ лѣтописяхъ первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. мы находимъ описаніе однѣхъ войнъ и походовъ дружинъ Нѣмецкихъ. Между именами ихъ нѣтъ, а можетъ быть, мы только не умѣемъ узнавать племенъ Славянскихъ. Но вскорѣ дружины Нѣмецкія перемѣняютъ мѣсто жительства, исчезаютъ, а страна внезапно является занятою Славянами, уже воздѣлывающими почву и живущими въ городахъ и устроенныхъ общест-

вахъ. Такъ на прим. Готѣы оставались болѣе ста лѣтъ въ предѣлахъ Восточной Имперіи, и оставили въ нихъ одни слѣды опустошенія. Но еще прежде, нежели вывелъ Теодорикъ свои дружины изъ Восточной Имперіи, мы уже открываемъ въ ней поселенія Славянскія. Теофилъ (онъ умеръ въ 534 г.), наставникъ Юстиніана, въ жизнеописаніи сего Императора рассказываетъ, что онъ въ семействѣ своемъ назывался Управдою (*Ουπραουδα*), отецъ его Истокъ, мать и сестра Бегленица (*Βεγλένιξα*), а мѣсто его рожденія Ведеряна (*Βεδεριανα*) въ верхней Македоніи. Много другихъ фактовъ и свидѣтельствъ можно бы было привести въ доказательство, что уже въ 5-мъ столѣтіи, а можетъ быть, и ранѣе, Славяне перешли Дунай и стали заселять Греко-Орійскій полуостровъ. Это заселеніе началось подъ шумомъ оружія Готѣовъ и Гуновъ, но въ 6-мъ и 7-мъ столѣтіи

начинаются нападенія самихъ Болгаръ, Сербовъ и собственно такъ называемыхъ Славянъ на Имперію и племена Словянскія являются уже подъ собственными своими именами. Двоедушная политика самихъ Императоровъ, возстановлявшихъ одно племя Славянское на другое, и хотѣвшихъ положить преграду мирному заселенію опустошенныхъ земель, вызывала удары Славянъ на Имперію. — Съ царствованія Юстиніана, съ 525 г. Греческіе историки подъ каждымъ годомъ упоминаютъ о нападеніяхъ Славянъ на Мизію, Фракію, Македонію.

Въ это же время мы узнаемъ яснѣе характеръ Славянскихъ народовъ, и замѣчаемъ въ нихъ двѣ особенно рѣзкія черты, вѣроятно отличавшія и тогда одни племена отъ другихъ; съ одной стороны миролюбіе, любовь къ осѣлости, быту землешескому и общинному, легкая воспріимчивость, и

готовность къ образованію духовному; съ другой стороны духъ болѣе воинскій, мужество, доходящее часто до свирѣпости. Этѣ различныя черты народнаго характера представляются намъ теперь еще въ большей отдѣльности: первыя являются господствующими между Болгарами, вторыя между Сербами.

Къ концу 7-го столѣтія мирное заселеніе Славянское проникло во весь Греческій полуостровъ. Пелопонезъ получилъ тогда названіе Морей или Приморья. Но не вездѣ, куда проникло это заселеніе, сохранилась народность Славянская. Между мелкими Славянскими общинами не было политическаго единства. Гдѣ онѣ были перемѣшаны съ населеніемъ Греческимъ, тамъ онѣ скоро подчинились высшей образованности Грековъ, которые, въ свою очередь, приняли въ себя много Славянскаго. — Не такъ было въ Сѣверныхъ областяхъ

Имперіи, въ Мизіи, Фракіи, Иллиріи, Далмаціи, Македоніи и Албаніи, гдѣ уже въ 7-мъ столѣтіи было сплошное Славянское населеніе, легко сохранившее свою народность и не подчинившееся чуждымъ вліяніямъ.

Кромѣ Славянъ, на Имперію нападали также Авары. Константинъ Богрянородный рассказываетъ, что около 634 г. Императоръ Ираклій призывалъ Сербовъ и Хорватовъ, народы Славянскіе, обитавшіе дотолѣ около горъ Карпатскихъ, противъ Аваровъ, свирѣпствовавшихъ тогда въ Иллиріи. Этого свидѣтельства мы не должны однакожъ принимать буквально, какъ указаніе на первое переселеніе Сербовъ. О Сербсахъ гораздо ранѣе упоминается уже въ предѣлахъ Византійской Имперіи; ихъ переселеніе шло постепенно въ продолженіи одного или $1\frac{1}{2}$ вѣковъ. Свидѣтельство Константина означаетъ только, что въ это время они вмѣстѣ съ

Хорватами усилились и получили въ Имперіи значеніе политическое. Эти Словяне уничтожили владычество Аваровъ въ Иллиріи. Въ тоже время изъ подъ ига ихъ освободились Славяне въ нынѣшней Моравіи, Чехіи (Богеміи), и Сѣверной Венгріи; еще ранѣе Болгаре на Дунаѣ, — и Аваровъ не стало. Тогда отъ Балтійскаго моря до самаго Пелопонеза открылось сплошное населеніе Славянское. Въ одной только Дакіи, т. е. нынѣшней Валахіи и Молдавіи, еще сохранялись остатки Кельтовъ и Римскихъ поселенцевъ, и то уже въ большой примѣси съ Славянами, съ Болгарами въ Валахіи и Южно-Руссами въ Молдавіи: эти остатки составляютъ доселѣ такъ называемое Ромуцское населеніе этой страны.

Отъ Волги, Оки и Камы до Чернаго моря и Дуная простирались тогда, въ сосѣдствѣ съ Хозарами, владѣнія Болгарь, уже съ 5-го столѣтія нападав-

шихъ на Восточную Имперію. Около 680 г. князь ихъ Кувратъ при смерти своей раздѣлилъ свои владѣнія между пятью сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Аспарухъ, изъ страны при-Волжской перешелъ черезъ Днѣпръ и Днѣстръ и вторгнулся въ Имперію. Императоръ Константинъ Погонатъ, въ 678 году, пошолъ на него войной за Дунай, не могъ однакожь побѣдить и, возвращаясь назадъ, вовлекъ его за собою въ предѣлы Имперіи. Тогда онъ занялъ всю Мизию. Уже заселявшія ее въ то время семь поколѣній Славянскихъ признали надъ собою его власть и такимъ образомъ было положено основаніе государству Болгарскому въ прежнихъ Сѣверо-Восточныхъ предѣлахъ Восточной Имперіи, между моремъ Чернымъ и Балканами, Дунаемъ и его южными притоками, Тимокомъ и Моравою. На Западъ отъ него возникали въ тоже время отдѣльныя княжества Сербскія. Они простирались на

Югъ отъ Дуная и Савы по Моравѣ, Дринѣ и Кульмѣ до Адриатическаго моря, и занимали южную половину Далматинскаго берега до нынѣшней Албаніи или древняго Эпира. Хорваты занимали Сѣверную половину Далмаціи, отъ рѣки Цѣтины и страны между Кульмою, Савою и Дравою, гдѣ находятся нынѣшнія королевства Хорватія и Славонія. Рѣки Цетинь, Вербасъ и Сава отдѣляли ихъ на Югъ и Востокъ отъ Сербовъ.

Таково начало Государствъ Славянскихъ на древнемъ Греко-Орокійскомъ полуостровѣ. Съ ихъ Исторіею мы постараемся познакомить нашихъ читателей въ слѣдующихъ книжкахъ.

В. П.

СТЕШИ И ПУСТЫШИ.

Любопытно и полезно изучать природу и характеръ отдаленныхъ земель. Но чтобы это изученіе было живо, чтобы образъ страны ясно и опредѣленно запечатлѣвался въ нашемъ воображеніи, для этого самый вѣрный путь сравнивать сходныя между собою страны и въ нѣсколькихъ рѣзкихъ и мѣтко схваченныхъ чертахъ представлять выводъ изъ этого сравненія. Мы не станемъ тогда смѣшивать сходныя явленія и думать, что всѣ предметы физической природы, обозначенные однимъ и тѣмъ же именемъ между собою одинако-

вы. Въ физической природѣ между самыми родственными явленіями всегда есть различіе и никакая форма не повторяется, въ томъ же видѣ и въ тѣхъ же условіяхъ. — Въ такомъ сравненіи каждая ловко подмѣченная черта сама дорисовываетъ вѣрную картину и показываетъ, чѣмъ отличается одна форма отъ другихъ съ нею близкихъ.

Въ Америкѣ, при подошвѣ высокаго, гранитнаго хребта Андесовъ, который еще въ первыя времена дѣтскаго возраста нашей планеты поставилъ неодолимую преграду напору волнъ, начинается обширная, необозримая равнина. Послѣ горныхъ долинъ Каракаса и устьяннаго островами озера Такаригуа, въ которое смотрятся высокія тропическія деревья, послѣ луговъ, убранныхъ свѣжею зеленью сахарнаго тростника и осѣненныхъ густою тѣнью кокосовыхъ лѣсовъ, разстилается къ Югу

степь, и будто подымаясь, далеко сливается съ горизонтомъ.

Изъ страны, гдѣ такъ роскошно развилась вся органическая жизнь, съ изумленіемъ видить путешественникъ, что онъ пришелъ на край однообразной пустыни. По всему неизмѣримому пространству не видать ни одного пригорка, ни одной скалы. Только кой-гдѣ мѣстами, иногда съ поверхностію на нѣсколько квадратныхъ миль, высятся надъ окружающею равниною и стелются пласты извѣстняка или песчаника. Отмелями называютъ ихъ туземцы, какъ будто сознавая ихъ происхожденіе въ эпоху образованія Америки, потому что въ самомъ дѣлѣ, какъ учить насъ Геологія, эти возвышенія были отмелями а самыя степи дномъ большаго, теперь уже не существующаго моря.

При обманчивомъ мерцаніи ночи то, что уже давно миновало, еще въ первобытныя времена нашей планеты, снова

является очарованному взору. Когда путеводныя звѣзды, то восходя, то закатываясь за небосклонъ, освѣщаютъ берегъ равнины, когда онѣ отражаются въ низшемъ слое волнующагося, теплаго воздуха; тогда въ самомъ дѣлѣ кажется, будто видишь передъ собою безпредѣльный океанъ, и подобно океану эти степи наполняютъ душу чувствомъ безконечнаго. Но всегда отраденъ видъ моря, когда оно представляетъ чистую, зеркальную поверхность или когда въ легкомъ колыханіи, пѣнятся и завиваются его волны или когда оно грозно бушуетъ. Мертва и недвижима, напротивъ того, лежитъ степь, какъ голая, каменистая кора опустѣвшей планеты.

Вездѣ, во всѣхъ поясахъ земнаго шара видимъ мы явленіе этихъ большихъ равнинъ и въ каждомъ поясѣ онѣ имѣютъ свой особенный характеръ и фizioномію, которая опредѣляется раз-

ностію ихъ почвы, ихъ климатомъ и ихъ высотой надъ поверхностію моря.

Въ сѣверной Европѣ за настоящую степь можно принять тѣ травенные луга, которые простираются отъ сѣверной оконечности Ютландіи до устья Шельды; но это степь съ холмистою поверхностію и слишкомъ незначительна по своей величинѣ, если ее сравнить съ Ланосами и Пампасами Южной Америки или даже съ огромными зелеными лугами вдоль по Миссури и Мѣдной рѣкѣ, гдѣ расхаживаютъ косматые буйволы и роями кишатъ выхухолы.

Огромныя и суровыя являются намъ равнины въ серединѣ Африки. Только въ новѣйшее время начали дѣлать попытки для ихъ изслѣдованья, а то долго лежали онѣ безъизвѣстныя, подобно необозримымъ пространствамъ большаго тихаго океана. Эти равнины составляютъ части того песчанаго моря,

которое къ Востоку прошло между плодородными землями и отодвинуло ихъ другъ отъ друга или окружило ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ острова, своими сухими песками. Такова напр. пустыня при базальтовыхъ горахъ Гарудшъ, гдѣ подъ тѣнью финиковыхъ деревьевъ, на оазъ Сивахъ, развалины Аммонова храма обозначаютъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда цвѣли просвѣщеніе и искусство юнаго человѣчества. Ни роса, ни благодатный дождь не оживляютъ эту безплодную землю и зародышъ растительной жизни, не развившись, гибнетъ въ раскаленной почвѣ. Не испаренія, но знойный воздухъ столбами подымается отъ жгучаго песка и гонитъ прочь мимолетныя облака.

Гдѣ пустыня подходитъ къ Атлантическому океану, какъ напр. на Западномъ берегу, между долиною Вади Нунъ и Бѣлымъ мысомъ, тамъ влажный морской вѣтеръ стремится напол-

нить пустоту, которую оставляет по себѣ знойный воздухъ. Когда подъѣзжаешь къ устью Гамбіи, по морю, какъ-бы по лугу, устланному зеленымъ морскимъ мохомъ, внезапно затихаетъ тропическій восточный вѣтеръ, и корабельщикъ еще не видя берега, уже предчувствуетъ, что здѣсь не далеко огромная, страшная пустыня съ палящими песками.

Стада газелей, быстроногихъ страусовъ, да ненасытныхъ барсовъ и львовъ шныряютъ по неизмѣримому пространству въ неравной, непосильной борьбѣ съ природою этихъ мѣстъ. Если изъ этаго песчанаго моря мы исключимъ новооткрытыя группы плодоносныхъ острововъ оазы, гдѣ на зеленыхъ окраинахъ толпятся кочующіе Тиббо и Туарики, то вся остальная часть Африканской пустыни является намъ безплодною страною, въ которой нельзя жить человѣку.

Африканскіе народы, болѣе образованные и прибрежные къ этому несчаному морю, только періодически осмѣливаются пускаться въ него. Тому уже тысячелѣтія, какъ торговое сношеніе провело здѣсь свои дороги и эти дороги съ тѣхъ поръ остались все тѣже, ни въ чемъ ни мало не измѣнились. По нимъ-то ходятъ длинныя поѣзды отъ Тафилета до Томбукту, или отъ Мурцука до Борну — предпріятія смѣлыя, возможныя только при помощи вѣрнаго товарища—верблюда, этого корабля пустыни, какъ его называютъ древнія преданія Востока.

Африканскія равнины занимаютъ пространство почти въ три раза большее, чѣмъ сосѣдственное имъ Средиземное море. Онѣ лежатъ или подъ самымъ поворотнымъ кругомъ или очень близко къ нему; и это положеніе обуславливаетъ ихъ частный характеръ, ихъ природу. Въ восточной половинѣ стараго

материка напротивъ того, это явленіе песчаныхъ степей повторяется, въ умѣренномъ поясѣ.

На горныхъ хребтахъ Средней Азіи, между Золотыми горами или Алтаемъ и Цунгъ-Лингомъ, отъ Китайской стѣны за Небесныя горы и къ Аральскому озеру, въ длину на 7000 верстъ, разстилаются самыя возвышенныя и самыя большія степи въ цѣломъ свѣтѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ—чистыя равнины, поросшія травою, нѣкоторыя разукрашены сочными, вѣчно-зелеными солцами, а есть и такія, которыя издали блестятъ и ярко бѣлѣютъ, потому что разтреснувшаяся соль, какъ плетенка, покрываетъ ихъ глинистую почву, будто осыпанную свѣже-выпавшимъ снѣгомъ.

Этѣ Монгольскія и Татарскія степи, перерѣзанныя разнохарактерными горными грядами, отдѣляютъ древнее, первобытное, давно образованное человѣчество въ Тибетъ и Индостанъ отъ ди-

кихъ, Сѣверо-Азіатскихъ народовъ. Онѣ имѣли разнообразное вліяніе на судьбу человѣческаго рода. Онѣ оттѣснили къ Югу здѣсь бывшихъ жителей, разстроили и перервали сношенія народовъ, больше чѣмъ Гималайской хребетъ, больше чѣмъ снѣговья горы Серинагура и Горки и положили на Сѣверъ непреодолимая границы, за которыя не переступаетъ обуздывающая нравы образованность и художническое творчество.

Но не только преграду образованности и препятствіе къ взаимному сближенію Азіатцовъ представляютъ эти равнины Средней Азіи. Бѣды и опустошенія не разъ высылали онѣ на всю землю. Кочующіе народы этихъ степей, Авары, Монголы, Аланы Узы и др. потрясали міръ. Если въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій умственная дѣятельность, подобно живительному солнечному свѣту, лилась отъ Востока

на Западъ: то позднѣе, въ средніе вѣка, потемнѣлъ Азіійской Востокъ и невѣжество, какъ густой туманъ, стало находить оттуда на Европу. Кочующее племя смуглыхъ Гіогну (Туکیускаго т. е. Турецкаго происхожденія) въ кожаныхъ палаткахъ жило по нагорной степи Гоби. Китайская сила, грозная и страшная въ то время, оттѣснила часть этого племени на Югъ, внутрь Азіи. Этотъ толчекъ быстро отдался до древней земли Финновъ при Уралѣ и древнихъ жилищъ Славянъ на Днѣпрѣ и Дунаѣ. Оттуда вышли Гунны, Авары, Козары и разнообразная смѣсь разныхъ Азіатскихъ народовъ. Безчисленные толпы Гунновъ и Славянъ явились сперва на Черномъ морѣ, потомъ въ Панноніи, а тамъ на берегахъ По, опустошая тѣ прекрасныя и плодородныя поля, гдѣ со временъ Антенора Европейское чело-вѣчество копило свои сокровища и воздвигло памятникъ возлѣ памятника. Изъ

Монгольскихъ пустынь повѣялъ удушайущій вѣтеръ и убилъ на Цизальпинской почвѣ всѣ цвѣты искусства, перенесенныя изъ Греціи и взлелеяныя долгимъ, упрямымъ трудомъ Римлянина.

Отъ соляныхъ степей Азіи, отъ травистыхъ луговъ Европы, разукрашенныхъ каждое лѣто медовыми, красивыми цвѣтами и наконецъ отъ безлѣсныхъ пустынь Африки, перейдемъ теперь опять къ равнинамъ Южной Америки и постараемся докончить то описаніе, которое мы уже начали.

Вся эта страна Южной Америки любопытна и дорога только для естествоиспытателя. Нѣтъ ни одного оаза, который напомнилъ бы здѣсь о прежнихъ жителяхъ. Ничто не говоритъ о существованіи и трудъ исчезнувшихъ поколѣній,—ни тесаные камни, ни одичалыя плодоносныя деревья. Эта страна, какъ будто никогда не принимала никакого

участія въ жизни и переворотахъ человеческого рода, и широко раскинувшись, лежитъ она только, какъ привольное мѣсто для не стѣсненной ничѣмъ животной и растительной жизни.

Отъ прибрежной цѣпи Каракаса до лѣсовъ Гвіаны и отъ снѣговыхъ горъ Мериды, на скатъ которыхъ нагорное озеро Урао обоготворяемо суевѣрными туземцами, развертывается эта степь до большой Дельты, которую образуетъ Ориноко при своемъ устьѣ. Къ Юго-Западу, подобно морскому заливу, тянется она по ту сторону рѣкъ Меты и Вичады до неизслѣдованныхъ еще истоковъ Гвавіара и до того одинокаго горнаго кряжа, который живая фантазія Испанскихъ завоевателей назвала Парамо де ла Сума Пацъ, мѣстомъ вѣчнаго міра.

Эта степь занимаетъ пространство въ 16,000 квадратныхъ миль. По незнанію Географіи, прежде думали и не

разъ утверждали, будто она, удерживая вездѣ одинаковую ширину, непрерывно идетъ до самаго Магелланова пролива. Но при этомъ забывали о лѣсистой равнинѣ Амазонской рѣки, которая къ Сѣверу и къ Югу опоясывается травистыми степями Апуре и рѣки Ла-Платы, забывали, что Андесская цѣпь Кохабамбы и Бразильскія горныя группы высылаютъ другъ другу на встрѣчу отдѣльные горные кряжи между провинціею Хиквитось и перешейкомъ Виллабеллы. Наконецъ не хотѣли припомнить и того, что только узкая равнина соединяетъ лѣса Амазонской рѣки съ Пампасами Буенось-Айреса, которые величиною втрое превосходятъ Льяносы Венецуелы. Да, они такъ удивительно велики, что у нихъ на Сѣверѣ растутъ пальмовые лѣса, а южная ихъ граница покрыта почти вѣчнымъ льдомъ. Американскій страусъ (Туо) водится по этимъ Пампасамъ, да огромныя стада

одичалыхъ собакъ, которыя многочисленными стаями живутъ вмѣстѣ по подземнымъ пещерамъ и часто нападаютъ даже на бѣлыхъ людей, которыхъ предки когда-то привезли ихъ въ Америку.

Также какъ и Сагара, эти Льяносы или самыя сѣверныя равнины Южной Америки лежатъ въ жаркомъ поясѣ. Но не смотря однако на свое положеніе они далеко не такъ знойны, какъ Сагара. Дважды въ году они совершенно измѣняютъ свой видъ, то являются страшною пустынею, какъ Ливійское песчаное море, то травистыми лугами, какъ возвышенныя степи Средней Азіи.

Много причинъ, отчасти еще мало изслѣдованныхъ, уменьшаютъ жаръ и засуху въ новой части свѣта. Въ тропической странѣ разнообразно изрѣзанный материкъ довольно узокъ; притомъ онъ далеко идетъ къ полюсамъ, въ царство вѣчнаго льда и холода. Со всѣхъ сторонъ,

по свободному океану дуютъ здѣсь вѣтры. Восточные берега материка плоски, а потому открыты для прохлаждающаго вліянія моря, а по западнымъ берегамъ холодныя морскія теченія идуть съ Юга на Сѣверъ, отъ Огненной земли до Перу. Богатыя источниками, многочисленныя горныя цѣпи, коихъ снѣговыя вершины поднимаются далеко за самыя высокія облака вліяютъ также на атмосферу и освѣжаютъ ее. Изобильныя водою, огромныя рѣки, множествомъ изгибовъ, и притоковъ разносятъ прохладу по всей странѣ. Наконецъ здѣшнія степи не раскаляются такъ сильно отъ тропическаго солнца, потому что въ нихъ нѣтъ африканскаго песка. Непроницаемые, первобытные лѣса покрываютъ равнины подъ экваторомъ и даютъ имъ прохладную тѣнь, а въ серединѣ Америки, гдѣ нѣтъ горъ и океанъ далеко, тамъ они служатъ водохранилищами и высылаютъ въ степи изъ подъ своего

густаго, зелѣнаго навѣса сбереженныя ими воды.

Всѣ эти явленія и многія другія, обуславливаютъ умѣренность климата въ плоской части Америки, который сыростию и прохладою такъ рѣзко отличается отъ климата африканскаго. Въ этихъ явленіяхъ лежитъ основная причина той роскошной, сочной растительности, той свѣжести и благоуханія, которые составляютъ особенный характеръ новаго материка.

Поэтому, если американская сторона нашей планеты имѣетъ воздухъ гораздо влажнѣе и сырѣе, чѣмъ противоположная ей, то одно подробное изслѣдованіе этихъ явленій уже достаточно, чтобы объяснить причину такой разности. И нѣтъ никакой надобности для естествоиспытателя прибѣгать къ объясненіямъ, которыя могла бы доставить геологія;—какъ напр. что Америка была сначала болотистый островъ, обитаемый

одними крокодилами и змѣями, и выступила позднѣе изъ глубокихъ нѣдръ воды, чѣмъ прочія части свѣта, и т. п.

Конечно, и это видно съ перваго взгляда, Южная Америка по своему очертанію, и направленію своихъ береговъ имѣетъ поразительное сходство съ юго-западнымъ полуостровомъ стараго материка. Но ея почва, построение ея горъ, размѣщеніе ея долинъ и относительное положеніе ихъ,—все это существенно отличаетъ ее отъ Африки. Въ Африкѣ все расположеніе ея материка только усиливаетъ палящій зной, который препятствуетъ развитію органической жизни.—Вспомнимъ при этомъ, что четыре пятыхъ части Южной Америки находятся по ту сторону Экватора, въ неизмѣримомъ царствѣ водъ великаго океана, въ полушаріи, которое поэтому необходимо прѣхладнѣе и сырѣе, чѣмъ наше сѣверное полушаріе, гдѣ лежитъ большая часть Африки.

Льаносы, измѣряя ихъ отъ Востока къ Западу, почти втрое меньше, чѣмъ Сагара. Южноамериканскія степи подвержены дѣйствию тропическихъ, морскихъ вѣтровъ,—а по африканскимъ пустынямъ, которыя лежатъ подъ одинаковою шириною съ Аравією и южною Персією, проносятся слои воздуха, уже раскаленные пролетомъ черезъ эти жаркія земли. Еще въ древнія времена, такъ долго не оцѣненный отецъ исторіи и Географіи, Геродотъ, въ своемъ глубокомъ и вѣрномъ воззрѣніи на природу, понялъ въ его настоящемъ значеніи и свѣтъ многое, что только недавно выучились понимать ученые; и представилъ намъ, между прочимъ, какъ части одного песчанаго моря, всѣ пустыни въ Сѣверной Африкѣ, въ Іеменѣ, Керманѣ и Мекранѣ (въ Гедрозіи у Грековъ) и даже до Мултана въ Индіи.

Дѣйствіе знойныхъ, сухопутныхъ вѣтровъ усиливается въ Африкѣ еще и

тѣмъ, что въ ней нѣтъ большихъ рѣкъ, нѣтъ лѣсовъ дышащихъ прохладою, нѣтъ и высокихъ горъ. Вѣчнымъ снѣгомъ покрыта только западная часть Атласа, гдѣ узкій, снѣговой горный кряжъ являлся съ моря древнимъ мореплавателямъ, какъ высокій облачный столбъ, подпирающій небо. На Востокъ горы идутъ до самаго Дакула, гдѣ теперь однѣ развалины и кучи мусора указываютъ на то мѣсто, гдѣ некогда стоялъ Карфагенъ, царь морей и соперникъ Рима. Длинною прибрежною цѣпью, какъ бы стѣною, протянулись эти горы и останавливаютъ прохладный сѣверный вѣтеръ и вмѣстѣ съ нимъ пары поднимающіеся изъ средиземнаго моря.

Высоко, за снѣговую линію, заходятъ вѣроятно и Лунныя горы, Аль-Комри, про которыя рассказываютъ, будто онѣ образуютъ горную цѣпь параллельную съ Атласомъ и идутъ черезъ весь материкъ, отъ высокой равнины Габеша

(Абиссиніи) до истоковъ Сенегала. Кромѣ Лунныхъ горъ, горы Луната, которыя протягиваются вдоль по восточному берегу Мозамбика и Мономотапы, подобно цѣпи Андесовъ на западномъ перуанскомъ берегѣ, также покрыты вѣчнымъ снѣгомъ въ Маникѣ, странѣ обильной золотомъ. Но всѣ эти горы, богатые источниками, лежатъ слишкомъ далеко отъ той огромной пустыни, которая раскинулась отъ южнаго ската Атласа до Нигера, текущаго на Востокъ.

Легко можетъ быть, что всѣ эти причины засухи и жара, которыя мы сейчасъ вычислили, были бы слабы и недостаточны, чтобы превратить африканскія равнины въ страшное, песчаное море, если бы какой нибудь переворотъ въ природѣ, напр. вторженіе океана въ материкъ, не унесъ у этой плоской страны ея растительный слой земли, ея питательный черноземъ. Но когда былъ этотъ переворотъ, когда слу-

чилось это вторженіе водъ,—все это глубоко скрыто во мракъ вѣковъ первобытныхъ. Очень можетъ быть, что онъ былъ слѣдствіемъ того сильнаго движенія въ океанѣ, которое гонитъ теплыя Мексиканскія воды черезъ Ньюфаундлендскую отмель къ старому материку и съ которымъ Вестъ-Индскіе кокосовые орѣхи заносятся въ Ирландію и Норвегію. По крайней мѣрѣ, рукавъ этого морскаго теченія еще и теперь, въ направленіи къ юго-востоку отъ Азорскихъ острововъ, бѣдою грозитъ мореплавателямъ, и ударяется о западный берегъ Африки, покрытый высокими песчаными буграми. Всѣ морскіе берега такого рода, какъ на пр. Перуанскіе между Амотане и Коквимбо, свидѣтельствуя собою, что въ знойныхъ песчаныхъ странахъ, гдѣ не бываетъ дождя, гдѣ нѣтъ ни травы, ни кустарника, тамъ необходимы столѣтія, можетъ быть, даже тысячелѣтія для того, чтобы какое

нибудь растеніе могло пустить корень, или могла наконецъ образоваться нѣкоторая растительность.

Этихъ указаній, кажется, намъ достаточно, чтобъ объяснить, почему Африка и Южная Америка, не смотря на чрезвычайное сходство въ своихъ очертаніяхъ, представляютъ однако самыя разнородныя климатическія явленія и совершенно иной характеръ растительности. Но Южно-американская степь, хотя она и покрыта тонкимъ слоемъ плодородной земли и освѣжается періодически проливными дождями и разукрашивается высокими, роскошными травами, но все таки она никогда не могла привлечь къ себѣ ни одно изъ туземныхъ племенъ. И могли ли они промѣнять свои прекрасныя горныя долины Каракаса, свой морской берегъ и цѣлый роскошный міръ, разстилающійся вдоль по Ориноко, на эти безлѣсныя и безводныя пустыни! Поэтому когда при-

были сюда Европейцы съ своими Африканскими невольниками, степь была почти совершенно необитаема.

Конечно Льяносы пригодны для скотоводства; но первобытные жители новаго материка не знали ни ухода за скотомъ, ни вообще пастушеской жизни и всего, что она доставляетъ. Ни одно Американское племя не умѣло употребить себѣ на пользу тѣхъ выгоды, которыя представляла ему мѣстная природа. По травистымъ лугамъ Западной Канады, въ Квивиръ и вокругъ колоссальныхъ развалинъ города Азтековъ, заброшенныхъ и забытыхъ въ глуши прибрежій Жила, по волѣ пасутся многія животныя, которыя легко могли бы быть обращены въ домашнюю полезную скотину. Длиннорогій дикій баранъ, (Муфлонъ) родоначальникъ овцы, многочисленными стадами бродить по бесплоднымъ и голымъ известковымъ скаламъ Калифорніи, а на южномъ полу-

островъ живутъ Вигонь, Накось и Лама. Но всѣ эти полезныя животныя, кромѣ Ламы, уже тысячелѣтія, какъ гуляютъ на полной свободѣ, также дикія и мало ручныя, какъ и въ первобытныя времена человѣчества.—Молоко и сыръ, употребляемая въ пищу, и поля съ хлѣбными растеніями—отличительная черта народовъ стараго материка.

Совершенное отсутствіе земледѣлія и скотоводства на новомъ материкѣ можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ, что первыми жителями его были пришельцы изъ Сѣверныхъ и Среднихъ степей Азіи, которые сами не знали земледѣшества и стадъ своихъ, разумѣется, не могли перевезти съ собою черезъ море; туземныхъ же животныхъ не умѣли поработить въ домашнихъ и образовать новыя послушныя стада. Къ тому же богатая природа и растительность новаго свѣта представила человѣку столько новыхъ средствъ къ существованію,

что обратила всѣ его силы въ другія стороны и сдѣлала вовсе излишними для него тѣ условія жизни, безъ которыхъ не могутъ обойтись народы стараго свѣта.

Во всякомъ случаѣ никакому сомнѣнію не подлежитъ фактъ, что древніе жители Америки не знали скотоводства и пастушеской жизни, которая составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій въ развитіи младенческихъ народовъ. Она привязываетъ кочующихъ звѣролововъ къ плодородной, травистой землѣ и приготавливаетъ ихъ къ земледѣлію. Итакъ, если пастушеская жизнь и земледѣліе были неизвѣстны древнимъ Американцамъ, то въ этомъ и заключается главная причина отъ чего Льяносы доселѣ остались безлюдными степями. Но чѣмъ рѣже попадался чловѣкъ на огромныхъ пространствахъ Льяносовъ и Пампасовъ, тѣмъ свободнѣе развивались въ нихъ дѣятельныя силы

природы, тѣмъ многочисленнѣе были мирныя животныя и хищныя звѣри. Ничто не мѣшало ихъ свободному размноженію, также какъ и всему роскошному развитію растительной жизни по лѣсамъ Ориноко, гдѣ исполинскія тропическія деревья если и гибнутъ, то не отъ грозной руки человѣка, но отъ руки времени или отъ слабой сѣтки ползучихъ растеній, которою они оплетаютъ этихъ великановъ растительнаго міра. — Агути, маленькіе, пестрые олени, броненосцы, страхъ зайцовъ, красивые, но вонючіе Виверы, большіе, безгривые львы, да полосатые Ягуары (у насъ называемые Тиграми), которые таскаютъ молодыхъ быковъ, да барановъ, — таковы звѣри, которые среди множества другихъ, нами не изчисленныхъ, рыщутъ по безлѣсной равнинѣ.

Дикія да одичалыя животныя вотъ всѣ жители южноамериканской степи; никогда бы и не привлекла она къ себѣ

ни одного изъ кочующихъ Индейскихъ племенъ, (предпочтительно питающихся растительною пищею) если бы мѣстами не росла въ ней пальма Мауриція (*Mauritia flexuosa*). По всѣмъ странамъ Америки распространена слава объ этомъ благодатномъ деревѣ жизни. Такъ напр. оно одно составляетъ всю пищу, одежду и жилище цѣлаго племени Гарауновъ, живущаго у истоковъ Ориноко.

Гарауны плетутъ себѣ койки изъ прутьевъ Мауриціи, высоко отъ земли натягиваютъ ихъ между нѣсколькими деревьями и въ дождливую пору года, когда Дельта залита водою, живутъ по деревьямъ, на подобіе обезьянъ.

Эти всякія хижины особеннаго рода густо покрываются глиною. На влажной обмазкѣ, для страши и домашнихъ надобностей разводится огонь. Если ночью плыть по рѣкѣ мимо этихъ воздушныхъ деревень, то рядами блещутъ

огоньки въ воздухѣ, высоко надъ землею рыхлой, болотистой почвѣ. Да, своему надземному житію на деревьяхъ обязаны Гарауны сохраненіемъ до нашего времени своей независимости и своего неискаженного быта.

Но Мауриція не только доставляетъ имъ безопасное жилище, — нѣтъ, она даетъ имъ и разнообразную пищу. Прежде чѣмъ изъ нѣжнаго цвѣтка образуется почка, зародышъ будущаго плода, мякоть или сердцевина дерева, въ эту пору, содержитъ въ себѣ муку, похожую на саго, изъ которой туземцы пекутъ себѣ тоненькія лепешки, высушиваютъ ихъ и потомъ употребляютъ вмѣсто хлѣба. Перебродившій сокъ дерева — сладкое, опьяняющее пальмовое вино Гарауновъ. Мелко чешуйчатые плоды, похожіе на красноватыя еловыя шишки, даютъ разнообразную пищу, когда созрѣютъ; ихъ мелютъ или толкутъ въ муку. Такимъ образомъ, такъ

же какъ иное насѣкомое всѣми условіями своей жизни приковано къ какому нибудь цвѣтку, такъ и человѣкъ на низкой ступени общественности иногда связанъ всѣмъ своимъ существованіемъ съ однимъ деревомъ.

Послѣ открытія новаго материка Европѣйцами равнина сдѣлалась мало по малу доступною для человѣка и опъ началъ мало по малу населять ее. Между берегомъ и Гвіаною, тамъ и сямъ по степнымъ рѣкамъ явились города. Вездѣ по неизмѣримому пространству степей завелось скотоводство. Не далеко другъ отъ друга, на нѣсколько часовъ ѣзды стоятъ хижины, сплетенныя изъ тростника и ремней и покрытыя шкурами. Безчисленныя стада одичалыхъ быковъ, лошаковъ и лошадей бродятъ по степи. Сильное размноженіе этихъ животныхъ стараго свѣта тѣмъ удивительнѣе, что въ этихъ стра-

нахъ множество опасностей, съ которыми они должны бороться.

Когда подъ отвѣснымъ лучемъ вѣчно-яснаго солнца, не помрачаемаго ни тучами, ни туманами, сгараеть наконецъ трава и превращается въ пыль, тогда изсохшая и отвердѣлая земля разсѣдается большими трещинами, какъ будто отъ сильныхъ ударовъ землетрясенія. Если въ эту пору подымутся противоположныя теченія воздуха, борьба ихъ затихаетъ не иначе, какъ въ круговоротномъ движеніи столповъ воздуха и вся равнина представляетъ странное зрѣлище. Воронкообразными облаками, узкою оконечностію скользящими по землѣ, высоко подымается песокъ и бьетъ въ самой срединѣ кружащихся вихрей,—словно водяные морскіе столпы, на которые не безъ страха смотритъ и самый опытный мореходецъ. Сводъ неба тяжело виситъ надъ землею и точно ниже обыкновеннаго,—вся

пустыня степи является въ туманномъ, блѣдно-желтоватомъ полусвѣтѣ. Небо-склонъ сѣуживается и все подступаетъ ближе, такъ что невольно замираетъ сердце у странника, застигнутого этимъ явленіемъ. Знойная, пыльная земля носится въ туманной, густой атмосфере и усиливаетъ удушающій жаръ воздуха. вмѣсто прохлады восточный вѣтеръ приноситъ новый зной, потому что онъ идетъ издалека по раскаленной почвѣ.

Мало по малу пересыхаютъ и послѣднія болота, которыхъ поблекшія пальмы уже не въ силахъ защитить отъ сильнаго сухаго жара. Какъ въ вѣчныхъ снѣгахъ сѣвера животныя кочуютъ отъ холода, такъ точно здѣсь отъ зноя; глубоко въ отвердѣвшей глинѣ, неподвижно дремлютъ крокодилы и боа. Засуха распространяется по степи предвѣстницей всеобщей смерти и степь сама, отъ особеннаго преломленія лучей

свѣта, часто является огромнымъ, тихо волнующимся моремъ. Этотъ обманчивый призракъ близкой воды еще сильнѣе томить жаждою всѣхъ жителей знойныхъ равнинъ. Въ густыхъ облакахъ пыли, обезсиленные голодомъ, измученные жаждою, уныло бродятъ стада лошадей и рогатаго скота и жалобно разносятся по вѣтру то глухое мычаніе быковъ, то конское ржаніе. Дикія лошади Льяносовъ, длинно вытянувъ шею стоятъ противъ теченія воздуха, чтобы по влажности его угадать нѣтъ ли близко гдѣ воды, не совсѣмъ пересохшей лужи или болота.

Смышленнѣе и хитрѣе въ этомъ случаѣ лошаки. Они нашли средство утолять свою жажду. Въ степи растетъ шарообразная Кактусъ-дыня (*cactus melocactus*). Подъ ея иглистой кожей заключается водянистая мякоть. Передними ногами сбиваетъ лошакъ кору и острые иглы, и тогда осторожно при-

кладываетъ къ очищенному Кактусу морду и пьетъ прохладный сокъ. Но не всегда даромъ проходить и дешево достается лошаку питье изъ этого живаго, растительнаго источника: часто встрѣчаются въ степи больные лошаки, копыта которыхъ изувѣчены иглами этого растенія.

Послѣ палящаго дневнаго зноя наступаетъ прохлада тихой, длинной ночи. Но и ночью бѣдныя животныя не знаютъ покоя и отдыха. Огромныя летучія мыши, или вампиры садятся на быковъ и на лошадей и сосутъ изъ нихъ кровь, или, крѣпко вцѣпившись имъ въ спину, оставляютъ на ней гнойныя раны, къ которымъ льнутъ слѣпни, комары и цѣлые рои насѣкомыхъ съ острымъ жаломъ. Такъ мучатся и томятся здѣшнія животныя, когда жаркіе лучи солнца высушатъ въ степяхъ послѣднюю воду.

Наконецъ послѣ продолжительной за-

сухи наступаетъ время благотворнаго дождя—и вдругъ вся степь измѣняется, все обновляется и начинается снова жить. Темно-синее небо,—до тѣхъ поръ всегда безоблачное и ясное,—становится замѣтно свѣтлѣе. Черныя пятна въ созвѣздіи Южнаго Креста уже едва видны ; тихій, словно фосфорическій блескъ Магеллановыхъ облаковъ меркнетъ ; даже созвѣздія Орла и Змѣеносца блестятъ слабымъ, дрожащимъ свѣтомъ. Будто далекія горы, появляются облака на Югѣ. Подобно туману высоко поднимаются пары. Отдаленный громъ возвыщаетъ радостную вѣсть, что скоро пойдетъ живительный дождь.

Едва только поверхность земли напьется животворной влаги, какъ вся степь заблагоухаетъ, пальмы зазеленѣютъ и земля покрывается разными, душистыми травами. Вѣтеръ и дождь вызываютъ все къ жизни. Безчисленные, красивые цвѣтки пробуждаются

отъ долгой дремоты и вмѣстѣ съ утреннимъ пѣніемъ птицъ, съ шопотомъ свѣжихъ, зеленыхъ листьевъ и съ распускающимися почками водяныхъ растений привѣтствуютъ восходящее солнце. Животныя весело гуляютъ по мягкой муравѣ, радостно наслаждаясь жизнію. Въ высокой травѣ пестрый Ягуаръ снова подстерегаетъ неосторожнаго звѣря и также, какъ азіатскій тигръ, вѣрнымъ прыжкомъ хватаетъ свою добычу.

По берегамъ болотъ (такъ рассказываютъ туземцы) порою приходится видѣть странное явленіе. Мокрая глина большою глыбою вдругъ начинаетъ медленно подыматься. Подъ землею слышенъ страшный шумъ и трескъ. Глыба все растетъ и растетъ и, сильно вздувшись, наконецъ прорывается и высоко во всѣ стороны мечетъ землю, словно небольшой вулканъ, когда онъ извергаетъ изъ себя илъ и тину. Кому случится быть

близкимъ очевидцемъ этого явленія и кто знаетъ, что это такое, тотъ со страхомъ скорѣе бѣжитъ прочь, потому что изъ подъ треснувшей глины обыкновенно выползаетъ огромная змѣя или выходитъ чешуйчатый крокодилъ, пробужденный дождемъ отъ продолжительнаго, мертваго сна.

Между тѣмъ проливные дожди, не переставая, ливня льются на влажную землю—и вотъ мало по малу наполняются воды, а наконецъ разливаются Араука, Апуре и Пайара, рѣки при южной границѣ равнины. Значительная часть всей степи превращается въ большое, средиземное море. Всѣ животныя, которыя первую половину года томилась жаждою на безводной, пыльной землѣ, принуждены теперь жить, какъ земноводныя. На поверхности этого моря подобно островамъ, подымаются высокія отмели;—на нихъ кобылы съ своими жеребятами ищутъ себѣ

спасенія. Съ каждымъ днемъ все меньше и меньше остается сухой, незалитой земли. Разливъ гоняетъ одичалый скотъ въ огромныя стада и бѣдныя животныя, не находя корму, плаваютъ иногда по цѣлымъ часамъ, чтобы кой-гдѣ надъ темною, вонючею водою отыскать хоть нѣсколько осокни или какой нибудь травы. Много тутъ тонетъ жеребятъ, много пожираютъ ихъ крокодилы. Не рѣдко попадаютъ лошади и быки, которымъ удалось ускользнуть отъ пасти этихъ кровожадныхъ ящерицъ и которые носятъ на тѣлѣ слѣды ихъ острыхъ зубовъ.

Вся эта картина невольно напоминаетъ мыслящему наблюдателю, какъ заботлива природа, какъ предусмотрительно даетъ она многимъ полезнымъ растеніямъ и животнымъ возможность существованія среди самыхъ, даже невыгодныхъ условій. вмѣстѣ съ питательными, хлѣбными растеніями по

всему земному шару прошли въ слѣдъ за человѣкомъ и быкъ и лошадь, — отъ Гангеса до Ла-Платы, большой рѣки, и отъ низкаго Африканскаго берега до горной равнины Антисаны, которая лежитъ выше, чѣмъ даже конусообразная гора Тенерифы. Здѣсь сѣверная береза, тамъ южная пальма, защищаютъ утомленнаго быка отъ лучей полуденнаго солнца, и тѣ самыя животныя, которыя въ восточной Европѣ борются съ медвѣдями и волками, подъ другимъ небомъ, въ другомъ климатѣ, становятся добычею тигра и крокодила.

Но не только крокодилъ да Ягуаръ губятъ южно-американскихъ лошадей, нѣтъ, у нихъ есть опасный врагъ и между рыбами. Болотистыя воды Беры и Растро наполнены безчисленнымъ множествомъ электрическихъ угрей, которые замѣтны по своей слизистой кожѣ, испещренной желтыми пятнами. Изъ каждой части своего тѣла они по

произволу могутъ высылать электрическую силу. Эти Гимноты имѣютъ отъ 5 до 6 футовъ въ длину. Они довольно сильны, чтобы убить самое большое и крѣпкое животное, когда ловко и мѣтко разрядятъ въ него свои нервныя органы. По степной дорогѣ отъ Уритуку есть рѣчка, черезъ которую надобно переправляться въ бродѣ, и гдѣ ихъ развелось столько, что ежегодно при переправѣ отъ ихъ ударовъ тонетъ множество лошадей. Всѣ рыбы удаляются отъ опаснаго сосѣдства этихъ страшныхъ угрей. Даже рыболовъ, сидя на высокомъ берегу, боится ихъ, потому что мокрая леса удочки издали проводить ему неожиданный ударъ. Такъ даже изъ глубокихъ нѣдръ воды обнаруживается и дѣйствуетъ электрическій огонь.

Любопытно и занимательно видѣть ловлю этихъ Гимнотовъ. Въ то болото, гдѣ они водятся, Индійцы загоняютъ

цѣлое стадо лошаковъ и лошадей, а сами тѣсною цѣпью становятся по берегу. Непривычный, сильный шумъ вызываетъ этихъ страшныхъ рыбъ къ защитѣ и нападенію. Какъ змѣи, плаваютъ и выются они по поверхности воды и ловко стараются подвернуться своимъ врагамъ подъ брюхо. Многія лошади не выдерживаютъ невидимыхъ сильныхъ ударовъ и околѣваютъ. Другія же храпятъ, дыбомъ подымается у нихъ грива, глаза сверкаютъ и наливаются кровью и они съ дикимъ страхомъ бѣгутъ вонъ изъ воды. Но Индійцы, вооруженные длинными бамбуковыми палками, гонять ихъ назадъ въ средину болота. Мало по малу ослабѣваетъ ярость раздраженныхъ Гимнотовъ и неровная борьба затихаетъ. Какъ разряженные облака, разносятся во все стороны изтомленные угри. Имъ надобенъ продолжительный отдыхъ и много пищи, чтобъ собрать въ себя снова рас-

траченную ими галваническую силу. Все слабѣе и слабѣе дѣйствуютъ ихъ удары. Испуганные шумомъ и топотомъ лошадей, они боязливо плывутъ къ берегу, гдѣ ихъ ждутъ Индійцы, бьютъ ихъ острогою и потомъ сухою, деревянною палкою вытаскиваютъ изъ воды.

Такъ ведется эта удивительная битва между лошадьми и рыбами. — Тоже, что служить невидимымъ, живымъ оружіемъ для этихъ угрей, что движется во всѣхъ органахъ животныхъ и растеній, и вмѣстѣ гремитъ и сверкаетъ на отдаленномъ сводѣ неба, — что соединяетъ желѣзо съ желѣзомъ и направляетъ тихій ходъ путеводной стрѣлки, все это вытекаетъ изъ одного источника, изъ одной міровой силы, повсюду разлитой въ природѣ и вѣчно дѣйствующей силы электричества и связанныхъ съ нимъ магнетизма и галванизма.

Здѣсь слѣдовало бы намъ окончить нашъ рассказъ и изображеніе природы описанныхъ нами степей. Но какъ отдаленные берега на океанъ невольно влекутъ къ себѣ вниманіе мореходца; такъ точно любопытенъ для насъ хотя бѣглый очеркъ тѣхъ странъ, которыя лежатъ по границамъ степи. Бросимъ же на нихъ бѣглый взглядъ, прежде чѣмъ совсѣмъ разстанемся съ ними.

Сѣверная пустыня Африки разлучаетъ два народа. Они оба дѣти этой части свѣта, но ихъ вражда непримирима,—она ведется съ незапамятныхъ временъ. На Сѣверъ отъ Атласа живетъ народъ смуглаго цвѣта, съ прямыми, длинными волосами, по облику—кавказскаго племени. На Югъ отъ Сенегала, туда къ Судану на разныхъ ступеняхъ обществности, мы встрѣчаемъ Негрскія курчавыя племена. Въ средней Азіи монгольская степь отдѣляетъ ди-

кіе сибирскіе народы отъ образованныхъ жителей Гиндостанскаго полуострова.

Точно такъ и южно-американскія равнины широкою полосою проходятъ между лѣсистыми странами, жилищемъ американскихъ дикарей, и землями, гдѣ начала уже распространяться Европейская образованность. На Сѣверѣ между горною цѣпью Венецуелы и Антильскимъ моремъ, въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ лежатъ красивыя, опрятныя деревни, заботливо воздѣланныя поля и промышленные города, въ которыхъ давно уже пробудились всѣ потребности Европейской общественности.

На Югѣ степь опоясана густыми, непроходимыми, первобытными лѣсами, которые вотъ уже цѣлыя тысячелѣтія какъ стоятъ не тронуты ни всеокружающимъ временемъ, ни рукою человека. Вся полоса между Ориноко и

Амазонскою рѣкою, сырая и болотистая, поросла этими лѣсами. Огромныя, гранитныя скалы свинцоваго цвѣта сжимаютъ и тѣснятъ русло рѣкъ и едва даютъ имъ пробиваться между узкими каменными берегами. По горамъ и по лѣсу эхо отдаетъ громъ большихъ и малыхъ водопадовъ. Далеко раздается ревъ Ягуара и глухой вой бородатыхъ обезьянъ, предвозвѣстникъ близкаго дождя.

На песчаныхъ отмеляхъ мелкихъ рѣкъ, растянувшись, лежатъ живые крокодилы, разинувъ пасть, неподвижные, точно окаменѣлые, часто всѣ усаженные птицами. Обвертѣвшись хвостомъ вокругъ дерева и свернувшись въ кольца, подстерегаетъ у берега свою добычу, словно тигръ, пестрая змѣя Боа. Вдругъ, съ быстротою молніи развиваетъ она свои кольца и хватаетъ то молодаго теленка, то какую нибудь дичь и потомъ черезъ раздувшуюся шею мед-

ленно, съ усиліемъ втягиваетъ въ себя свою жертву.

Среди этой величественной и дикой природы живутъ разныя племена американскихъ туземцевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ кочевую жизнь, не знаютъ земледѣлія, ѣдятъ муравьевъ, смолу и землю—таковы Отомаки и Яруры. Другія же осѣдлыя, разводятъ плоды годныя для пищи, давно уже учредили у себя свой общественный порядокъ и отличаются кроткимъ нравомъ; — таковы напр. Маквиритары и Макосы. Каждое племя говоритъ своимъ особымъ языкомъ. Все огромное пространство между Кассиквіаромъ и Атабанно обитаемо одними Тапирами да обезьянами. Человѣка тамъ теперь нѣтъ. Только одни изображенія, вырѣзанныя на скалахъ, свидѣтельствуютъ, что нѣкогда и въ этой пустынѣ была другая жизнь, что и здѣсь цвѣла своя образованность. Эти начертанія, вмѣстѣ съ

остатками первобытныхъ языковъ, составляютъ единственные памятники для исторіи Американскаго первобытнаго человѣчества, вырѣзаннаго Испанцами или изведеннаго Англичанами.

Но если въ степи тигръ и крокодилъ ведутъ вѣчную войну съ лошадьми и быками, то на лѣсистыхъ берегахъ степи, въ пустыняхъ Гвіаны, мы находимъ человѣка вѣчно вооруженнаго на погибель человѣка. Съ непонятнымъ остервененіемъ, съ звѣрскою радостью цѣлыя племена пьютъ теплую кровь своихъ побѣжденныхъ и зарѣзанныхъ враговъ. Слабая толпа дикарей, проходя по песчаному берегу, заботливо заглаживаетъ руками свои робкіе слѣды, чтобы нельзя было узнать по нимъ, кто они и много ли ихъ было.

Такъ и на низкой ступени грубой, животной жизни и въ ложномъ блескѣ своей высокой образованности, вездѣ и

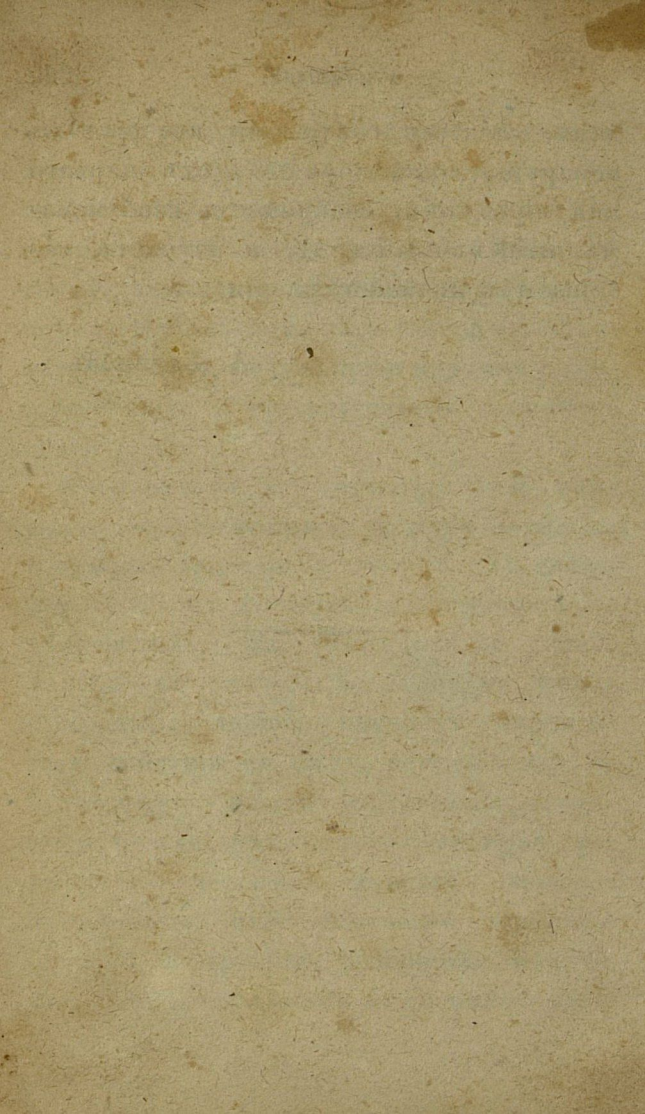
всегда приготовляетъ себѣ человѣкъ трудную, горькую жизнь. Какія бы столѣтія ни изучалъ историкъ, куда бы странникъ ни направилъ свой путь, по всему великому земному шару, вездѣ передъ его глазами открывается все та же однообразная, безутѣшная картина разъединеннаго и враждующаго человѣческаго рода.

По этому-то кто отъ грустной картины непримиримаго раздора народовъ и вѣковой вражды людей между собою стремится къ тишинѣ и нетревожному спокойствію духа, — тотъ охотно углубляется въ тихую, безмолвную жизнь природы, съ любовію изучаетъ сокровенныя дѣйствія ея силъ, погружается въ безмолвную жизнь растеній и металловъ; — или, отдавшись тому врожденному въ человѣкѣ чувству, которое наполняетъ его неясными предчувствіями о другомъ высшемъ, надземномъ мірѣ, — слѣдитъ за высокими звѣз-

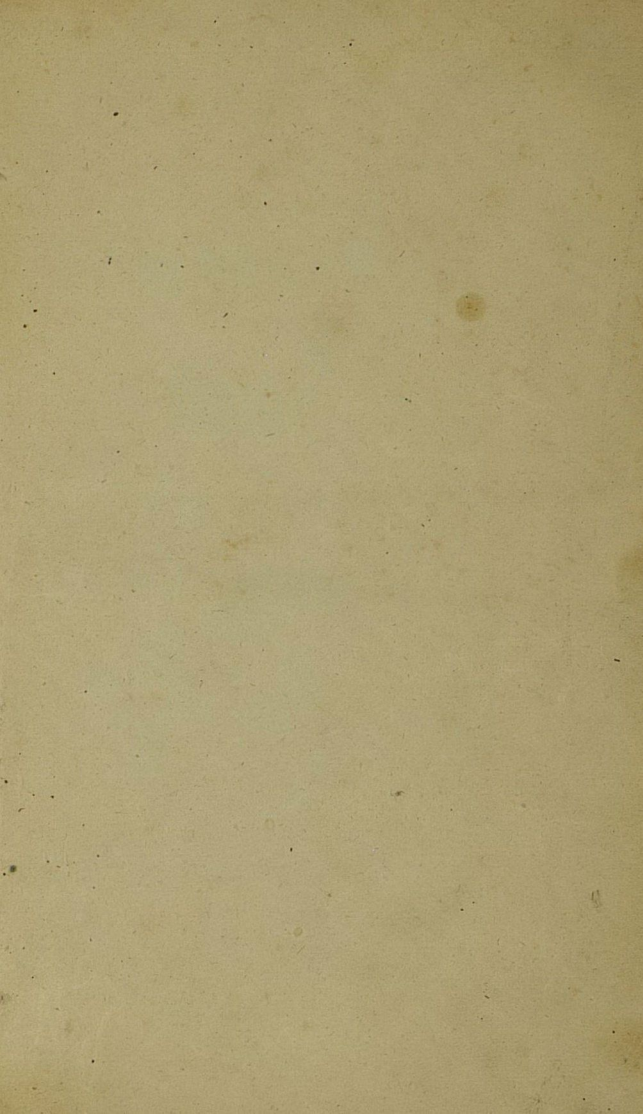
дами, ясными свѣтилами, которыя въ ненарушаемомъ порядкѣ, отъ перваго дня мірозданія, совершаютъ свой неизмѣнный, вѣчный путь, и изучаетъ законы ихъ вѣчной гармоніи.

А. ЕФРЕМОВЪ.

Pro
un
off

